
**Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН**

RjPA Russian
Journal of
Physical
Anthropology

**РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ
ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ**
№1 2023

МОСКВА
2023

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт этнологии и антропологии РАН

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций; серия
Рег.№ Эл № ФС77-82269 от 3.12 2021 г

Редакционная коллегия:

Васильев С. В. (*гл. редактор*), Веселовская Е. В. (*зам.гл. редактора*),
Фризен С. Ю. (*зам.гл. редактора*), Емельянчик О. А., Боруцкая С. Б.,
Рыкун М. П., Дзини С. (*редактор англ. версии*), Стенсфилд Е.,
Хохлов Н.В. (дизайн, верстка)

Редакционный совет:

Функ Д. А. , Бужилова А. П., Деметр Ф. (*Франция*), Пинхаси Р. (*Австрия*),
Краузе-Киора Б. (*ФРГ*), Спицына Н. Х., Година Е. З., Багашев А. Н.,
Марфина О. В. (*Белоруссия*), Вебер А. (*Канада*),
Печенкина Е. (*США*), Крийска А. (*Эстония*)

Адрес редакции:

119334, Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

Тел: +7 (495) 125-62-52
Тел: +7 (495) 954-93-63
E-mail: redaktsia.rjfa@yandex.ru

ISSN: 2782-5000

DOI: 10.33876/2782-5000/2023-5-1

© Институт этнологии и антропологии РАН

© Журнал «Российский журнал физической антропологии»

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМОРИУМ

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ТЕЛЬМАНА КАСИМОВИЧА ХОДЖАЙОВА 7
Герасимова М.М.

МОИ ВСТРЕЧИ С ТЕЛЬМАНОМ КАСИМОВИЧЕМ 15
Сайпов С.Т.

АРХИВ

АНТРОПОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ 19
Ходжайов Т.К.

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ РАБОТ ЛАУРЕАТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ИМ. АБУ-РЕЙХАН
АЛЬ-БЕРУНИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ПРОФЕССОРА ХОДЖАЙОВА ТЕЛЬМАНА КАСИМОВИЧА 106

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ 127

CONTENTS

MEMORIAL

DEDICATED TO THE 85TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF
TELMAN KASIMOVICH XO'JAYEV 7

M.M. Gerasimova

MY MEETINGS WITH TELMAN KASIMOVICH 15

S.T. Sajpov

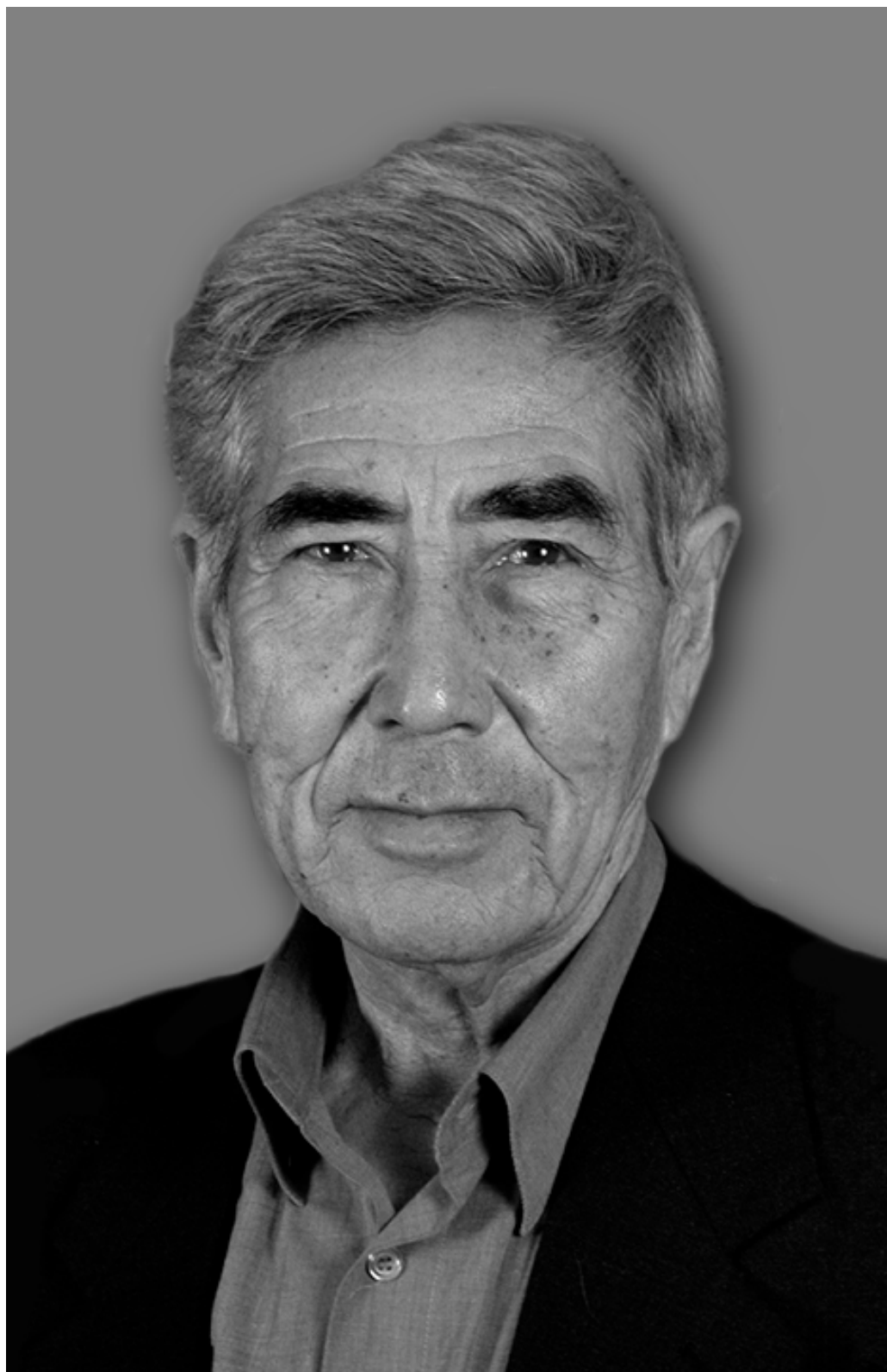
ARCHIVE

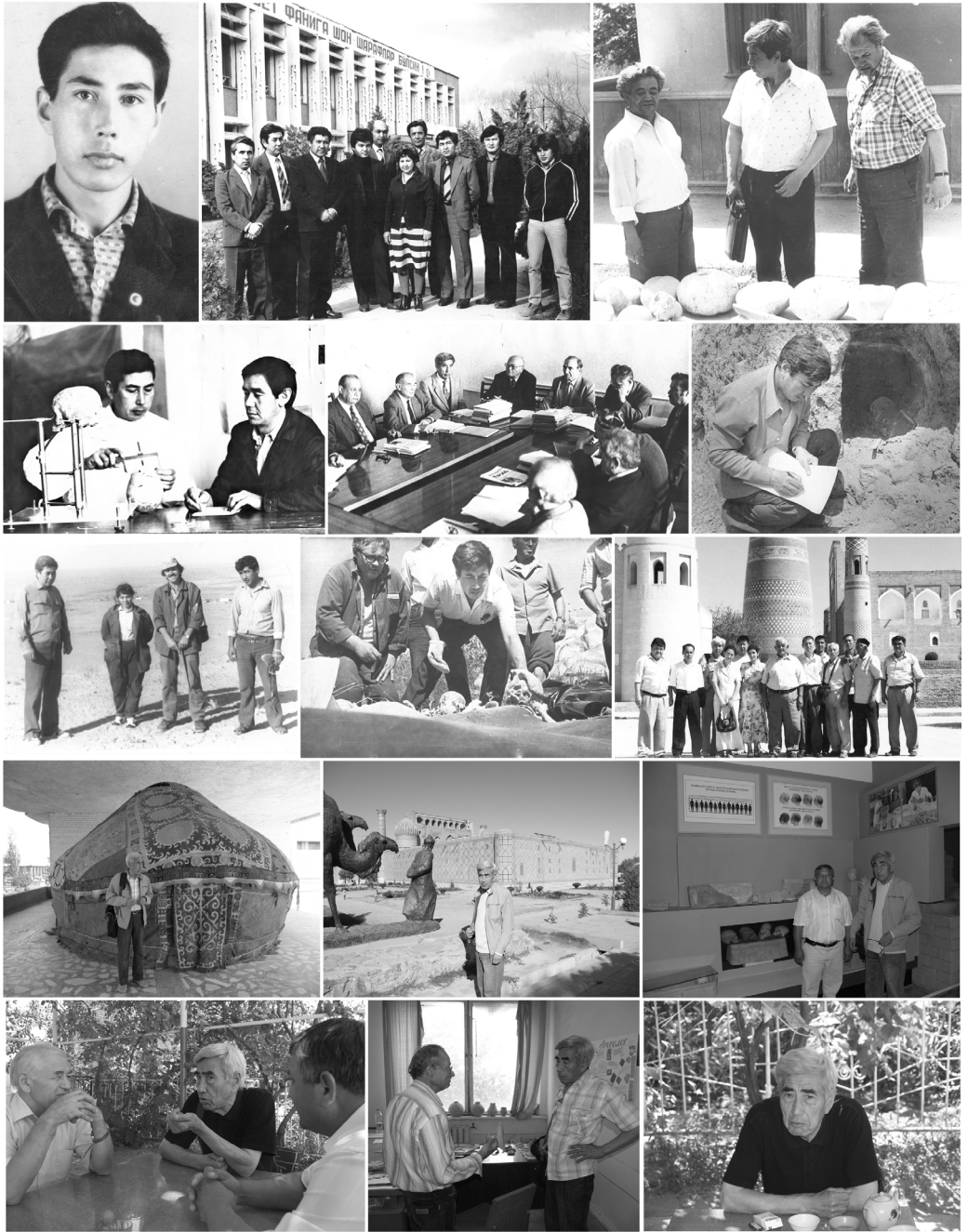
ANTHROPOLOGY OF CENTRAL'ASIA 19

T.K. Xo'jayev

BIBLIOGRAPHY OF THE SCIENTIFIC WORKS
OF THE LAUREATE OF THE STATE PRIZE ABU-RAYHAN
AL-BIRUNI, DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES,
PROFESSOR KASIMOVICH XO'JAYEV TELMAN 106

REQUIREMENTS TO THE ARTICLES 127

DOI:10.33876/2782-5000/2023-5-1/7-14

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТЕЛЬМАНА КАСИМОВИЧА ХОДЖАЙОВА

Герасимова М.М.¹

¹ – Институт этнологии и антропологии РАН

8 марта 2023 г. Тельману Касимовичу Ходжайову исполнилось бы 85 лет. Он скончался год назад – 17 января 2022 г. Тельман Касимович начал работать в нашем отделе физической антропологии (ныне ЦФА) 22 года назад. Тельман Касимович Ходжайов – лауреат Государственной премии Узбекской ССР им. Абу Райхана Беруни, крупнейший, наряду с Ошаниным Л.В., специалист по антропологии и палеоантропологии Средней Азии, в его научном арсенале более сотни работ, из них полтора десятка монографий.

Коллеги-антропологи старшего поколения хорошо знали его с тех давних времен, когда он был аспирантом Ленинградского отделения Института этнографии (ныне МАЭ), и потом, когда он работал в Нукусе, Самарканде и Ташкенте, нас связывала старая дружба, участие в конференциях, совместные экспедиции, его приезды в Москву из Узбекистана, обязательно сопровождаемые традиционным приготовлением плова. Младшее тогдашнее поколение узнало его как профессионала, всегда готового помочь советом благодаря своему огромному опыту, но охотно прислушивающегося к новым веяниям и начинаниям, прекрасного рассказчика с мягким и добрым юмором. Проработав в нашем отделе, теперь ЦФА, более двух десятков лет, до самой своей кончины, Тельман Касимович оставался для нас и уже успевшего повзрослеть младшего поколения коллегой, другом, со своей теплой улыбкой, ненавязчивыми и доброжелательными советами относительно профессиональной деятельности, интересными и яркими рассказами о многочисленных экспедициях. И все мы понимали значимость его личности и грандиозность проделанной им работы.

Нет, пожалуй, ни одного из больших регионов, когда-то входивших в пределы Советского Союза, а ныне являющихся нашими соседями, как Средняя Азия, так полно изученного в антропологическом плане. Палео-

антропологический покров большинства из территорий этого обширного и интереснейшего региона, особенно Узбекистана и Каракалпакии, представленного в настоящее время огромным материалом, известен главным образом благодаря инициативе, усилиям по сбору и творческому осмыслению его Т.К. Ходжайовым. Позволю себе остановиться на некоторых ключевых работах Тельмана Касимовича. Только с 2007 по 2016 гг. в литературу вошло несколько обобщающих монографий по палеоантропологии Средней Азии, где существенная составляющая представлена материалами по краниологии, собранными и изученными Т.К. Ходжайовым (Ходжайов 2007; Ходжайов и др. 2008, 2009, 2011, 2011а, 2012, 2016).

Монография 2007 г. Т.К. Ходжайова «Население поздне феодальной Бухары» вводит в научное обращение уникальные материалы по краниологии и палеодемографии 13 знаменитых позднефеодальных мавзолеев Бухары и ее окрестностей. Работа содержит два приложения: таблицу индивидуальных и средних данных по краниологии и одонтологическую характеристику средневекового населения Бухары, выполненную Г.К. Ходжайовой. Материалы из Бухары и имевшийся в распоряжении автора многочисленный материал из других археологических памятников были подвергнуты анализу с помощью современных методов многомерной статистики. Интересным представляется сопоставление данных о расселении этнических групп внутри города и о социальной стратификации населения с морфологическими характеристиками выделенных групп, позволившее автору сделать обоснованный вывод о внедрении в городскую среду, созданную населением, утратившим родоплеменную стратификацию, полукочевых племен со значительной монголоидной примесью. Процесс внедрения этих племен, начавшийся в конце первого тысячелетия до н.э., продолжался и позднее, вплоть до позднефеодального периода. Пожалуй, это одна из немногих, если не единственная работа такого плана!

В следующем 2008 г. появляется работа, представляющая собой труд двух авторов, в основу ее положены материалы из раскопок раннесредневекового могильника Куюккала, относящегося к кердерской культуре (Ходжайов, Мамбетулаев 2008). Кердерская культура сложилась в раннем Средневековье в правобережной части дельты Амударьи, и носители этой своеобразной и яркой культуры, судя по археологическим данным, имели значительные связи с населением Хорезма, племенами нижней и средней Сырдарьи, Семиречья и даже Южной Сибири. Исследование палеоантропологических материалов кердерской культуры (палеодемографии, краниологии и остеологии) позволило поставить и решить вопросы этнических связей населения этой культуры с населением Устюрта, Северного Хорасана, Тохаристана, Согда, Усрушаны и т.д. Предпринятый многомерный межгрупповой анализ на широком сравнительном фоне выявил наличие разнонаправленных антропологических связей, показал, что в формировании сложного состава жителей владения Кердер принимало участие как

местное, так и пришлое население. Эти пришлые скотоводческие племена, вероятнее всего, были выходцами из бассейна нижнего и среднего течения Сырдарьи, севера Ферганской долины и долины Таласа. В различные отрезки времени для процессов сложения антропологических особенностей населения владения Кердер были характерны различные соотношения субстратного и суперстратного компонентов. Они с очевидностью показывают сложность формирования антропологического состава населения Средней Азии, специфику соотношений кочевого и оседлого земледельческого населения, сельского и городского, европеоидного и монголоидного в античное время, раннее и развитое Средневековье.

Совместный труд Т.К. Ходжайова и петербургского антрополога А.В. Громова «Палеодемография Средней Азии» 2009 г. издания является первой сводкой огромного массива данных по Центрально-Азиатскому региону, характеризующемуся сложными и разнообразными историческими судьбами народов, населяющих его, пестротой этнической карты, чрезвычайно сложной картиной антропологического состава населения. Динамика половозрастной структуры населения прослежена от эпохи энеолита и бронзы до современности. Масштаб собранных первичных данных ошеломляет: один из самых значительных памятников – это полностью раскопанный могильник Пархай II в долине р. Сумбар (Юго-Западный Туркменистан), в котором зафиксировано 4193 индивида, а число половозрастных определений достигает 3120. Ценность работы заключается также в том, что она представляет собой сводку авторских половозрастных определений, и лишь в отдельных случаях содержит данные других исследователей. Причем надо отметить, что большинство половозрастных определений сделано одним из исследователей.

Количество индивидуальных половозрастных определений, включая не столь многочисленные опубликованные ранее данные других авторов, позволяет провести обобщающие исследования в изучении демографической структуры городского и сельского населения Средней Азии в различные исторические эпохи. Для периода энеолита и бронзы беглый подсчет говорит о приблизительно шести тысячах индивидуальных определений, для Античности и для Средневековья – приблизительно о двух тысячах. Палеодемография является единственным источником получения демографических данных для древних эпох и для многих территорий, население которых не имело письменности. Но и для периода, близкого к современности, палеодемографические данные не утрачивают своей уникальности в качестве исторического источника.

Безусловного внимания заслуживает также монография Ходжайовых в соавторстве с С.И. Мустафакуловым, посвященная двум крупным исследователям антропологии Средней Азии, В.В. Гинзбургу и Т.А. Трофимовой, которые в известном смысле были учителями, а затем и старшими коллегам

ми Ходжайовых. Монография «Старый Термез (к антропологии населения Бактрии-Тохаристана)» 2012 г. издания посвящена исследованию этапов формирования антропологических особенностей населения огромной историко-культурной области начиная с эпохи Античности вплоть до времени, близкому к современности. Нет необходимости обосновывать значимость изучения палеоантропологии этой исторической области, известной в древности как Бактрия, входившей в состав государства Ахеменидов, затем в империю Александра Македонского, образовавшей Греко-Бактрийское государство, а в Средние века известной как Тохаристан, ставший основным ядром Кушанской империи. И что самое главное – работа содержит приложение, где представлены в табличном виде индивидуальные измерения черепов, организованные в серии согласно археологическим и хронологическим критериям, которое еще долгие и долгие годы будет настольной книгой для нескольких поколений антропологов.

Материалы эти существенны не только для антропологов, но и для археологов и историков широкого профиля, поскольку касаются взаимоотношений городского, сельского и кочевническо-скотоводческого населения Бактрии-Тохаристана, а также взаимоотношений этого населения с населением других историко-культурных областей Средней Азии и сопредельных регионов. Антропологический материал охватывает огромный исторический отрезок времени, в течение которого происходили существенные изменения в политической и этнической истории данного региона, что способствовало возможности рассмотреть динамику антропологических признаков и комплексов от эпохи Античности до позднего Средневековья.

В 2016 г. вышла монографическая работа Тельмана Касимовича «Историческая антропология Таджикистана» (Ходжайов 2016), в которой автор, основываясь преимущественно на обширных данных расовой соматологии и палеоантропологии, собранных многочисленными предшественниками прошлого и настоящего времени, с использованием собственных палеоантропологических материалов, излагает свои представления о формировании антропологического облика населения Таджикистана с древнейших времен до современности. Тельман Касимович отмечает, что, к сожалению, в отличие от антропологического покрова Узбекистана, антропологический покров Таджикистана и его динамика изучены недостаточно, представлены отдельными разрозненными и географически, и хронологически, и в культурном отношении археологическими памятниками, дающими представление об антропологических особенностях отдельных разрозненных популяций, области которых не образуют целостного ареала. Заслуживает внимания отдельная глава, посвященная динамике во времени типов искусственной (преднамеренной) деформации головы и предлагающая сводку данных раздельно – по историко-культурным областям и географическим зонам. Автор показывает, что распространение обычая деформации головы является не только результатом процесса культурной ретрансляции, но и

показателем миграции больших групп населения, выявляя, например, конкретный южный путь распространения лобно-затылочной деформации, совпадающий по времени с движением масс кочевников из северных областей Средней Азии в Северную Бактрию и далее... Этими крупными и интереснейшими работами не исчерпывается научное наследие Тельмана Касимовича. Не следует забывать также его активную деятельность по чтению лекций в различных вузах Узбекистана, публикацию нескольких учебных и методических пособий для преподавателей исторических факультетов вузов страны на узбекском и русском языках и то, что под его руководством было выполнено значительное число курсовых и дипломных работ по темам, в той или иной степени связанным с проблемами этнической истории и антропологии Средней Азии. Им было подготовлено три докторанта, пять аспирантов и пять соискателей, которые успешно защитились.

К сожалению, непрерывная в идеале связь «учитель – ученик» для узбекской физической антропологии оказалась прерванной из-за распада Советского Союза и переезда Тельмана Касимовича в Россию. Но повторюсь: никто не сделал для антропологии Узбекистана больше, чем он. Причем, поскольку Средняя Азия в силу своего географического положения и огромного исторического прошлого является регионом, определяющим судьбы не только народов, населяющих ее территорию, но и населения сопредельных стран, значение его работ не исчерпывается узкими территориальными или национальными интересами, его исследования заставили отказаться от некоторых стереотипных представлений о контактах кочевого и оседлого населения, о различной роли этих групп в формировании социальных структур городского населения. Кроме решения проблем локальных этногенезов, где антропологические данные являются важнейшей составляющей, его исследования внесли существенный вклад в решение общих теоретических и практических проблем физической антропологии.

В 1957 г. девятнадцатилетний Тельман поступает в Каракалпакский государственный педагогический институт на естественно-географический факультет, специализируясь на биолога. В связи с открытием в Нукусе в 1960 г. Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР возникла необходимость в национальных кадрах, в частности по специальности «антропология», и Тельман, как успешный и подающий надежды студент, с третьего курса был переведен в Ташкентский госуниверситет на биолого-почвенный факультет для специализации в области антропологии. Его наставниками и учителями были ученики Льва Васильевича Ошанина – Валентина Яковлевна Зезенкова и Кадир Наджимович Наджимов. На четвертом курсе для лучших студентов биофака была организована практика на биологическом факультете МГУ. Как будущий антрополог, Тельман Ходжайов стажировался в Институте антропологии МГУ. Здесь произошло его знакомство с краниологами Т.С. Кондукторовой и Н.Г. Залкинд, здесь он под их руководством прошел практику краниологических исследований,

в частности измерял черепа остяков. Его первые самостоятельные исследования были посвящены антропологическому изучению одной из современных территориальных узбекских групп. Результаты были оформлены в дипломную работу «Узбеки Верхне-Чирчикского района». Руководителем дипломной работы был К.Н. Наджимов.

После окончания университета Тельман Касимович был распределен на работу младшим научным сотрудником в Институт истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР в г. Нукусе. Как антрополог участвовал во многих археологических экспедициях, собирая палеоантропологический материал. Но чувствовал, что ему не хватает профессионализма, и потому решил поступать в аспирантуру Института этнографии в Москве по специальности «антропология». Прекрасно сдал экзамен по специальности, в приемной комиссии были Г.Ф. Дебец, М.М. Герасимов и молодой В.П. Алексеев. По просьбе Т.А. Трофимовой, крупного исследователя палеоантропологии древнего Хорезма, которая по личным обстоятельствам не смогла стать научным руководителем аспиранта, руководителем согласился стать добрейший Вульф Вениаминович Гинзбург, заведующий ленинградской частью отдела антропологии, известный исследователь антропологии населения Средней Азии. И Тельман отправился в Ленинград. Так удачно сложилось, что в это время в Каракалпакии велись стационарные раскопки огромного городища Миздахкан, функционировавшего течение более чем двух тысячелетий, с огромным некрополем. Участвуя в раскопках, Т.К. Ходжайов в течение двух полевых сезонов собрал значительный палеоантропологический материал по периоду с III по XX вв. (сегодня этот материал находится в фондах отдела антропологии МАЭ им. Петра Великого в Санкт-Петербурге). Этот материал лег в основу его кандидатской диссертации «Формирование антропологического состава населения Южного Приаралья (Миздахкан)», которую он прекрасно защитил в Москве в 1968 г. Окончив аспирантуру, Тельман Касимович в 1967 г. вернулся в Нукус, где работал сначала младшим, а затем старшим научным сотрудником Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР до 1972 г. Он продолжал сборы палеоантропологического материала, который в настоящее время должен быть в фондах Каракалпакского филиала Академии. Опубликовал монографию в соавторстве с археологом В.Н. Ягодиным «Некрополь древнего Миздахкана» в 1970 г. и около десятка статей в журналах. Молодой исследователь активно участвовал с докладами и сообщениями на всесоюзных и республиканских научных конференциях, а также занимался активной просветительской деятельностью среди населения Каракалпакии. Принимал участие вместе с этнографами и археологами в исследовании легендарных захоронений, мест поклонений святым, например мавзолея Шамун-наби, могила которого оказалась, увы, пустой.

В 1972 г. начинается самаркандский период творчества и научной деятельности Тельмана Касимовича. Он по рекомендации ученицы Л.В. Оша-

нина В.Я. Зезенковой получает приглашение на работу во вновь организованный в Самарканде, по инициативе академика Я.Г. Гулямова, Институт археологии. Здесь он проработал десять лет старшим научным сотрудником в отделе античной археологии, но как антрополог для сбора материала участвовал в работе практически всех экспедиций института. Это был сложный и трудный, но в то же время интересный и насыщенный период его жизни. Он становится заведующим отдела свода памятников Узбекистана, что наряду с огромной организационной работой сочетается со сбором, изучением и интерпретацией палеоантропологических материалов, требующих к тому же, как правило, трудоемких реставрационных работ. Тельман Касимович, невзирая на загруженность, участвует в раскопках не только на территории Узбекистана, но и в экспедициях в Таджикистане, Туркмении, Киргизии, Украине, Северном Кавказе. На основе собранного материала им была написана докторская диссертация «Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы», успешно защищенная в Москве в 1982 г.

Еще на посту зав. отделом свода памятников Узбекистана в 1980 г. Т.К. Ходжайов выступил с идеей создания в Институте археологии АН Узбекистана отдела этнической антропологии, всячески поддержанной академиком А.А. Аскарковым. Совместно с В.П. Алексеевым ими была разработана комплексная программа, включающая соматологические, дерматоглифические, одонтологические, серологические исследования. В 1984 г. Тельман Касимович становится заведующим отделом этнической антропологии и остается им вплоть до 1989 г., до его переезда в Ташкент. Ему удается организовать и провести комплексные исследования в более чем 50 этнотерриториальных группах современного населения Средней Азии. Было изучено более 10 тысяч человек по комплексной программе с параллельным сбором этнографических сведений, данных о круге брачных связей, учетом хозяйственной, культурной специфики.

Осенью 1989 г. Т.К. Ходжайов был приглашен на работу в Ташкентский государственный университет на исторический факультет. Первоначально занимал должность профессора кафедры истории Древнего мира, Средних веков и этнографии (звание профессора с 1993 г.), а с 1994 г. стал заведующим этой кафедрой, где проработал до своего шестидесятилетия и последующего переезда в Санкт-Петербург. Этот период его научно-просветительской жизни был достаточно успешным. Были разработаны общие и специальные курсы по антропологии для студентов исторического, биологического, психологического факультетов: «Основы антропологии», «Основы физической антропологии», «Антропология Средней Азии», «Актуальные проблемы исторической науки в Узбекистане», «Этногенез и этническая история народов Средней Азии», «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов мира»; эти курсы он также читал в областных вузах в Самарканде, Ургенче, Хиве и других городах. Его научная и служебная карьера складывается наилучшим образом. Он крупнейший специалист

в области антропологии Средней Азии, им собрана богатейшая краниологическая коллекция, его библиографический список насчитывает в районе 200 работ.

Заслуги Т.К. Ходжайова признаны Правительством Узбекистана и научной общественностью: он эксперт ВАКа по общественным наукам, эксперт ГКНТ, член многих ученых советов, он стал лауреатом Государственной премии Узбекской ССР им. Абу Райхана Беруни, он награжден Почетной грамотой Президента Республики Узбекистан в 1995 г.

Но он вынужден покинуть свою солнечную страну со всеми ее радостями и проблемами. Распад Советского Союза тяжело прошелся по семье Тельмана Касимовича. Обе его дочери, закончили Ленинградский госуниверситет и остались в России. Подрастала внучка. Это было тяжелое время для нас всех, многие академические и отраслевые научно-исследовательские институты еле-еле держались на плаву, однако жила слабая надежда, что ему удастся устроиться в отдел антропологии МАЭ. В МАЭ мест не было... Но так удачно сложилось, что Тельман Касимович стал работать в нашем отделе. Нашему же отделу (ныне – Центру физической антропологии) очень повезло, что 23 года с нами бок о бок работал такой крупный интересный исследователь и прекрасный человек, как Тельман Касимович Ходжайов, у которого было чему поучиться: преданности науке, трудолюбию, креативности, дружелюбию, такту и скромности в отношениях с коллегами и доброты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимова М.М. Тельману Касимовичу Ходжайову – 70 лет // ВА. Научный альманах. № 16. 2008.
2. Ходжайов Т.К. Население позднефеодальной Бухары. М., 2007.
3. Ходжайов Т.К., Мамбетуллаев М.М. Раннесредневековый некрополь Куюккала. М.: Экост, 2008.
4. Ходжайов Т.К., Громов А.В. Палеодемография Средней Азии. М.: «Информационная цивилизация – ХХIV». 2009.
5. Ходжайов Т.К., Мустафакуло С.И., Ходжайова Г.К. Палеоантропология юга Средней Азии эпохи неолита и бронзы. М.: «Микопринт», 2011.
6. Ходжайов Т.К. Население Кушанской империи (антропология, письменные источники, и изобразительное искусство) // LAP PUBLISHING, 2011a
7. Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И., Ходжайова Г.К. Старый Термез (К антропологии Бактрии-Тохаристана). Актобе, 2012.
8. Ходжайов Т.К. Историческая антропология Таджикистана, М.: «РАДА-реклама» 2016.

DOI:10.33876/2782-5000/2023-5-1/15-18

МОИ ВСТРЕЧИ С ТЕЛЬМАНОМ КАСИМОВИЧЕМ

Сайпов С.Т.¹

¹–Каракалпакский государственный университет имени Бердаха,
Республики Узбекистан, г. Нукус

Первая встреча с профессором Тельманом Касимовичем Ходжайовым состоялась в декабре 2005 г. в Самарканде в связи с защитой докторской диссертации археологом М.Ш. Кдырниязовым, когда он был официальным оппонентом. В те годы я был молодым аспирантом М.Ш. Кдырниязова, замечательного археолога, ныне покойного. Они оба были давно состоявшимися, известными учеными, внесшими большой вклад в развитие исторической науки в Каракалпакстане, участвовали во многих экспедициях, имели совместные публикации. Мне давно хотелось встретиться с Тельманом ака, знал, что его семья прожила в Каракалпакстане много лет, он учился в этом университете (пединституте), работал в филиале Академии наук УЗССР, читал его монографии и многочисленные публикации по антропологии, этногенезу и этнической истории Средней Азии, в том числе и Каракалпакстана. Особенно я надеялся на личное общение весной 2004 г., на Международной конференции «История и этническая история каракалпакского народа», организованной Каракалпакским госуниверситетом в Нукусе. Тогда он не смог приехать из Москвы, но его доклад был зачитан участникам конференции.

Представленный доклад был содержательным, основанным на большом антропологическом материале, собиравшимся Тельманом Касимовичем в течение многих десятилетий, начиная с 1963 г. Он был посвящен вопросам формирования и становления каракалпакского народа, многокомпонентности его морфологического и этнического состава, месту и времени сложения этноса. Я знал, что Тельман Касимович родом из Хорезма, работал много лет в Каракалпакии с археологами и этнографами, собрал громадный материал, легший в основу его кандидатской диссертации,

двух монографий, книг и других многочисленных публикаций. Но я не знал тогда, что он был первым и единственным антропологом в Каракалпакстане, да и долгое время в последующем, а после ухода из жизни его учителей единственным в Узбекистане. Я подумал, что хорошо бы встретиться с этим человеком, внесшим такой большой вклад в историческую науку.

Наша личная встреча произошла в конце следующего 2005 г. Мы оказались вместе в аспирантском общежитии в доме при Институте археологии. Тельман Касимович не стал заселяться в гостиницу, поскольку хотел больше времени уделить общению со своими коллегами-археологами. Кроме того, именно в этом доме он прожил со своей семьей более 15 лет. Большая территория, на которой располагаются институт и дом, огромный фруктовый сад со старыми и молодыми фруктовыми деревьями, виноградником, тандыр, море цветов, журчащий Обирахмат с чистой водой и арыками, и рядом древний Афрасиаб. До работы буквально два шага – хранилище материалов, рабочий кабинет. Идеальные условия для научной деятельности!

Я смог побеседовать с Тельманом Касимовичем об аспирантуре, первом опыте своей научной работы. Он расспрашивал меня, давал советы, внимательно слушал. Я задавал ему вопросы, касающиеся антропологии, ее роли в решении проблем этногенеза и этнической истории каракалпакского народа. Участвовал в дискуссии Тельман аки и старших коллег-археологов о том, является ли Юго-Восточное Приаралье прародиной каракалпаков. Он отстаивал свою позицию с точки зрения не только антрополога, владеющего биологической информацией, но и человека, изучавшего проблему происхождения народов в комплексе с данными археологии, этнографии, лингвистики, письменных источников, политической и общей истории. Должны были приехать археологи Нукуса во главе с В.Н. Ягодиным. Тельман Касимович, к моему удивлению, заявил, что сам будет готовить для своих нукусских друзей. Естественно, как самый молодой, я был назначен помощником Тельман аки, и мы вместе приступили к работе. Неожиданно погасло электричество во всем доме и в самом институте. У нас не было ни свечей, ни фонариков, ни даже керосиновой лампы. Я вспомнил свою экспедиционную жизнь, взял пустую пиалу, налил в нее немного хлопкового масла, скрутил фитиль из подручной тряпки и зажег его. Потом я раздобыл свечи, принес свежие лепешки, и мы продолжили готовить плов. Когда появились гости, Тельман ака похвалил меня за мою сообразительность и находчивость, сказав, что я уже состоялся как археолог-полевик. Я подумал, что с ним, наверное, легко в общении как в научной жизни, так и в быту. Поздним вечером появились археологи, включилось электричество. Все сели за один большой стол. Снова возобновилась научная беседа.

На следующий день состоялась докторская защита моего учителя и наставника, я вместе с другими археологами возвращался в Нукус, попро-

щался с Тельманом Касимовичем. Я был поражен, что такой известный человек, редкий специалист, за плечами которого большой жизненный опыт и огромная научная жизнь, решающий наиболее сложные проблемы исторической науки, оказался очень доброжелательным, внимательным, в повседневной жизни таким простым, спокойным и доступным для общения. Он может приготовить плов на большой коллектив, быть очень строгим оппонентом, высказывающим все свои замечания, несмотря на долгую дружбу с докторантом. Убедительно отстаивал свои научные взгляды, при этом стараясь не обидеть своих оппонентов в процессе дискуссии. Такова была моя встреча с уважаемым Тельманом Касимовичем.

Второй раз мы встретились уже в Нукусе через год, в сентябре 2006 г., когда я перешел на работу в Нукусский педагогический институт, на кафедру профессора М. Мамбетуллаева. Тельман ака приезжал в командировку, чтобы изучить палеоантропологические материалы, принадлежащие кердерской культуре, полученные группой археологов института под руководством старого его друга профессора М. Мамбетуллаева. С последним их связывала давняя дружба и совместная работа не только в экспедиции и в период жизни Тельман аки в Каракалпакии, а также в Самарканде, Ташкенте, Москве. По результатам этих исследований ими опубликованы совместная монография «Куюккала» в Москве и большое количество работ в Узбекистане и России. Это был не первый приезд его в Академию наук и университет. В каждый свой визит он читал общие и специальные курсы по антропологии и этнографии, лекции по этнической и исторической антропологии для научных работников, преподавателей и студентов исторических и других гуманитарных специальностей, проводил практические занятия по физической антропологии (краниологии и соматологии). Однако в этот раз был сезон сбора хлопка, и основная масса педагогов и студентов находилась в поле.

Тельман Касимович тепло поздоровался со мной, он не забыл нашу первую встречу в Самарканде. Вспомнили тот плов, который вместе готовили, пошутили. Он остановился тогда в центре города возле гостиницы «Ташкент» у внучки и правнука той семьи, с которой он и его мама Раиса (Рабига) Абдуллаевна прожили в тесной дружбе более тридцати пяти лет, с 1937 до 1972 гг. Поддерживал общение с ними до самой своей кончины. Его мама и папа похоронены в Нукусе.

Я снова был назначен «помощником», чему очень обрадовался. Приносил Тельману Касимовичу коробки с антропологическими материалами. Тельман ака привез с собой почти полный комплект измерительных инструментов, производил измерения и описания костного материала. Однажды, когда я принес очередную коробку, он загадочно улыбнулся и продемонстрировал мне один из экземпляров, принадлежавший женщине необычно-

го, можно сказать, громадного роста. Я был сильно удивлен не столько уникальностью этой находки, сколько количеством той информации, которую можно извлечь из такого материала.

Таким образом, не отвлекаясь, он интенсивно работал на протяжении нескольких дней. Приходили друзья, знакомые, настойчиво приглашали в гости, Тельман ака постоянно отказывался. Во-первых, у него было много работы, надо было уложиться в короткие сроки командировки. Во-вторых, будучи застенчивым и очень скромным человеком, он не хотел беспокоить людей. Поэтому через некоторое время я, стесняясь, спросил его, не согласится ли он приехать ко мне в гости.

Он ответил, что согласен побывать в моем доме, но при одном условии: что я не буду устраивать торжественного приема с приглашением большого количества гостей. Для меня и моей семьи было огромной честью принять в своем доме такого почетного гостя, как Тельман ака. Я окончательно убедился в том, что он скромный человек и не любит пышных приемов. Мы очень хорошо и спокойно провели время, ели бешбармак с куриным мясом, как он попросил. Аксакал поблагодарил нас, пожелал мира, удачи и благополучия мне и моей семье – «патия». К сожалению, я не был с ним до конца его пребывания, меня отправили в командировку к моим студентам. Когда я вернулся, он уже покинул Москву.

К сожалению, больше мы не встречались. Весть об уходе Тельмана Касимовича из жизни я принял как известие о потере близкого человека. В моей памяти Тельман ака останется как выдающийся ученый, внесший большой вклад в антропологию и изучение истории Средней Азии, как замечательный наставник, доброжелательный, спокойный и отзывчивый человек с большим умом, великолепный собеседник, творческий деятель с огромным опытом, всегда показывающий молодым правильный жизненный и научный путь. Искренне соболезную родным и близким, всем, кому выпала честь знать и Тельмана Касимовича и работать с ним! Светлая память!

DOI:10.33876/2782-5000/2023-5-1/19-105

АРХИВ

В этом номере мы открываем рубрику «Архив», здесь будем публиковать материалы, которые не были изданы. Мы начинаем публикацию незавершенной монографии Тельмана Касимовича Ходжайова «Антропология Средней Азии». Данная рукопись сначала была оформлена в виде статьи. Позднее она была дополнена, предполагалось ее включение в монографию, которую Тельман Касимович не успел завершить. В этом номере публикуется текстовая часть в авторской редакции, т.к. работа не была завершена, в тексте могут отсутствовать ссылки, которые автор планировал добавить позже. В следующих номерах будут опубликованы рисунки и таблицы, подготовленные для данной монографии.

Редколлегия

АНТРОПОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ходжайов Т.К.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Племена каменного века	18
Глава II. Население эпохи энеолита и бронзы	29
Глава III. Население эпохи раннего железа и сакского времени.....	42
Глава IV. Население эпохи Античности	48
Глава V. Население раннего Средневековья.....	64
Глава VI. Население развитого Средневековья	70
Глава VII. Население позднего Средневековья	77
Глава VIII. Палеодемография населения Средней Азии	84
Заключение	87
Литература	89

ГЛАВА I.

ПЛЕМЕНА КАМЕННОГО ВЕКА

Средняя Азия, по мнению многих исследователей, была заселена в ашельское время, хотя не исключается и более ранняя дата. Наиболее хорошо исследованы на данной территории находки мустьерской эпохи, к которой относится большая группа опорных памятников. Это Тешик-Таш в Южном Узбекистане, где найдены останки человека неандертальского типа; Ходжикент и Обирахмат, Куль-булак в Ташкентской области, Кутурбулак под Самаркандом, Карабура в Таджикистане и ряд других памятников. В эпоху мустье более отчетливо проявляются те культурные различия, которые обнаруживались еще в предшествующие эпохи.

Памятники верхнепалеолитической культуры, менее изученные, чем предшествующие мустьерские, находятся также в равнинных районах Узбекистана – Самаркандская стоянка, Кульбулак – и Таджикистане – Шугноу. Культурные традиции верхнепалеолитического населения Средней Азии, вероятно, зародились еще в мустьерскую эпоху.

Исследования находок палеолитической эпохи среднеазиатского региона продолжают довольно успешно. Однако на сегодняшний день остается еще ряд нерешенных вопросов. Очевидно, это связано с интенсивным развитием за последние десятилетия мировой науки об эволюции человека. Современная антропология практически отказалась от ароморфной гипотезы формирования человека, которая подразумевает стадиальное развитие человека по пути, когда каждая стадия характеризуется определенным физическим обликом и материальной культурой. Появление целого ряда новых находок в Африке, Европе, Азии показало несоответствие материальной культуры и физического типа внутри стадий.

В связи с этим мировая антропология все более склоняется к кладогенетическому происхождению человека с постоянными миграциями и метисацией. Вопросы, связанные с происхождением человека вообще и человека разумного в частности, все больше решаются в пользу моноцентризма. Так, на сегодняшний день считаются в большинстве признанными следующие положения. Все эректоидные формы принято делить на три вида: *Homo erectus* – азиатские формы (питекантропы и синантропы), *Homo ergaster* – как правило, более древние исходно африканские формы, *Homo heidelbergensis* – африканские и в большей части европейские прогрессивные формы. Неандертальский человек *Homo neanderthalensis* как вид прослеживается только в приледниковой зоне Западной Европы в интервале 70–30 тыс. лет назад.

Анализ митохондриальной ДНК неандертальцев показал, что общий предок *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis*, вероятнее всего, существовал

около 500–600 тыс. лет назад. В соответствии с этим неандертальцы, скорее всего, не принимали прямого участия в эволюции современного человека. По современным данным, *Homo sapiens* как вид сформировался на африканском континенте или проходил там начальные этапы формирования.

Ряд находок останков человека, анатомически сходного с современным, на африканском континенте датируется 150–130 тыс. лет. Возможно, как сформировавшийся вид с определенным комплексом апоморфных признаков *Homo sapiens* окажется древнее неандертальца. Общим предком *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis* на сегодня принято считать представителей полиморфного вида *Homo heidelbergensis*.

Основываясь на вышеизложенных посылах, попытаемся рассмотреть формирование палеолитического населения Средней Азии.

Появление наиболее ранних находок палеолитического времени в Средней Азии типа Сельунгур (датировка от 1,1 млн до 400 тыс.) можно объяснить общей миграцией эректоидных форм из Африки в Европу и Азию. Восточный сухопутный путь миграции с африканского континента, видимо, начал использоваться в районе 2 млн лет назад. О результате подобных перемещений говорят и кавказские находки из Дманиси. Продвигаясь на восток, *Homo habilis* – *Homo ergaster* заходил и в более северные регионы. Можно отметить, что заселению территории Средней Азии способствовал более влажный климат в первой половине четвертичного периода, содействовавший обильному развитию растительности и животного мира.

Пещерная многослойная стоянка Сельунгур расположена примерно в 100 км к юго-западу от города Фергана (Дебец 1949, Гремяцкий 1948) в южных отрогах Катрантау. Сельунгур – уникальный памятник ашельского времени на территории Средней Азии, он обладает большим археологическим материалом, стратиграфией, сопровождающей фауной (Исламов, Крахмаль 1995). Найденные в культурном слое изолированные зубы и фрагмент плечевой кости ископаемого человека исследованы А.А. Зубовым и Харитоновым (Исламов, Зубов, Харитонов 1988). В 1990 г. при повторном разборе фаунистического материала из Сельунгура был обнаружен правый латеральный нижний резец ископаемого гоминида (Зубов, Ходжайов 2004). Зубы отличаются довольно хорошей сохранностью, но сильно стертые, что затруднило детальный морфологический анализ. Они принадлежат разным индивидуумам (которых было от трех до четырех).

Одонтологический материал представлен двумя верхними резцами мужской особи 35–40 лет; небольшим верхним резцом, принадлежавшим женщине примерно 40 лет; тремя нижними премолярами, принадлежавшими либо одному из названных выше индивидуумов, либо третьему. Зубы ископаемого человека из Сельунгура по своим морфологическим особен-

ностям занимают промежуточное положение между неандерталоидными и эректоидными формами, сближаясь с последними и уклоняясь при этом, по мнению А.А. Зубова, от общего направления эволюционной линии. По всей видимости, сельунгурцы являются специализированным локальным вариантом эректоидной формы. Нижняя половина диафиза и нижний эпифиз плечевой кости ископаемого человека из Сельунгура принадлежали ребенку десятилетнего возраста. Кость из Сельунгура, по сравнению с тешикташской, более массивна и архаична. Таким образом, обитатели Сельунгура, судя по морфологии зубов и плечевой кости, относятся к эректоидным формам ископаемого человека.

Археологи отмечают, что на ранних этапах обитания человека на территории Средней Азии сосуществовали две культуры нижнего палеолита: восточноазиатская – культура чопперов, преобладавшая в этом регионе, и средиземноморско-африканская – культура ручных рубил, встречающаяся в юго-западной прикаспийской части. Сегодня можно с определенной долей уверенности считать, что первичное заселение эректоидными формами происходило с юго-запада Каспия как основного источника первоначальной миграции.

Последовательное преобразование каменной индустрии в домустьерскую и мустьерскую эпоху, вероятно, свидетельствует о том, что популяции Ното проживали продолжительное историческое время в этом регионе, поскольку природные условия благоприятствовали развитию человека. Возможно, результатом таких эволюционных процессов можно считать находку из Тешик-Таша, которая занимает особое положение на эволюционном древе человека.

Скелет неполовозрелой формы был открыт А.П. Окладниковым в 1938 г. в гроте Тешик-Таш, в горах Байсунтау в Сурхандарьинской области Узбекистана (Окладников 1940, 1949). Череп был описан Г.Ф. Дебецем (Дебец 1947) и М.А. Гремяцким (1949). Рентгенологическое изучение скелета позволило определить его возраст, приблизительно 9 лет (Рохлин 1949). Естественно, таксономическая оценка неполовозрелого субъекта была более затруднительной, чем обработка скелета, принадлежащего взрослой особи. Он был идентифицирован как мужской. Первоначальный вывод Г.Ф. Дебеца сводился к тому, что тешик-ташский мальчик принадлежит к классическому типу европейских неандертальцев. М.А. Гремяцкий занял нейтральную позицию в оценке таксономического положения находки.

Ф. Вайденрайх (Weidenreich, 1945) отметил ряд прогрессивных морфологических особенностей черепа этого мальчика, которые не позволяют отнести его к французским классическим неандертальцам. Г.Ф. Дебец, последовательно рассмотрев морфологическую аргументацию Ф. Вайденрайха, не согласился с ней, продолжая отстаивать свою первоначальную пози-

цию. Однако изучение В.В. Бунаком эндокрана тешик-ташского человека также выявило наличие многих прогрессивных признаков (Бунак 1951). Выполненная М.М. Герасимовым реконструкция внешнего облика мальчика из Тешик-Таша, опиравшаяся на самостоятельные морфологические исследования, стала дальнейшим аргументом в пользу взгляда на него как на прогрессивную форму (Герасимов 1949, 1964). Поэтому подавляющее большинство исследователей рассматривает тешик-ташского человека как представителя не классического, а прогрессивного типа в составе неандертальской группы (Алексеев 1973, 1985).

Дальнейшая работа по уточнению таксономического положения этой находки была проведена с использованием процедуры получения «взрослых» размеров на основе шкалы их изменений от младенческого до взрослого состояния у современного человека (Алексеев 1973, 1978, 1985). Она подтвердила существование значительных отличий от классических неандертальцев Франции и объединила амудских и шанидарских неандертальцев с тешик-ташской находкой в единую переднеазиатскую группу, имеющую самостоятельное место внутри неандертальского вида.

Прогрессивные положения тешик-ташской формы получили дополнительное подтверждение, опиравшееся на некоторые наблюдения по геометрии черепа (Пинчукова 1986). Прогрессивный характер тешик-ташской находки позволяет высказать мысль, что территория южных районов Средней Азии входила в обширный восточно-средиземноморский очаг сапиентации, который, учитывая морфологию крымских и кавказских палеоантропологических находок мустьерского и ашельского времени, включал, по-видимому, Кавказ и южные районы европейской части бывшей СССР.

В последнее время все чаще высказывается мнение, что тешик-ташский гоминид близок к метисным неандерталоидно-сапиентным формам и не относится к виду *Homo neanderthalensis*. Действительно, о тешик-ташском мальчике написано много, высказываются различные мнения о таксономическом ранге находки. Ее спорность заключается еще и в том, что этот череп имеет архаичные черты лицевого скелета: общая массивность, развитый надглазничный валик, отсутствие скуловой вырезки и клыковых ямок – и прогрессивные черты мозговой коробки (общая округлость, высокий свод).

О таком мозаичном развитии краниологического материала современная антропология имеет уже достаточно много сведений, которые объясняются разными причинами: как результат метисационных процессов либо как вариант внутривидового смешения сапиентных и неандерталоидных форм, возможно, и межвидовой гибридизации *Homo heidelbergensis* на обширной территории Передней и, вероятно, Средней Азии.

В 2003 г. в гроте Оби-Рахмат, расположенном в 100 км к востоку–северо-востоку от города Ташкента, были обнаружены шесть отдельных постоянных зубов из верхней челюсти и примерно 150 мелких фрагментов черепа. Найденные останки, по данным радиоуглеродной датировки, могут быть древнее 40 тыс. лет, а по урановому ряду – старше 80 тыс. лет. Предполагается, что кости принадлежат одному индивиду в возрасте 9–12 лет. М. Гланц, Б. Виола, Т. Чикишева (2004) приходят к заключению, что на современном уровне анализа невозможно четко определить, является ли OR-1 (Оби-Рахмат) антропологически современным человеком, как гоминиды из Кафзех и Схул, или неандертальцем.

Морфология останков из грота Оби-Рахмат и их довольно уникальный археологический контекст указывают на то, что не стоит рассматривать территорию Центральной Азии только лишь как восточную границу диапазона распространения неандертальцев или как территорию, населенную в период среднего палеолита только неандертальцами. В этом регионе могло происходить динамичное и разнонаправленное заселение в период верхнего плейстоцена. Несмотря на присутствие ряда неандертальских архаичных черт, которые отмечены у центральноазиатских гоминидов, неандертальцев в «классическом» смысле могло вообще не быть в Центральной Азии (Гланц, Виола, Чикишева 2004).

Исследуя пирамиды височных костей OR-1 (из Оби-Рахмата) с помощью компьютерной томографии, специалисты пришли к заключению, что индивидуум OR-1 ближе к неандертальцам, нежели к современным людям или хронологически ранним людям современного антропологического облика с Ближнего Востока. Не исключено, что в палеолите существовал определенный генетический обмен между популяцией, к которой принадлежал индивидуум OR-1 как с неандертальцами, так и с людьми современного облика (Виола, Зайдлер, Дитер цур Нэдден 2004). Возможно также отнесение данного экземпляра к материнскому виду *Homo heidelbergensis*.

Однако трудно предположить, что эволюция в Средней Азии зашла столь далеко, что *Homo sapiens* здесь имеет автохтонное происхождение. Скорее всего, *Homo sapiens* заселил эту территорию в районе 50–40 тыс. лет назад благодаря миграции сапиентных форм из Африки. О результате такой миграции нам говорят находки эректоидно-сапиентных форм из Передней Азии (Схул V, Кафзех 6, Кафзех 9).

Вопрос о проникновении *Homo sapiens* южным или северным путем в Среднюю Азию может быть разрешен в результате анализа датировок и культур археологических стоянок верхнего палеолита. Антропологический же материал показывает, что в верхнем палеолите на юге Средней Азии человек современного типа уже существовал, судя по находкам из Самарканда. Самаркандская стоянка находится в центре города Самарканда и датирует-

ся началом верхнего палеолита. В 1962 г. была обнаружена половина нижней челюсти с зубами, принадлежавшая женщине, а в 1966 г. – еще одна нижняя челюсть, принадлежавшая мужчине. В.В. Гинзбург и И.И. Гохман (1974), исследовавшие их, полагают, что верхнепалеолитические обитатели Самаркандской стоянки принадлежали к европеоидной расе, возможно, к ее южному стволу. Одонтологический анализ зубного аппарата (Зубов, Гохман 2003) однозначно подтвердил принадлежность их к виду *Homo sapiens* с характерными чертами европеоидной большой расы.

В своей работе А.А. Зубов приводит измерения мезиодистальных и вестибуло-лингвальных диаметров зубов в челюсти № 1. Сохранились правая сторона дуги с зубами от латерального резца до второго моляра включительно, а также два левых резца. Авторы предпочли отказаться от измерений мезиодистального диаметра зубов и высоты коронки в челюсти № 2 из-за значительной стертости зубов. Оценка вестибуло-лингвального диаметра коронок как признака, менее зависимого от стертости зубов, была определена довольно точно. Экземпляр Самарканд 1 относится к числу микродонтных форм. По одонтометрическим показателям самаркандский экземпляр показывает принадлежность населения, представленного находкой Самарканд 1, к микродонтным европеоидам, уступающим по размерам зубов северным группам европеоидов.

Данные по описательной морфологии зубов челюсти Самарканд 1. Можно отметить грацильный тип резцов и клыков, слабое развитие лингвальных бугорков на этих зубах, небольшую диастему между клыком и первым премоляром, значительный наклон контура вестибулярной поверхности клыков и премоляров, слабо выраженную дифференциацию коронок премоляров. Первый моляр стерт, но все же можно определить тип коронки как Y5, констатировать отсутствие внутреннего среднего дополнительного бугорка, затека эмали и, вероятно, коленчатой складки метаконида. На втором моляре – узор +4(5?). Отсутствуют дистальный гребень, коленчатая складка и внутренний средний дополнительный бугорок. Имеется эпикристид – признак, встречающийся среди современных расовых групп чаще всего у африканских негроидов (до 25 %) и иногда у южных европеоидов (отмечен у таджиков – 7 %). В монголоидных группах обычно отсутствует, несколько случаев отмечено у американских индейцев. Таким образом, никаких показателей принадлежности индивидуума Самарканд 1 к монголоидной большой расе не наблюдается.

Морфологический анализ челюсти Самарканд 2 практически сводится к измерению вестибуло-лингвального диаметра. Зубы в челюсти Самарканд 2, несомненно, относятся к микродонтному типу. Сунгирь и поздний верхний палеолит по размерам всех зубов превосходят Самарканд 2. Показатели средних размеров по современным расам и отдельно выделенной европео-

идной серии очень близки к этому экземпляру. Он в основном не обнаруживает отклонений от типа *Homo sapiens* и, в частности, от размерных характеристик европеоидной расы. То же практически относится и к челюсти Самарканд 1.

Оговорка «практически» связана с морфологическим комплексом клык – премоляр, где, как уже говорилось выше, отмечена небольшая диастема, которая сопровождается на экземпляре Самарканд 1 наклоном вестибулярного контура первого премоляра. Кроме того, следует отметить крупные размеры *foramen mentale* и его сравнительно низкое положение (индекс $h/HC100 = 55,1$, где H – высота тела челюсти на уровне ментального отверстия, а h – расстояние от центра последнего до края альвеолярной дуги). У современного человека этот индекс обычно не превышает 50 (данные Леруа-Гурана по современным французам, цитируется по работе А.А. Зубова «Одонтология», 1968). Нужно отметить, что на экземпляре Самарканд 2 рассматриваемый индекс равен 55,4, т.е. не отличается от величины, вычисленной для Самарканд 1. Если описываемый комплекс не случаен, он мог бы фигурировать как проявление определенных древних, архаичных особенностей в морфологии самаркандских находок, но это вряд ли возможно, имея в виду сравнительно позднюю датировку материала. Кроме того, описанные отклонения от современного морфотипа слишком незначительны, чтобы придавать им видоспецифическое значение. Диагностика вида в рассматриваемом случае однозначна: обе челюсти бесспорно относятся к виду *Homo sapiens* с характерными чертами европеоидной большой расы (Васильев, Ходжайов 2010).

Результаты изучения каменного века Средней Азии симптоматичны в том отношении, что они выявляют значительную хронологическую преемственность культур, с одной стороны, и заметные следы внешних воздействий, с другой. Общая картина развития культуры каменного века достаточно сложна. Бесспорен факт наличия в Средней Азии двух культурных традиций, прослеживаемых с раннего палеолита и достаточно отчетливо обнаруживающихся на заключительных этапах каменного века. Одна из них связана с кругом галечных культур Центральной и Восточной Азии, другая – с культурами Передней Азии и Европы. По-видимому, применительно к Средней Азии правильнее говорить не о границах разных культурных традиций, а о переходной зоне со свойственной ей мозаичностью культур и неустойчивостью границ, что не могло не сказаться на формировании антропологических особенностей древнейшего населения.

Палеоантропологические материалы каменного века с территории Средней Азии, относительно хорошо изученной в археологическом отношении, к сожалению, пока представлены лишь единичными и разрозненными находками.

Памятники мезолитического времени лучше всего исследованы в Восточном Прикаспии и в ряде районов Узбекистана (Фергана, Сурхандарья) и Таджикистана. Этот период характеризуется в основном пластинчатыми мезолитическими индустриями, продолжающими традиции верхнепалеолитической культуры Передней Азии. Первые попытки выделения мезолитических культур Средней Азии были предприняты Коробковой (1975, 1977). Для неолитического времени на территории Средней Азии выделяются три основные культуры: джейтунская на юге Туркменистана, гиссарская в Таджикистане и кельтеминарская, объединяющая группу родственных локальных культур, на аллювиальных равнинах севера Средней Азии. По этим причинам последняя рассматривается иногда как обширная этнокультурная общность.

Интенсивные поисковые археологические работы последних десятилетий позволили собрать следующую коллекцию: костные останки людей с территории Таджикистана из памятника гиссарской неолитической культуры Туткаул, несколько плохо сохранившихся черепов из мезолитической пещеры Мачай на юге Узбекистана, мезолитический череп из среднего Зарафшана Замичаташ, черепа неолитического времени из Сазагана и Учтута, представительный материал из неолитического могильника Тумек-Кичиджик в юго-западном Приаралье.

Мачай. В начале 1940-х гг. на юге Узбекистана в верхних слоях Мачайской пещеры (конец мезолита – ранний неолит), в горах Байсунтау в Сурхандарьинской области, геологом Г.В. Парфеновым были обнаружены два черепа без лицевых скелетов. В.В. Гинзбург и М.М. Герасимов, имевшие возможность тогда их осмотреть, на основании записей своих визуальных наблюдений отнесли их к ясно выраженному долихокранному европеоидному типу (Гинзбург, Трофимова 1972).

В 1970–1971 гг. были возобновлены археологические работы в пещере Мачай. Были обнаружены фрагменты нижних челюстей, черепные крышки, фрагменты лицевого скелета и некоторые фрагменты трубчатых костей конечностей человека (Исламов 1974, 1975). Эти черепа были отнесены к долихокранному восточно-средиземноморскому типу. Показатели, полученные в результате исследования трех верхних и двух нижних постоянных моляров этих индивидуумов, также позволяют отнести их к южной ветви большой европеоидной расы (Ходжайов 1973, 1981).

Сазаган. В 1981 г. археологическая экспедиция СамГУ вскрыла недалеко от селения Сазаган в Советабадском районе Самаркандской области погребение, датирующееся эпохой неолита (Джуракулов, Холматов 1991; Джуракулов 1987; Джуракулов, Холушкин, Батиров 1980). Череп принадлежал мужчине 35–45 лет. Долихокrania, узкое лицо и сравнительно грацильное строение черепа дают основание отнести расовый тип погребенного к южным формам европеоидной расы (Ходжайов 1984а).

Неолитическое население среднего течения Зарафшана имело тесные генетические связи с населением южных областей Средней, Передней и Южной Азии. Особенно оно близко к популяциям джейтунской и гиссарской культур и значительно отличается от населения кельтеминарской культуры (Джуракулов, Ходжайов 1984а). В то же время исследование немногочисленных материалов из погребения возле неолитических шахт Учтута, полученных Т. Мирсаатовым (1989), выявило влияние на население низовьев Зарафшана другого антропологического комплекса – протоевропейского, преобладавшего в степных областях Евразии (Ходжайов 2004б, Ходжайов и др. 2014).

Туткаул. В 1961–1967 гг. у селения Туткаул, расположенного в 45 км к юго-востоку от Душанбе, обнаружено два взрослых и два детских погребения гиссарской культуры, которые датируются VI тыс. до н.э. Все черепа отнесены к долихокранному малодифференцированному типу с сочетанием черт кроманьонского и средиземноморского комплексов (Кияткина, Ранов 1971).

В Южном Туркменистане получен палеоантропологический материал из ряда неолитических объектов (Чопандепе, Кашут, Овадандепе, Чагыллыдепе, Чакмаклыдепе, Монжуклыдепе), относящихся к джейтунской культуре. Черепа в целом характеризуются долихокранией, узким и высоким сильно профилированным лицом. На основании такой морфологической характеристики неолитическое население Южного Туркменистана отнесено к европеоидному восточноевропейскому антропологическому типу (Гинзбург, Трофимова 1972).

Тумек-Кичиджик. В 1972–1974 гг. сотрудниками Хорезмской экспедиции АН СССР раскопано около 30 грунтовых погребений эпохи неолита (IV тыс. до н.э.) из могильника Тумек-Кичиджик, расположенном в северном Туркменистане на территории присарыкамышской дельты Амударьи (Вайнберг 1972; Виноградов 1974, 1975). По мнению Т.А. Трофимовой, черепа характеризуются особенностями, с одной стороны, энеолитических черепов из Южного Туркменистана (Хапуздепе) и неолитических из Ирана (пещера Хоту), а с другой – северных протоевропеоидных форм, но более грацильных, что связывает их происхождение с южными формами кроманьонского обликаб.

Ревизия всего материала кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик с добавлением небольшого числа новых данных была осуществлена Л.Т. Яблонским (Яблонский 1985). Ему удалось убедительно показать, что кельтеминарское население отличалось значительной матуризацией и принадлежало к широколицему европеоидному комплексу, который можно считать одним из локальных вариантов древней формации европеоидной расы. Автор не ограничился этим и попытался показать, что к этому комплексу как к основному примешан узколицый элемент иного происхождения.

Таким образом, в основе физического облика кельтеминарского населения севера Средней Азии лежал протоевропеоидный антропологический комплекс. Присутствие средиземноморской комбинации краниологических признаков выглядит менее отчетливо и может свидетельствовать о миграции неолитических групп на север из традиционного ареала средиземноморской расы (Виноградов, Итина, Яблонский 1986, Ходжайов 2014).

Основной вывод, который может быть сделан из этого обзора, состоит в том, что древнейшее население Средней Азии относилось к западному ареалу внутри первобытной ойкумены и являлось носителем европеоидных комплексов на разных стадиях их формирования. В настоящее время нет никакой возможности проследить морфологическую преемственность и генетическую связь между населением разных этапов на протяжении истории всего каменного века, хотя на основе рассмотрения археологических данных эта связь кажется достаточно вероятной. Однако преемственность населения для основной части территории Средней Азии уже после эпохи формирования человека современного вида, принимая во внимание находящиеся в нашем распоряжении находки эпохи мезолита и неолита, с морфологической точки зрения выглядит весьма убедительной.

ГЛАВА II.

НАСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

В эпоху энеолита и бронзы на огромной территории Средней Азии особенно отчетливо проявляются две сложившиеся в течение длительного времени историко-культурные области. Первая из них, охватывающая Юго-Западный и Южный Туркменистан, Южный Узбекистан и Южный Таджикистан с их предгорными равнинами и дельтовыми областями, представляла собой область древнеземледельческих цивилизаций с высокоразвитым земледелием и скотоводством. В ней уже во второй половине III тыс. до н.э. сформировались и цивилизации протогородского типа.

Второй в северной равнинной части Средней Азии с ее пустынным ландшафтом и степными равнинами, включающий Северный Туркменистан и Северный Узбекистан, представлял собой как бы периферический ареал южных цивилизаций, имеющий тесные связи также с евразийскими степями. Однако постоянные контакты среднеазиатского севера с югом, влияние южных цивилизаций на их северную периферию не могли не сказаться на этнической истории двух огромных историко-культурных областей Средней Азии.

Обращаясь непосредственно к историко-археологической характеристике интересующего нас периода, заметим, что энеолитические памятники исследованы в основном на территории южного и юго-западного Туркменистана. Они сосредоточены в основном в двух больших геогра-

фических районах: Восточном Прикаспии, предгорной зоне Северного Копетдага, а также в долине древней дельты реки Теджен. Погребения эпохи раннего энеолита обнаружены в подгорной полосе Копетдага и Восточном Прикаспии.

Сравнительно более обширные сведения имеются о погребениях развитого и позднего энеолита. Так, в разных местах поселений Карадепе и Геоксюр I вскрыта масса одиночных захоронений с устойчивой юго-западной ориентацией. Кроме того, там же вскрыты специальные погребальные камеры из сырцовых кирпичей (толосы), которые являлись коллективными усыпальницами и использовались жителями в течение длительного времени (Массон 1962; Сарияниди 1965).

Особо хотелось отметить основные результаты археологических и антропологических исследований могильника эпохи энеолита Пархай в Сумбарской долине. Могильник Пархай II, находящийся на западной окраине поселка Каракала в Балканском вилояте Туркменистана, полностью раскопан в процессе многолетней совместной работы Сумбарской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и XIV отряда Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции АН Туркменистана.

Археологический материал был изучен и опубликован И.Н. Хлопиным (1997, 2002), однако антропологический материал до сих пор полностью не был изучен. За 14 полевых сезонов при участии антропологов Т.П. Кияткиной (1987), О. Бабакова и А.В. Громова) на площади более 4,5 тыс. кв. м вскрыты 292 погребальные камеры, которые были разделены хронологически на следующие культурно-исторические периоды на территории Юго-Западного Туркменистана (ЮЗТ):

ЮЗТ-VII – эпоха раннего энеолита

ЮЗТ-VI – эпоха развитого энеолита

ЮЗТ-V – эпоха позднего энеолита

ЮЗТ-IV – эпоха ранней бронзы

ЮЗТ-III – эпоха развитой бронзы

ЮЗТ-II – эпоха поздней бронзы

ЮЗТ-I – эпоха поздней бронзы (сумбарская культура)

Кроме того, И.Н. Хлопиным были выделены наиболее древние периоды – ЮЗТ-IX и VIII, которые, к сожалению, не представлены палеоантропологическим материалом. В эти два самых ранних периода данная культура занимала обширную провинцию, расположенную восточнее Каспийского моря, которая включала два региона: долину реки Сумбар и туркмено-хорасанские горы. По его мнению, население этих регионов в культурном и этническом отношении было родственным, а диалекты одного и того же

языка, вероятно, были оставлены им носителями джейтунской неолитической культуры (Хлопин 1997).

Эпоха раннего энеолита представлена большой серией, состоящей из 206 костяков, полученных из 24 погребальных камер. Костяки были уложены на правый бок без дифференциации их по полу и возрасту. В камерах ранней группы зафиксировано от 1 до 36 погребенных. По археологическим сведениям, в этот период уже проявляются некоторые признаки культурной и этнической дифференциации населения северных предгорий Копетдага и Юго-Восточного Прикаспия.

Период развитого энеолита представлен примерно 350 костяками, которые извлечены из 31 погребальной камеры. В разных камерах находилось от 2 до 35 индивидов. Ареал распространения культуры древних земледельцев Юго-Восточного Прикаспия в период ЮЗТ-VI остался в тех же границах, что и в предшествующий период. В эпоху развитого энеолита население долины реки Сумбар освоило производство сероглиняной керамики (Хлопин 2002).

Период позднего энеолита представлен останками 1400 индивидов из 89 погребальных камер, что составило примерно 30 % от всего количества материала, извлеченного из могильника Пархай II. Культурный комплекс ЮЗТ-V закономерно вырастает из комплекса развитого энеолита ЮЗТ-VI, в нем не обнаружено никаких чужеродных включений. Отмеченное в этот период проникновение серо-черной керамики из долины среднего течения Сумбара в поселения, расположенные в центральных районах северной подгорной равнины Копетдага, дало основание И.Н. Хлопину сделать предположение о миграции на эту территорию части населения из Юго-Западного Туркменистана.

Эпоха ранней бронзы (ЮЗТ-IV) представлена максимальным количеством погребенных в камерах, хотя встречаются и одиночные погребения. Преимущество культурных комплексов периодов ЮЗТ-V и ЮЗТ-IV не подлежит сомнению, а сам период ЮЗТ-IV датируется серединой и второй половиной III тыс. до н.э.

Анализируя полученный антропологический материал, можно отметить, что в эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы в речной долине Сумбар существовала достаточно благополучная демографическая ситуация. Она, видимо, была связана с благоприятными климатическими условиями, а также отсутствием внешних конфликтов. Эти обстоятельства способствовали увеличению продолжительности жизни и приросту коренного населения на данной территории.

Однако в эпоху ранней бронзы, по-видимому, имело место некоторое перенаселение долины Сумбара. Результатом этого явилось ухудшение демографических параметров популяции, о чем свидетельствует уменьшение

среднего возраста смерти у женщин. Вероятно, следствием неблагоприятной демографической ситуации стал уход части населения из долины и расселение его на обширной территории в пределах Средней Азии (Ходжайов, Громов 2009).

В процессе работы на могильнике Пархай II в 1983 г. антропологической группой в составе Т.К. Ходжайова, Ш. Абилова, Т.Р. Мухамеджанова было вскрыто 17 погребальных камер, включавших 649 погребений. Материал распределился следующим образом. Из четырех камер (117, 121, 132, 134) эпохи ЮЗТ-VI (середина и вторая половина IV тыс. до н.э.) было получено 129 индивидов, из двух камер (119, 120) эпохи ЮЗТ-V (вторая половина IV тыс. до н.э.) – 49 индивидов, из десяти камер (118, 123, 124, 127, 1287, 130, 131, 133, 136, 137) эпохи ЮЗТ-IV (середина III тыс. до н.э.) – 471 индивид. У всех индивидуумов, включая детей, были определены пол и возраст.

Для краниологического изучения из всей серии, полученной из раскопок 1983 г., пригодными оказались 50 черепов, из них 32 – мужских, 15 – женских, 3 – подростковых. К периоду ЮЗТ-VI относятся 13 черепов (10 мужских, 3 женских), ЮЗТ-V – 13 черепов (9 мужских, 4 женских) и ЮЗТ-IV – 21 череп (13 мужских и 8 женских). Материал был опубликован Т.К. Ходжайовым (Ходжайов, 2010; Ходжайов и др. 2011, 2014; Ходжайов, Громов, 2009).

В изученной серии преобладают гипер- и долихокранные формы. Мозговая коробка узкая, длинная и высокая. Лоб среднеширокий и средне-наклонный с сильной горизонтальной профилировкой. Средне развит наружный рельеф. Лицевая часть ортогнатная (с некоторым альвеолярным прогнатизмом), узкая и сравнительно низкая, сильно профилирована в горизонтальной плоскости. Глазницы среднеширокие и низкие. Нос узкий и резко выступающий. В целом серия имеет ярко выраженные европеоидные черты.

Изученный нами краниологический материал, как отмечено выше, охватывает три хронологических периода, со второй половины IV тыс. до н.э. до середины III тыс. до н.э. В мужской группе черепа периодов ЮЗТ VI и ЮЗТ-IV оказались более близкими по морфологическим особенностям. Черепа среднего периода ЮЗТ-V отличаются от черепов двух других периодов гипердолихокранией, сравнительно широким эурипрозопным лицом, большей высотой носа, высокими орбитами и большей длиной основания лица. Женские черепа всех трех периодов существенных различий между собой не имеют. В рассматриваемый отрезок времени, несмотря на столь длительный хронологический диапазон, население оказалось гомогенным по своим морфологическим особенностям.

Для сравнительного анализа были привлечены данные по синхронным сериям и сериям более позднего периода, полученным из могильников

Сумбарской долины. Также были включены серии из переднеазиатских и среднеазиатских могильников Сапаллитепа, Джаркутан, Саразм, Тигровая Балка и Маконимор, Карадепе, Алтындепе, Геоксюр, Гонур, Тепегиссар II, III, Хасанлу II и др.

Большинство мужских серий образуют кластеры, распадающиеся на несколько более мелких. Один из этих кластеров образован в основном группами из могильников Сумбарской долины периодов ЮЗТ-III, ЮЗТ-V. Серии сумбарской культуры эпохи поздней бронзы (ЮЗТ-I, ЮЗТ-II) образуют отдельный кластер, в котором находятся вместе с сериями сапаллинской и вахшской культур из Северной Бактрии.

Примерно такая же картина наблюдается и при рассмотрении женских выборок. Изученные нами группы входят в один кластер с группами ЮЗТ-III, ЮЗТ-V, а также с сериями из Гонура, Хасанлу II. Группы эпохи поздней бронзы из Сумбарской долины (ЮЗТ-I и ЮЗТ-II) образуют крупный кластер вместе с сериями тюринго-гиссарской, намазгинской, вахшской, чустской и заманбабинской культур Средней Азии и Юго-Восточного Ирана.

Из сравнительного анализа видно, что по морфологическому типу изучаемая нами серия из Пархая II ближе всего к сериям из других объектов могильника Пархай II, а также к сериям эпохи энеолита и бронзы из Передней и Средней Азии, относящимся к кругу восточно-средиземноморских морфологических типов. (Ходжайов, 2010; Ходжайов и др., 2011, 2012, 2014), (Ходжайов, 2004).

В более северных районах культура энеолита стала известна только с 1970 гг. благодаря материалам из многослойного поселения Саразм в среднем течении Зарафшана. Антропологический материал из этого богатого погребения представлен двумя женскими черепами эпохи энеолита и дает нам основание отнести их к тому же средиземноморскому типу, который был выявлен в Восточном Прикаспии и Южном Туркменистане (Ходжайов 2004б). Это заключение подтверждается и общностью материальных культур на указанных территориях (Ходжайов 2010; Ходжайов и др. 2011, 2012, 2014).

Расцвет эпохи бронзы в подгорной полосе Копетдага приходится на вторую половину III – первую половину II тыс. до н.э. В этот период возникают протогородские центры, не только здесь, но и в других южных районах Средней Азии. В Южном Узбекистане появляется новый северобактрийский очаг древнеземледельческой цивилизации, теснейшим образом связанной с высокоразвитыми земледельческими культурами юго-западных областей Средней Азии, Северо-Восточного Ирана, Южного Афганистана. Продвижение высокоразвитых земледельческих племен из южных районов Туркменистана на восток привело к формированию в этом районе сапаллинской культуры (Ходжайов, 2004).

Сапаллинская культура распространилась в Южный Узбекистан и Северный Афганистан, Мургабский оазис и предгорную полосу Южного Туркменистана, а также Северо-Восточный Иран (Аскарлов 1973, 1977; Аскарлов, Абдуллаев 1983). Предгорная полоса Южного Туркменистана считается центром, из которого часть населения продвинулась в плодородные оазисы Маргианы и Бактрии. Некоторое участие в сложении приамударьинского очага древневосточных цивилизаций могли принять и общины Северо-Восточного Ирана, Южного Афганистана и Индии (Аскарлов 1977).

В северной равнинной части Средней Азии наиболее хорошо сохранились и были изучены памятники развитой и поздней бронзы второй половины II – начала I тыс. до н.э. Так, на территории древней Акчадарьинской дельты Амударьи было найдено множество поселений как развитой, так и поздней бронзы. Первая была оставлена племенами тазабагьябской культуры, вторая – амирабадской. Указанные две культуры из Южного Приаралья по археологическим данным тяготеют к культурам степной бронзы Евразии, т.е. к срубной и андроновской культурам в широком понимании последней (Итина 1977). Однако в большинстве поселений Южного Приаралья найдены также предметы и южного происхождения, что свидетельствует о взаимовлиянии культур южных и северных областей и, возможно, также об инфильтрации отдельных групп населения из южных районов в северные.

Миграционные процессы в северной степной зоне особенно интенсивно протекали во второй половине II – начале I тыс. до н.э. Вероятно, это было связано с расселением тазабагьябского населения в древней дельте Зарафшана и распространением андроновского населения из Семиречья в Ташкентский оазис, а срубного – из Нижнего Поволжья в степи восточного Прикаспия.

Бронзовый век в восточных областях представлен несколькими развитыми культурами земледельческого и скотоводческого характера. В восточной части Узбекистана процветают две культуры эпохи поздней бронзы: чустская (Гамбург, Горбунова 1957) и кайраккумская (Литвинский, Окладников, Ранов 1962). Памятники кайраккумской культуры были найдены также на территории Ташкентской и Ленинабадской областей и в Ферганской долине. Материальная культура кайраккумских племен тесно связана с андроновской культурой Казахстана, южной и западной ветвью чустской культурой, в меньшей степени – также со срубной из Поволжья (Заднепровский 1978).

Небольшие земледельческие оазисы, принадлежавшие племенам чустской культуры, возникли на рубеже II–I тыс. до н.э. в различных частях Ферганской долины. Кайраккумская культура позднего этапа и чустская культура датируются X–VIII вв. до н.э. Они сосуществовали в одно время

с комплексами Анау IV, Яз I из древней Маргианы, Кучуктепа и Тиллятепа древней Бактрии (Заднепровский 1978). Древние носители чувстской и кайраккумской культур хоронили умерших в обособленных могильниках за пределами поселений. Погребения представлены несколькими типами захоронений: одиночными, коллективными и вторичными.

Высокая степень сложности конкретного исторического процесса наблюдается на юго-западе Таджикистана, где были распространены два комплекса, давшие различное сочетание черт степной и оседлой культур (Массон 1970). В правобережье Амударьи (низовья Кафирнигана, Вахша и Кзылсу) репрезентативный материал получен из целого ряда могильников, наиболее значительным из которых является Ранний Тулхар, датируемый последней третью II – началом I тыс. до н.э. Этот могильник, по мнению А.М. Мандельштама, был оставлен скотоводческими племенами, перекочевавшими на территорию Бактрии из северных степных областей и вступившими, судя по погребальному инвентарю, в контакт с местным земледельческим населением (Мандельштам 1968)

На основе изучения археологических материалов из этого могильника А.М. Мандельштам выделил новую скотоводческую культуру – бишкентскую. Другая группа могильников второй половины II – начала I тыс. до н.э. (Тигровая Балка I, II, III, IV и Макони Мор) была оставлена земледельческим населением, задержавшимся на территории Северной Бактрии и вступившим в контакт с переселившимися сюда племенами степной бронзы. Материальная культура могильников так близка к культуре Намазга VI (особенно в мургабском варианте), что Б.А. Литвинский (1967) высказал мысль об их генетическом родстве и выделил на этом основании вахшскую культуру.

На рубеже II и I тыс. н.э. в Северной Бактрии обнаружены два разнохозяйственных комплекса: земледельческий (молалинский) и скотоводческий (бишкентский и вахшский). В основе первого лежит непрерывное развитие предшествующих этапов культуры Сапалли, а в формировании второго комплекса культура Сапалли участвует лишь как один из компонентов (Аскарлов 1977; Аскарлов, Абдуллаев 1983). Вероятно, в сложении бишкентской и подобных ей культур скотоводческих племен принимало участие население молалинского этапа сапаллинской культуры (Аскарлов 1973).

На территории Зарафшанской долины была выделена самостоятельная заманбабинская культура (Гулямов, Исламов, Аскарлов 1966). Она отличается от земледельческих культур эпохи бронзы Средней Азии сочетанием черт, присущих как степным тазабагыябско-андроновским, так и земледельческим культурам расписной керамики анауского типа. А.А. Аскарлов высказал мнение, что катакомбное устройство могил, обнаруженное в Заманбабе,

заимствовано не из восточно-европейских степей, как это ранее предполагалось, а из южных областей самой Средней Азии. Во второй половине II тыс. до н.э. земледельческие племена юга продвигались в поисках плодородных земель в северные районы. Видимо, сложение заманбабинской культуры в Древнебухарском оазисе связано с расселением части населения культуры Сапалли по течению Амударьи.

Многолетние исследования очень большого материала из целого ряда памятников эпохи энеолита бронзы позволяют антропологам сделать ряд важных заключений о морфологическом составе и охарактеризовать население, оставившее эти памятники (Гинзбург, Трофимова 1961, 1972; Алексеев, Аскарлов, Ходжайов 1990; Ходжайов 1990; Дубова и др. 2000; Сарияниди 2001). В первую очередь по многочисленным сериям из могильников Алтындепе и Гонур конца III – начала II тыс. до н.э. в Южном Туркменистане и из могильников, оставленных древними земледельцами Северной Бактрии – Сапаллитепа и Джаркутан. (Бабаков, 1977; Зезенкова, 1953; Кияткина, 1974, 1982, 1987; Ошанин, 1957-1959; Ходжайов, 1977, 1980).

По-прежнему очень мало данных об антропологическом составе населения восточной части Средней Азии, особенно Тянь-Шаня и Алая. Незначительны новые данные о древнем населении Ферганской долины. Получены несколько черепов из могильника Кочкарлы. До сих пор смешанность населения Ферганской долины в расовом отношении устанавливается больше с помощью данных археологии, нежели антропологии. Единственный череп из Западной Ферганы (Вуадиль) несет черты протоевропеоидной расы, но подобное наблюдение не позволяет делать убедительных выводов. Можно с достаточной уверенностью говорить только о наличии среди чувствского населения Ферганы носителей признаков южной или средиземноморской ветви европеоидов.

Возвращаясь к северной части Средней Азии, можно сказать, что получены небольшие серии этого периода (Ягодин 1976, 1978; Ходжайов 1978). В эпоху поздней бронзы население Устюрта, предположительно было неоднородным и представлено двумя комплексами: восточносредиземноморским и протоевропейским (Ходжайов 1978). Эти комплексы преобладали и среди палеопопуляций древней Акчадарьинской дельты Амударьи (могильник Кокча 3).

Таким образом, на севере Средней Азии были распространены племена с протоевропеоидными чертами, присущими популяциям степной части Евразии. Южная часть Средней Азии в основном была заселена представителями южной или средиземноморской ветви европеоидной расы. Следовательно, в этот период сохранялась морфологическая и этническая картина, близкая к предшествующей неолитической. Несмотря на огром-

ную территорию его обитания, этот антропологический комплекс, состоявший, в свою очередь, из локальных вариантов, оставался достаточно стабильным на протяжении очень длительного времени. Наиболее близкие ему аналогии фиксируются в высокоразвитых земледельческих районах Передней Азии.

Анализ географического распределения основных краниометрических признаков дает все основания для вывода о широком распространении на территории Средней Азии европеоидного населения в эпоху энеолита и бронзы. Во всех сериях отмечаются такие морфологические особенности, как сильное выступание носовых костей и острый горизонтальный профиль лицевого скелета. Эти признаки были наиболее характерными для представителей европеоидной расы. В качестве основного критерия выделения локальных вариантов внутри европеоидной расы в Средней Азии нами был использован скуловой диаметр. По размерам ширины лица выделяются два основных европеоидных варианта на территории Средней Азии и евразийских степей: узколиций и широколицый. Более узколицие формы присущи вариантам средиземноморской или южной ветви европеоидной расы. Изредка встречающиеся отдельные узколицие варианты в степных районах Евразии, видимо, имеют не местное, а южное происхождение.

Широколицие формы, встречающиеся в северной части Средней Азии, сосредоточены в основном в областях к северу и востоку от нее. На огромной территории степной полосы Евразии широкое распространение андроновского варианта протоевропеоидной расы демонстрируется большим числом палеоантропологических данных. Однако до настоящего времени остается неясной южная граница его распространения.

Эти формы отмечены в виде примеси в южных областях. Протоевропеоидные черты зафиксированы в Средней Азии в малочисленных сериях: например, на юге Ферганской долины (могильник Вуадиль). Однако на основании единичного черепа, безусловно, преждевременно относить население кайракумской культуры к протоевропеоидному широколицему типу. Непосредственная географическая близость районов распространения кайракумской и чустской культур позволяет предполагать смешанность расового состава населения этих районов.

Череп протоевропеоидного облика были обнаружены в могильнике Кокча 3 и в поселении Тахирбай 3 из Туркмении. Однако череп из последнего отличается от черепов представителей протоевропеоидной расы значительными размерами высоты лица, что не дает основания сблизать его обладателя полностью с представителями протоевропеоидного типа. Эта специфическая особенность объединяет его скорее с серией из Раннего Тулхара, оставленной скотоводческим населением Бишкентской долины.

Аналогичной морфологической комбинацией признаков характеризуются черепа из Караэлематасая и Патмасая (Ходжайов 1981). Поэтому не исключено, что в виде вкраплений широколицый и матуризованный элемент был представлен в эпоху бронзы в южных областях Средней Азии. Подобное заключение согласуется с археологическим установлением влияния культур степной бронзы в южных районах Средней Азии (Кузьмина 1964, 1972).

В этом плане большой интерес вызывает новый антропологический материал эпохи поздней бронзы, полученный в верхнем течении Зарафшана. Речь идет о материалах из могильника Дашти Казы (Потемкина 1987; Исаков, Потемкина 1989), расположенного к востоку от одноименного кишлака, вдоль дороги Пенджикент – Айни. Все черепа из Дашти Казы длинноголовые с сильно- или среднеразвитым рельефом. Из всей массы черепов восточно-средиземноморского облика выделяются три черепа с огромными размерами черепной коробки и лицевого скелета. Не вызывает сомнения, что они относятся к черпам представителей андроновского типа (Ходжайов 2004б).

Таким образом, можно считать, что верховья Зарафшана были заселены племенами, культура которых имела близкие аналогии с культурой населения южных земледельческих и северных степных скотоводческих племен. Это пока не противоречит сложившемуся мнению, что южная граница распространения андроновского типа проходила по Южному Приаралью, северу Зарафшанской и Ферганской долин. (Ходжайов, 1986, 1989)

Возможно, дальнейшее накопление палеоантропологических материалов позволит расширить этот ареал и включить в него более южные районы. Антропологический состав южных областей Средней Азии рассматривается многими исследователями как гомогенный и не содержащий определенных структурных элементов. В то же время внимательная оценка вариаций признаков в популяциях, которые были рассмотрены выше, с нашей точки зрения, является достаточно суммарной. Внутри нее могут быть выделены четко маркируемые компоненты. Приводим морфологические особенности, вырисовывающиеся на сериях эпохи энеолита и бронзы (Ходжайов 1981, 1986, 1989).

Восточно-средиземноморский вариант I. В эту группу включены серии эпохи энеолита Южной Туркмении (Карадепе и Геоксюр), долины Зарафшана (Саразм) и Центрального Ирана (Сиалк I–IV). Она хронологически наиболее древняя из рассматриваемых групп. Для нее характерна резкая долихокrania, длинный, узкий и очень высокий череп. Лоб средней ширины и средней наклонности. Лицевой скелет высокий и среднеширокий. Орбиты низкие. Нос среднеширокий, резко выступающий.

Восточно-средиземноморский вариант II. К нему относятся почти все краниологические серии бронзы от ранней до поздней, имеющие различную численность. Во внимание приняты серии, имеющие большую численность: из Алтындепе и Гонур в Южном Туркменистане, из могильников Сапаллитепа и Джаркутана в Южном Узбекистане и Маконимора, Тигровой Балки в Южном Таджикистане. В эту же группу попадают немногочисленные серии из других поселений и могильников: Заманбабы, Дальверзина, Чуста, Кочкарли, Намазгадепе, Серакса.

В числе отличительных морфологических признаков, присущих данным сериям, долихокрания, череп длинный и узкий, сравнительно низкий. Лоб среднеширокий и средненаклонный со слабовыраженным надпереносьем. Лицевая часть в основном ортогнатная (встречаются и мезогнатные за счет альвеолярного прогнатизма формы), узкая и невысокая, со значительной горизонтальной профилировкой. Нос средней ширины, резко выступающий. Очень грацильное строение черепа, а также сравнительно низкий его свод, пожалуй, наиболее характерные особенности этого варианта по сравнению с другими.

Восточно-средиземноморский вариант III. К этому варианту относятся черепа из Раннетулхарского могильника, а также единичные черепа из Тахирбая 3 и курганов из Красноводского полуострова: Караэлематасай и Патмасай. Представители этого варианта имеют чрезвычайно большие горизонтальные размеры черепной коробки. Лоб очень широкий, средненаклонный, со значительно выраженным надбровьем. Лицевая часть мезогнатная, исключительно широкая и высокая, резко профилированная. Орбиты средневысокие. Нос среднеширокий и резко выступающий.

Итак, основные расодиагностические признаки краниологических серий этого периода выявляют присутствие четырех антропологических комплексов. Носители андроновского варианта отличаются от представителей остальных комплексов более высоким черепным указателем, сравнительно низким лицом, значительно сильнее выраженным наружным рельефом, большими размерами скулового диаметра.

Остальные три локальные варианта относятся к южной или средиземноморской ветви европеоидного расового ствола. Естественно, различия между ними (за исключением восточно-средиземноморского варианта III) менее отчетливы, чем их общие отличия от андроновского варианта.

Восточно-средиземноморский вариант I отличается от восточно-средиземноморского варианта II значительно большими продольным и высотным, меньшим поперечным диаметрами мозговой коробки, более широким лбом и сильнее развитым надпереносьем. Лицевая часть у первого варианта выше и несколько шире. Нос также выше и шире. В строении орбит

существенных различий не наблюдается, хотя на черепах первого варианта орбиты более широкие. Горизонтальный профиль лица у обоих вариантов очень острый. Имеются заметные различия в выступании костного носа: у первого варианта он меньше.

Восточно-средиземноморский вариант I отличается от восточно-средиземноморского варианта III меньшими размерами продольного, поперечного, наименьшего лобного и особенно скулового диаметров. Он имеет также значительно меньшие размеры лица, более низкие и узкие орбиты, более прямой лоб и значительно менее выступающий нос. Различия, отмеченные между восточно-средиземноморскими вариантами I и III, еще более ярко проявляются при сравнении II и III. Таким образом, наиболее близкими между собой по ряду признаков являются варианты I и II, существенно отклоняющиеся от андроновского и восточно-средиземноморского варианта III. Андроновский вариант ближе восточно-средиземноморским вариантам I и II, чем восточно-средиземноморский III.

Небезынтересно сопоставить выделенные варианты с типологической схемой М. Каппиери (Cappieri 1969) для древнего населения Передней и Южной Азии. Он выделил шесть комплексов. Сопоставление выделенных нами вариантов с комплексами М. Каппиери показало, что восточно-средиземноморский вариант III значительно отличается от всех других рассматриваемых комплексов и занимает обособленное положение, чем подчеркивается его морфологическое своеобразие. Другую компактную группу образуют андроновский и палестинский комплексы. Восточно-средиземноморский вариант I объединяется с индийским, вариант II наиболее близок троянскому, анатолийскому и месопотамскому комплексам.

Для сравнительного анализа мною были использованы все краниологические серии эпохи позднего энеолита и бронзы с территории Средней Азии и сопредельных стран. Северные группы, такие как носители срубной культуры Поволжья, андроновской культуры Казахстана и Минусинской котловины, группируются в один кластер. Отмечены тесные связи этой группы с племенами кайракумской культуры (могильник Вуадиль). Более слабо она связана с памятниками, расположенными на западе.

Установлен смешанный характер населения и культуры в западных памятниках, имеющих в составе как южные, так и северные антропологические элементы (Кокча 3) (Ходжайов, 2000). Население Тасты-Бутака I, культура которого относится к андроновскому кругу культур, тяготеет к областям юга Узбекистана, Туркменистана и Северо-Восточного Ирана.

В южных областях Средней Азии все памятники имеют очень тесные связи между собой. Связи населения бассейна среднего течения Амударьи (Сапаллитепа, Джаркутан) простираются также, с одной сто-

роны, на территорию Южной Туркмении и далее на юго-запад (Северо-Восточный Иран), с другой – на юго-восток в Индию и Пакистан (памятники Тимаргарха и Хараппа). Компактную по связям группу образуют древнебактрийские могильники (Джаркутан, Сапаллитепа, Маконимор, Тигровая Балка). Средними по силе связями эта группа объединяется с населением Центрального Ирана. Позднеэнеолитические серии Южной Туркмении (Карадепе, Геоксюр) долины Зарафшана (Саразм) также более всего тяготеют к серии из Центрального Ирана.

Археологическими исследованиями установлено, что ряд культур как оседло-земледельческого, так и скотоводческого Древнего Востока имели между собой тесные связи (Массон 1959; Заднепровский 1962; Мандельштам 1968; Аскарлов 1977; Сариниди 1977). В какой-то мере антропологические связи совпадают с историко-культурными. Поэтому краниологические серии сгруппированы нами согласно их культурной принадлежности.

К бишкентской культуре относятся материалы из могильника Ранний Тулхар, к андроновской – серии срубной эпохи Поволжья, андроновской эпохи Казахстана и Минусинской котловины. К вахшской культуре относятся черепа из могильников Маконимор I и IV, а также Тигровой Балки, к чувтской – из поселений Чуст и Дальверзин, к сапаллинской – из Сапаллитепа и Джаркутана. К позднеэнеолитической культуре отнесены черепа из Саразма, Карадепе и Геоксюра. В намазгинскую включены черепа из Алтындепе и Серахского района, в тюринго-гиссарскую – из слоя III могильника Тепе Гиссар, в сватскую – черепа из могильников Тимаргарха и Сват. К хараппской культуре относятся черепа из Хараппы.

Сапаллинская культура обнаруживает наиболее тесные связи с краниологическими сериями тюринго-гиссарской, хараппской, чувтской, вахшской культур и Намазга V–VI. Эти культуры имеют и близкие археологические параллели. Далее всего сапаллинская серия отстоит от бишкентской серии. Положение последней своеобразно, к ней более или менее близки серии позднего энеолита Южной Туркмении.

Череп вахшской скотоводческой культуры имеют тесные связи с черепами чувтской и тюринго-гиссарской культур, Намазга V–VI, позднеэнеолитической и хараппской культур. Они также больше всего отделяются от черепов бишкентской культуры. Можно отметить, что серия бишкентской культуры удалена от краниологических серий всех остальных культур. Довольно обособленную группу, хотя и более близкую к носителям археологических культур Средней Азии, Ирана и Индии, составляют краниологические серии андроновской культуры. Достаточно компактное объединение образуют серии культур Сапалли, Намазга V–VI и Хараппа. Черепа носителей вахшской, чувтской, тюринго-гиссарской и позднеэнеолитической культур также объединяются в одну группу.

Широкое сопоставление палеопопуляций юга Средней Азии с древним населением Передней и Южной Азии, Кавказа и Индии (Алексеев, Ходжайов, Халилов 1984) позволяет выявить наличие морфологически близких групп в географических рамках всей этой обширной территории. Так, с сериями, характеризующимся грацильным строением черепа и лицевого скелета (восточно-средиземноморский вариант II), наибольшую морфологическую близость обнаруживают черепа из Караташа, Ал-Убейда, Иерихона, Рас-Шамри, Хасанлу, Гинчи (Гаджиев 1975). Среднеазиатские серии, относящиеся к восточно-средиземноморскому варианту I, тяготеют к сериям из памятников Минет-Ал-Бейда и Самтавро (Абдушелишвили 1954, 1960, 1964).

Таким образом, анализ всего среднеазиатского палеоантропологического материала свидетельствует об абсолютном преобладании европеоидной комбинации признаков в эпоху энеолита и бронзы, равно как и в эпоху неолита. Начавшаяся в эпохе неолита, возможно, и мезолита, инфильтрация северных степных племен в южные области, а южных земледельческих северные, усиливается в эпоху поздней бронзы. В этот период фиксируется компактное расселение первых в восточных границах Северной Бактрии (вахшская и бишкентская культуры), на юго-западе Туркменистана (срубная культура).

В свою очередь, популяции южного происхождения продвигаются в северо-восточном направлении (чустская культура). С эпохи раннего железа и сакского периода, которые будут рассмотрены ниже, на территории северных и центральных областей Средней Азии (Тяньшань, Устюрт, Приаралье, север Древнебухарского оазиса) впервые отчетливо фиксируются новые этнические группы монголоидного облика, пока еще слабо контактировавшие с населением оазисов Средней Азии, но в последующей истории региона сыгравшие значительную роль.

ГЛАВА III.

НАСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И САКСКОГО ВРЕМЕНИ

Первая половина I тыс. до н.э. в Средней Азии стала эпохой социально-экономических преобразований, связанных с распространением железного оружия и орудий, зарождения городов, сложения государственности и возникновения форм классового общества.

В этот период в Средней Азии был распространен ряд оседло-земледельческих культур. В Южном Туркменистане это культура архаического Дахистана на юго-западе и комплексы типа Яздепе I в древних земледельче-

ских центрах подгорной полосы и дельты Мургаба. Памятники архаического Дахистана конца первой трети I тыс. до н.э., представленные крупными поселениями с цитаделями, были широко распространены на территории Мисрианской равнины (Массон 1956а). Небольшие поселения обнаружены также в долине Сумбара (Ганялин 1953) и в западной части предгорной равнины. Близкий к архаическому Дахистану материал выявлен и в прикаспийских областях Ирана (Массон 1956а).

Комплексы типа Яздепе I датируются В.М. Массоном (1959) IX–VII вв. до н.э., а А.А. Марущенко (1959) – XII–VIII вв. до н. э. Территориально памятники типа Яздепе I довольно четко разделяются на две группы. Одна из них объединяет поселения земледельцев предгорной полосы, именованной Северной Парфией, а вторая – поселения в дельте Мургаба, известные как древняя Маргиана.

Линия генетического развития комплекса Яздепе демонстрирует как бы возврат к более древним традициям, что особенно ярко проявляется в керамике. Ряд исследователей связывает сложение его с продвижением племен степной бронзы в предгорную полосу и в дельту Мургаба (Ганялин 1956; Марущенко 1959; Толстов, Итина 1960). Они придерживаются мнения об инфильтрации степных племен в состав оседлого населения. Наиболее вероятным представляется, что комплекс Яздепе – продукт дальнейшего развития земледельческо-скотоводческих общин юго-запада Средней Азии.

Аналогичная или близкая к Яздепе I культура существовала в середине I тыс. до н.э. и в соседней Бактрии (Массон 1959). В сложении культуры поздней расписной керамики на юге Узбекистана и Таджикистана участвовали в основном местные оседло-земледельческие и скотоводческие племена Северной Бактрии. Большая роль в формировании этой культуры отводится населению чувской культуры Ферганы (Заднепровский 1962). Предполагается, что эта культура появилась в северных районах Средней Азии и в последующем проникла в южные (Аскарлов, Альбаум 1979).

Дальнейшие исследования расширили границы распространения культуры типа Яздепе I. Открыты новые земледельческие памятники в Каршинском оазисе (Чиракчинское поселение, городище Еркурган), Ташкентском оазисе – поселения у Туябугузского водохранилища, Каунчитепа, Ахматтепа и Чингтепа (Алимов, Буряков, Дуке 1976; Дуке 1976), в Зарафшанской долине – Афрасиаб, Саразм (Исаков, Эшанкулов 1978; Турабеков 1979), в среднем течении Амударьи – Бандыхан I, Буйрачи и другие (Сагдуллаев 1978).

В Присаракамышской дельте, на юго-западе Хорезма, открыта куюсайская культура полuosедлых скотоводов, ранние поселения и погребения которой датируются VII–VI вв. до н.э., а поздние погребения функциониро-

вали до IV в. до н.э. Б.И. Вайнберг высказала две точки зрения относительно формирования куюсайской культуры: образование ее местными сакскими и пришлыми североиранскими племенами (Вайнберг 1975) и привнесение ее в юго-западный Хорезм из Западного Там же; Вайнбергне позднее начала VII в. до н.э. С подобной трактовкой материала не согласна М.А. Итина, предполагающая, что куюсайская культура сложилась в результате взаимовлияния культур оазиса и степи, имеющего доказательства на территории Средней Азии с эпохи поздней бронзы (Итина 1979).

Письменные источники содержат важные сведения о названии и расселении отдельных племен и народностей, обитавших на территории Средней Азии начиная с середины I тыс. до н.э.: саках, бактрийцах, согдийцах, хорезмийцах, парфянах и др. Население в это время разделялось по хозяйственному укладу на земледельческое и кочевническо-скотоводческое. Кочевые племена занимали главным образом северные и северо-восточные районы Средней Азии, земледельцы – южные и центральные. Границы расселения их, видимо, были не устойчивыми, иногда кочевники проникали в земледельческие оазисы и переходили к оседлому образу жизни.

На юге современного Туркменистана в середине I тыс. до н.э. располагались Парфия и Маргиана. Парфия занимала всю прикопетдагскую полосу и северо-восточную часть современного Ирана и была заселена парфянами (Кошеленко 1966). Маргиана в западной своей части соседствовала с Парфией и располагалась в долине реки Мургаб. Основное население этой территории именовалось маргианцами. Кроме того, в Юго-Западном Туркменистане, возможно, уже в это время обитало одно из кочевых сакских (массагетских) племен – дахи, или даи.

На территории северного Афганистана, южных областей Узбекистана и Таджикистана и в среднем течении Амударьи существовало Бактрийское государство. Крупной областью оседлой культуры было Хорезмское государство, расположенное в одноименном оазисе низовьев Амударьи. В среднем течении Амударьи, а также в бассейне Зарафшана и Кашкадарьи обитали согдийцы. На севере Средней Азии жило кочевое сакское население, состоявшее из конгломерата племен, постоянно контактировавших с земледельцами оазисов.

Антропологический состав населения Средней Азии в VIII–III вв. до н.э. до сих пор недостаточно ясен, т.к. не хватает численности палеоантропологических материалов из юго-западных и центральных областей. Сравнительно лучше изучены сакские и раннеусуньские некрополи юго-восточного Приаралья, Тянь-Шаня, Алая и Памирского нагорья. В этот период отмечены заметные изменения в антропологическом составе среднеазиатского населения.

Изучение материалов, пополняемых с годами, и проведенный анализ позволяют сделать заключения, отраженные в ряде работ (Ходжайов 1967, 1978, 1981, 1990, 2004а, 2005а, 2008, 2016; Ягодин 1970). Так, впервые намечилось присутствие представителей расы Среднеазиатского междуречья, выявилось проникновение новых этнических групп, имеющих в физическом составе элементы монголоидной расы. Этим существенным явлением открылась новая эпоха в динамике антропологического состава среднеазиатского населения, т.к. дальнейшая история племен и народов этого региона тесно связана с населением восточного происхождения.

Основной палеоантропологический материал относится к середине I тыс. до н.э. У населения раннего железного века на территории Средней Азии можно выделить три комплекса признаков, привязанных к определенным территориям. Первый из них долихо-мезокранный европеоидный с узким и средневысоким, сильно профилированным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом, сильно выступающими носовыми костями. Второй комплекс мезокранный европеоидный с широким, высоким, сильно- или среднепрофилированным лицом и значительно выступающим носом. Третий вариант мезобрахикранный монголоидный с высоким, широким, уплощенным в горизонтальном плане лицом и уплощенным носом. Последний вариант чаще всего встречается в виде примеси.

Недостаточное число черепов не позволяет выделить в составе населения юга Средней Азии и рассмотреть отдельно те варианты восточно-средиземноморской расы, которые были установлены для эпохи энеолита и бронзы. Население с средиземноморским комплексом признаков в VII–III вв. до н.э. занимало ту же территорию, что и в предшествующие эпохи энеолита и бронзы. Удельный вес этого комплекса несколько уменьшился в эпоху раннего железа только в зоне Приаралья.

Большой интерес представляют генезис и судьба другого комплекса, установленного на палеоантропологическом материале юга Средней Азии, в эпоху поздней бронзы. Он был распространен преимущественно в Бишкентской долине на материалах могильника Ранний Тулхар и отмечен в виде одного из компонентов в Южном (Тахирбай 3) и Юго-Западном Туркменистане (курганые могильники Караэлематасай и Патмасай). По материалам из могильника можно предположить, что носители этого комплекса могли быть немногочисленными и постепенно растворились в общей массе грацильных средиземноморских европеоидов.

Третий комплекс, несущий в себе монголоидные особенности, редко встречается в Средней Азии в чистом виде и чаще смешан с европеоидным комплексом. Он зафиксирован главным образом на западе, юге и юго-востоке Приаралья, а также в степной части Зарафшанской долины, на Тянь-Шане и Алае.

Имеет ли этот третий монголоидный комплекс признаков на территории Средней Азии древние корни? В настоящее время, несмотря на некоторые лакуны, Средняя Азия является одной из наиболее полно изученных в палеоантропологическом отношении областей Евразии. Многочисленные палеоантропологические данные, рассматриваемые выше, с полным основанием позволяют говорить о европеоидном типе населения этого региона эпохи бронзы. Единственный упомянутый выше череп с чертами центрально-азиатского монголоидного типа, обнаруженный в Таджикистане, из-за не очень ясной датировки пока не должен быть основанием для суждения об очень раннем проникновении населения с монголоидными чертами в Среднюю Азию.

По-видимому, носители монголоидного комплекса признаков стали появляться именно в рассматриваемую эпоху. Так, Г.Ф. Дебец (1948) в курганах VI в. до н.э. на горном Алтае отметил среди европеоидных черепов скифского времени монголоидные черепа центральноазиатского облика (Алексеев 1958). Отдельные монголоидные черепа обнаружены в Казахстане и Киргизстане, черепа с монголоидной примесью встречаются и на западе – в скифских курганах Причерноморья и Украины. Таким образом, наличие монголоидной примеси в VII–VI вв. до н.э. твердо устанавливается на обширной территории от Тувы до Украины, хотя примесь эта незначительна.

Результаты палеоантропологических исследований последних лет, проведенных на территории Монгольской Народной Республики и в Забайкалье, показывают, что население, характеризующееся центральноазиатскими чертами, могло проникнуть в середине I тыс. до н.э. в Среднюю Азию только из центральных и восточных областей Монголии или из Забайкалья, так как подавляющее большинство населения западной Монголии было европеоидным (Мамонова 1980; Тумэн 1985).

В дополнение к рассмотрению географических вариаций, признаков и их комплексов мною был проанализирован результат суммарного сопоставления отдельных краниологических серий, а также серий, сгруппированных по историко-культурным областям. Черепа из Кучуктепа, Дашлы и Яздепе составляют единую в генетическом плане группу.

Серии из Шадыбека и Актама объединяются в другую группу, которая наиболее близка к первой. Своеобразную и наиболее отдаленную от всех других группу составляют черепа из Устюрта, к которым примыкает серия из курганов Калканская. В особую группу концентрируются краниологические серии сакского периода с Тянь-Шаня, из Юго-Восточного Приаралья и Алая. Наиболее близки между собой черепа ранних кочевников Приаралья и Султануиздага.

Генетические связи населения Маргианы и Древней Бактрии, имевшие общую основу в более ранние периоды, в VIII–III вв. до н.э. оставались на прежнем уровне. Общие расовые и морфологические особенности сакского населения Средней Азии и Казахстана также говорят о значительной степени их родства. Выделяются лишь саки Восточного Памира, которые в расовом отношении близки к южным популяциям Передней, Южной и Средней Азии и генетически не связаны с сакским населением евразийских степей (Ходжайов 2005а, 2008).

Своеобразное положение занимает население северной степной части Зарафшанской долины. Материалы из трех хронологически синхронных курганных могильников имеют различное направление связей. Шадыбекская курганный группа тяготеет к комплексам Бактрии и Маргианы, курганный группа Калканская – к памятникам Приаралья, учтутская – к комплексам сакского времени Алайской долины.

Весь палеоантропологический материал был исследован мною по отдельным крупным географическим зонам, в той или иной степени совпадающим с границами историко-культурных областей. Выявлено четкое разделение среднеазиатского населения на две ветви: северную и южную. В одной объединяется население Южного Узбекистана, Южного Таджикистана и Восточного Памира, морфологически относившееся к средиземноморской расе, в другой – население северных областей Средней Азии, характеризовавшееся протоевропеоидными чертами. Связи населения Южной Туркмении, Южного Узбекистана и Южного Таджикистана довольно тесны и простираются на север до Зарафшанской долины.

Связи населения Ферганской долины распространяются на юг и северо-восток Средней Азии. Если рассматривать степень выраженности монголоидных черт у населения отдельных регионов, то можно обнаружить, что европеоидными особенностями характеризуются серии из Шадыбека, Афрасиаба, Кучуктепа, Урюкзора, а также серии Восточного Памира сакского периода, Тумек-Кичиджика, а остальные – европеоидно-монголоидным комплексом. Сильно выраженная монголоидность выявлена у населения Устюрта (Мыс Безымянный) и на севере Древнебухарского оазиса (Калкансай). Раздельное изучение серий, принадлежащих кочевническо-скотоводческому и земледельческому населению, выявило, что первые значительно монголизированы, чем вторые (Ходжайов 1987).

Таким образом, племена с монголоидными чертами сконцентрировались в трех областях Средней Азии: на западе и юго-востоке Приаралья; северо-западе Зарафшанской долины, которые с древнейших времен до настоящих дней являются зоной сосредоточения населения, ведущего главным образом скотоводческое хозяйство); Тянь-Шане и Алае. Исключением было скотоводческое сакское население Восточного Памира, где не зафик-

сирована монголоидная примесь. Это население имело иные генетические корни по сравнению с остальными скотоводческими сакскими племенами Средней Азии.

ГЛАВА IV.

НАСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ

Античный период в истории Средней Азии охватывает тысячелетний промежуток времени от середины I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. Его принципиальное отличие от предыдущих эпох с точки зрения источниковедения состоит в появлении письменных свидетельств о среднеазиатском регионе. В эту эпоху четко выделяются несколько историко-культурных областей, население которых различалось своими морфологическими особенностями и историей формирования.

Приаралье. Одной из крупных областей оседлой культуры в Средней Азии был Хорезмский оазис в низовьях Амударьи, где поселения середины I тыс. до н.э. обнаружены на обоих берегах этой реки. На периферии Хорезма в Акчадарьинской и Присарыкамышской дельтах и по Жанадарье обитали сакские племена скотоводов с примитивным земледелием. В кангуйский период (IV–I вв. до н.э.) ведущей формой хозяйства являлось земледелие, в этот период быстро росло количество крупных городов-крепостей.

Антропологический состав населения Хорезмского оазиса и окружающих его степных и пустынных районов середины I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. представлен несколькими краниологическими сериями, характеризующими местное земледельческое и кочевническо-скотоводческое население. Наиболее интересны новые археологические и антропологические материалы из памятников юго-западной части Хорезмского оазиса, изученные Л.Т. Яблонским (1991, 1996, 1999).

В Присарыкамышской дельте Амударьи при изучении памятников раннежелезного века выделена особая куюсайская культура (Вайнберг 1975). Краниологическая серия из куюсайских погребений полученная из могильника Тумек-Кичиджик, отнесена Т.А. Трофимовой к европеоидам. Черепа долихокранны, имеют широкий среднеуплощенный лицевой скелет, низкие орбиты и резко выступающий нос.

В целом эта серия по ряду признаков сближается, с одной стороны, с черепами древнеямной культуры Поволжья, с другой – с Карадепе в Южном Туркменистане. Эти особенности населения куюсайской культуры имеют местное происхождение и сложились в результате контактов южных и северных популяций. Этот вывод Т.А. Трофимовой подкрепляется и тем, что куюсайская культура не имеет своих корней в

Хорезме и носители ее, возможно, не позднее начала VII в. до н.э. пришли в Юго-Западный Хорезм из Западного Хорасана (Вайнберг 1975).

Черепы I в. до н.э. и I в. н.э. из Тумек-Кичиджика характеризуются брахикранией, средними размерами лица. По мнению Т.А. Трофимовой (1974), они принадлежат другой этнической общности. С Тумек-Кичиджиком наиболее тесно связан курганный могильник на возвышенности Тузгыр, в 100 км юго-западнее Куны-Ургенча (Лоховиц 1968), оставленный аланами. Черепы из этого могильника мезокранные, со средними абсолютными размерами лица, средней горизонтальной профилировкой и сильновыступающим носом.

В целом серия отражает процесс становления расы Среднеазиатского междуречья. Она устанавливает в составе населения наличие двух морфологических компонентов, один из которых сближается с местным хорезмийским оседло-земледельческим населением Калалыгыра, а другой – с сарматским населением Волгоградского Заволжья (Гинзбург, Трофимова 1972).

По обряду захоронения и ориентировке скелетов курганы Тузгыра находят тесные аналогии в материалах из Нижнего Поволжья и Средней Азии: Бухарского оазиса, Ферганы (Лоховиц 1968). Однако проведенный нами антропологический анализ не находит тесных генетических связей между разными территориальными группами населения, погребенными в могилах подбойного и катакомбного типов.

Полуоседлое население Хорезмского оазиса позднекушанского времени характеризовалось как метисированное, с восточно-средиземноморскими чертами, характерными для оседлого населения этого оазиса, и узколицым монголоидным кочевым населением (Трофимова 1957, 1958, 1959).

Расовый тип оседло-земледельческого населения первых веков н. э. Хорезмского оазиса известен нам в основном по многочисленным антропологическим материалам из городища Калалыгыр 1 и 2. Черепы из Калалыгыра смешанные, в основном представлен восточно-средиземноморский тип с примесью элементов андроновской и экваториальной рас. Женский череп из комнаты 263 дворца хорезмских шахов Топрак-кала примерно того же времени неместного происхождения и сближается с черепами джетысарского комплекса памятников низовьев Сырдарьи (Трофимова 1958, 1959).

На северо-востоке Хорезмского оазиса, в низовьях древней дельты Сырдарьи, в VII–V вв. до н.э. обитали сакские племена. Расовый тип их на основе черепов из курганных могильников Тагискена и Уйгарака определен Т.А. Трофимовой как европеоидный. Однако у некоторых из них ярко выражены монголоидные черты центральноазиатского происхождения (Трофимова 1963, 1967). Черепы уйгаракско-тагискенской группы харак-

теризуются большой массивностью, долихокранией, широким и низким лицом, низкими орбитами. По морфологическим особенностям черепов ранние кочевники Юго-Восточного Приаралья близки к синхронному населению Горного Алтая, сако-усуньскому населению Восточного Казахстана, Семиречья и Киргизстана.

Антропологический облик более позднего населения Юго-Восточного Приаралья IV–II вв. до н.э. известен по черепам из чирикрататской и асарской групп памятников. Чирикрататские черепа отличаются от тагискено-уйгаракских более грацильным строением и обнаруживают особенности, связывающие их, с одной стороны, с андроновцами, с другой – с жителями Среднеазиатского междуречья. По своим морфологическим особенностям население сходно со скотоводческим населением Бишкентской долины (Гинзбург, Трофимова 1972).

Наибольший интерес в рамках рассматриваемой проблематики представляют достаточные по численности материалы джетыасарской культуры из ряда археологических памятников, расположенных в Восточном Приаралье (могильники Косасар 2, Косасар 3, Алтынасар 4, Бедикасар и Томпакасар). Впервые эти материалы были получены сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова в 1946–1961 гг. (Толстов 1948, 1948а, 1962). Исследования продолжились в 1973–1993 гг. Л.М. Левиной (Левина 1962, 1996), особенно интенсивно в 1986–1991 гг. Антропологический материал из склепов и могильников в разное время изучался несколькими антропологами, результаты публиковались в течение длительного времени, с 1993 по 2022 гг. Приводим только некоторые из них (Бужилова 2006; Кияткина 1993, 1993а, 1995, 1995а; Медникова 2022, Рыкушина 1993, 1993а; Ходжайов 2000, 2006, 2011; Шведчикова 2010).

По данным антропологии можно предположить, что в конце I тыс. до н.э. кочевническо-скотоводческое население Приаралья продвигалось в южном направлении (часть через Центральные Кзылкумы и Центральный Согд, другая – через Восточный Прикаспий) до границ Греко-Бактрии. Антропологический тип, характерный для населения Приаралья, отчетливо фиксируется у скотоводов восточной горной части Северной Бактрии и у городского населения центральных и южных областей Средней Азии (Ходжайов 1987).

Согд – историческая область в среднем течении Амударьи в бассейнах рек Зарафшан и Кашкадарья. Впервые она упоминается в исторических источниках середины I тыс. до н.э. Это была страна развитого земледелия, основанного на искусственном орошении с оседло-земледельческим и ко-

чевым скотоводческим укладами. В долинах рек и на равнинах были сосредоточены сельские поселения Согда. Согласно античным источникам, границей Согда на юге была Амударья, на севере – верхнее течение Сырдарьи. Жители его говорили на восточноиранском языке и мало чем отличались по культуре и быту от других среднеазиатских народов: бактрийцев, хорезмийцев и представителей сакских племен, также изображенных на барельефах ахеменидского Ирана. Население в основном было оседлым, но в районах, граничивших с песками и горами, обитали скотоводческие племена.

Антропологические исследования оседло-земледельческого и городского населения Согда следующие. Оседлое население Согда представлено небольшим количеством черепов из могильников Суджина, Ургут, Еркурган, при этом краниологический материал далеко не идеальной сохранности.

Ряд погребальных курганов (Саурсай, Миндана, Мушхона, Засун) в верховьях Зарафшана, недалеко от городища Пенджикент, датирующихся последними веками до нашей эры и серединой I тыс. н.э., дали в основном черепа брахикранного европеоидного типа Среднеазиатского междуречья. По морфологическим особенностям они близки к черепам раннесредневекового городского населения Пенджикента (Гинзбург 1958).

Имеющиеся краниологические материалы из Древнебухарского оазиса разрозненны и малочисленны и характеризуют скотоводческое население Западного Согда. Так, на левом берегу Калкансая была вскрыта группа курганов V–III вв. до н.э., давших серию, в которой выделяется несколько антропологических типов, с различными вариантами европеоидной и монголоидной рас (Зезенкова 1969; Ходжайов 1980).

Население, оставившее подбойные и катакомбные погребения в Лявандакском могильнике, из курганов Хазара и Кзылтепа, Кзылкыра в Бухарской области, оставленные скотоводческими племенами, представлены типом Среднеазиатского междуречья, а также восточно-средиземноморским типом с монголоидной примесью (Зезенкова 1963).

Проведенный нами анализ антропологического материала эпохи Античности из Согда показывает существенные изменения в антропологическом, а возможно, и этническом плане, по сравнению с предыдущим периодом (Ходжайов 2018, 2020; Ходжайов, Мустафакулов 2011). На западной границе земледельческих оазисов появляются племена с выраженной монголоидной примесью: в Древнебухарском оазисе (курганные могильники Лявандак, Куюмазар, Кзылтепа, Калкансай, Хазара, Шадыбек, Учтут), в Центральных Кзылкумах (курганные могильники Джужкудук, Кулькудук), а также в Самаркандском Согде (Каттакурганское водохранилище, Сирлибай, Орлат).

Племена, оставившие курганные захоронения в Бухарской части Согда, оказались сравнительно более монголоидными, чем в Самаркандской. У кочевого населения Самаркандского Согда был широко распространен обычай лобно-затылочной деформации, тогда как в Бухарском Согде он полностью отсутствует.

Нам представляется, что племена, оставившие курганные захоронения в Бухарском Согде, морфологически более тяготеют к кочевым племенам Тянь-Шаня, а в Самаркандском – к скотоводческим племенам Приаралья. В то же время городское и сельское население Зарафшанской долины по-прежнему характеризуется европеоидными особенностями без монголоидной примеси. С середины I тыс. до н.э., может, и раньше, на северо-западе Древнебухарского оазиса концентрируются племена с хорошо выраженными монголоидными чертами.

Ташкентский оазис. Среди оседло-земледельческих и скотоводческих племен Ташкентского оазиса и средней Сырдарьи вплоть до Чардаринского водохранилища была распространена каунчинская культура. Влияние этой культуры отмечено также в Семиречье, Северной Фергане, Бухарском оазисе и долине Кашкадарьи. Она датируется периодом с II в. до н.э. по VI в. н.э. Большинство авторов выделяют в ней два этапа: Каунчи I и Каунчи II. В погребальных обрядах преобладали подбойно-катакомбные могилы, на поздних этапах развития, наряду с курганами, встречались и погребальные наусы. Наиболее богата ими долина реки Ахангаран. Крупные скопления погребений-мингтепе отмечены в верховьях этой реки близ села Акча (акчинское мингтепе), в среднем течении (карахтайское, алмалыкское, или нарпайское, пскентское, тойтепинское, туябугузское (Массон 1976)) и ниже ее течения (турткульское).

Немногочисленные антропологические находки первой половины I тыс. получены из курганных захоронений в Янгиюльском районе Ташкентской области. Население европеоидного облика, и, видимо, в составе местного скотоводческого населения также присутствовали носители черт средиземноморской расы (Гинзбург 1946).

Земледельческое население, представленное небольшим числом черепов из оссуарного захоронения на берегу реки Бозсу и могильника Ниёзбошитапа из Янгиюльского района, с кольцевой деформацией памиро-ферганского типа с наличием монголоидной примеси (Герасимов 1949; Юнусов 1973).

Череп из Туябугузского водохранилища европеоидные с монголоидной примесью. Такими же расовыми особенностями характеризуются палеопопуляции из Кызылалмасайского курганного могильника, Кульаты и городского некрополя Кавардана (Ходжайов 1987). В Ташкентском оазисе

в эпоху Каунчи II резко увеличивается присутствие монголоидной примеси. Видимо, в это время имел место заметный приток именно такого по морфологическим признакам населения из восточных областей (Ходжайов 1981, 1993, 2000).

Разумеется, черепа из указанных памятников не позволяют в полной мере оценить расовые особенности земледельческого населения Ташкентского оазиса. Видимо, как земледельческое, так и скотоводческое население было разнородным, но среди одного и другого была монголоидная примесь. Однако она более выражена, как и ожидалось, среди скотоводческого населения.

Сопоставление краниологических серий из Ташкентского оазиса с другими синхронными сериями Средней Азии, проведенное нами, показало их близость с сериями, принадлежащими сакским и усуньским племенам казахстанских степей. Кроме того, они аналогичны более ранним краниологическим сериям из курганов Древнебухарского оазиса. Присутствие грацильных форм у части населения этого региона свидетельствует, видимо, об инфильтрации в Ташкентский оазис в эпоху Античности (или даже в более ранние исторические периоды) населения из центральных и южных районов Средней Азии (Ходжайов 1980).

Ферганская долина. Фергана – одна из крупнейших областей орошаемого земледелия, в древности была зоной контакта населения с различными хозяйственными укладами. Сведения в античных письменных источниках о Фергане чрезвычайно скудны. Известно, что во II в. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Фергана находилась в тесных политических, экономических и культурных взаимоотношениях с Кангюем.

В конце I тыс. до н.э. в предгорьях и горных долинах Ферганского региона растет число погребальных памятников с подбойно-катакомбными захоронениями, которые одни авторы связывают с проникновением сюда других племен извне, другие считают памятниками местного происхождения.

Наибольшее количество могильников в Ферганской долине концентрируется в поймах рек, озер, в местах с удобными подходами к воде, с обильными камышовыми и тугайными зарослями. Отмечены различные типы погребальных сооружений, локализуемых в разных районах. Так, на севере долины распространены земляные насыпи и погребения в катакомбах, на востоке преобладают погребения в виде подбоев, на юге – могилы в виде грунтовых ям.

Памятников середины и второй половины I тыс. до н.э., имеющих представительный антропологический материал, пока немного. Наиболее известен Актамский могильник, принадлежащий оседло-земледельческому населению V–III вв. до н.э. (Гамбург, Горбунова 1957). Население Актама

характеризовалось мезо-брахикранным европеоидным типом и, возможно, восходило к населению Ферганы эпохи бронзы, подвергнутому брахикефализации (Гинзбург 1957). Черепа из курганного могильника Советское I (III–I вв. до н.э.), расположенного за Узгеном, европеоидные с примесью монголоидных черт. Черепа подобного типа обнаружены в погребениях Семиречья и Тянь-Шаня рубежа нашей эры (Гинзбург 1956).

На западе Ферганской долины из подбойных и катакомбных захоронений II–IV вв. Ширинсайского могильника получены черепа, характеризующиеся различными антропологическими типами (Герасимов 1949), имеющие аналогии среди серий Юго-Западной Ферганы (Кияткина 1976).

В могильнике Кайрагач, южнее Ленинабада, раскопано 10 курганов. Изученный череп мезокранный европеоидный. К европеоидному долихокранному типу отнесены черепа из могильника Кара-Мойнак Юго-Западной Ферганы. Ряд могильников Исфаринской долины (Ворух, Кех, Чорку, Калантархона, Сурх, Навгилем) оставлен племенами, переходившими к оседлости. Население Юго-Западной Ферганы характеризовалось европеоидным типом Среднеазиатского междуречья (Кияткина 1976).

В пещере Куvasай (юго-восток Ферганской долины) из массового захоронения изучены черепа I–III вв., принадлежавшие оседлому населению. Серия, несомненно, европеоидная, состоящая из долихократных и брахикратных компонентов (Гинзбург 1956).

Скотоводческое население Северной Ферганы представлено несколькими краниологическими сериями: Гурмирон (I в. до н.э. – III в. н.э.), Лугумбек (I–IV вв.) и Богджай (первые века нашей эры). Расовый тип населения северной Ферганы европеоидный с наличием монголоидной примеси (Гинзбург 1956; Ходжайов 1980, 2000, 2002).

Таким образом, основная часть населения Ферганы первых веков нашей эры характеризуется чертами европеоидного типа Среднеазиатского междуречья. В составе населения прослеживается комбинация признаков, характерная для представителей средиземноморской и южносибирской рас.

Изученные краниологические материалы из могильников Урюкзор, Рапканмазар и Тагац, Хангиз, Обишир и Гурмирон, оставленные земледельческим и местным скотоводческим населением, свидетельствуют о присутствии представителей расы Среднеазиатского междуречья, а также средиземноморской на юге Ферганской долины. В результате анализа установлено, что европеоидные черты сосредоточены среди населения западных и юго-восточных областей Ферганской долины. Население Северной Ферганы более монголизировано и, возможно, генетически связано со скотоводческим населением Ташкентского оазиса и Тянь-Шаня.

Северная Бактрия – древняя область, расположенная по среднему и верхнему течению Амударьи – охватывала территорию современных южных областей Узбекистана и Таджикистана и север Афганистана. На севере она граничила с Согдом, на западе – с Маргианой. Бактрия – один из древнейших центров развития земледельческой культуры и государственности в Средней Азии. В географическом и экономическом отношении она разделялась на две зоны: оазисы и долины рек с развитым земледелием и оседлым населением и степи, заселенные кочевниками-скотоводами. Взаимосвязь этих этнокультурных зон была весьма тесной.

В расовом отношении население этой области в целом состояло из двух европеоидных компонентов: средиземноморского и северного варианта расы Среднеазиатского междуречья. Первый из них был широко распространен среди древнеземледельческого населения Древней Бактрии. Присутствовал также и другой, матуризованный, происхождение которого связано с кочевым населением Бактрии (Аруктау, Тулхар, Коккум, Бабашово и др.). Городское население данного региона представлено довольно многочисленными материалами из городища и наусов Дальверзинтепе и Старого Термеза (Ходжайов 1980).

Античный период охватывает огромный хронологический диапазон, поэтому и антропологический материал рассмотрен отдельно по этим трем периодам: эллинистическому, кушанскому и эфталитскому.

Эллинистический период, условно длившийся II–I вв. до н.э., представлен семью краниологическими сериями. Черепа из науса Дальверзинтепе и Айртама принадлежат городскому населению Северной Бактрии, серии из Аруктау и Позднего Тулхара – скотоводческому. Черепа из Тумеккичиджика оставлены скотоводами северо-западной периферии Хорезмского оазиса, а из Тагискена – скотоводами Северо-Восточного Приаралья. Черепа из Еркургана принадлежат городским жителям Южного Согда.

Несмотря на такие существенные различия в хозяйственном укладе и материально-культурной принадлежности, антропологические особенности всех этих групп были довольно близкими, что свидетельствует об однородности населения. Городские и скотоводческие популяции Северной Бактрии, городское население Согда и скотоводческое – Хорезмского оазиса характеризуются одним морфологическим типом и имеют тесные биологические связи. Установлено, что население этих трех историко-культурных областей, в свою очередь, тесно связано с более ранним скотоводческим населением низовьев Зарафшана, саками Юго-Восточного Приаралья, Алая и Тяньшаня (Ходжайов 1981; Ходжайов, Мустафакулов 1992; Ходжайов, Халилов 1977, 1978; Ходжайов, Ходжайова 2009, 2010, 2013; Ходжайов, Абдуллаев 2011).

Ко второму, кушанскому периоду были отнесены 24 краниологические серии, датирующиеся в основном I–II вв. Этот массив включает следующие материалы: Северная Бактрия – Ялантуштепа и Шахтапа (Тепай-Шах); Туркменистан – Бабашово, Мешретитахта, курганы Красноводского полуострова; Приаралье – Калалыгыр, Тузгыр, Алтынасар и Джетыасар 2; Зарафшанская долина – курганы Бухарской и Самаркандской областей; Ташкентский оазис – Бозсу, Кавардан, Вревская, Туябугузское водохранилище; Ферганская долина – Лугумбек, Исфара, Куvasай, Урюкзор, Гурмирон, Богджай, Тепай Пирмухамед; Таласская долина – Кенкол, Джон-добе.

По сумме важных морфологических и расовых признаков в единую группу объединилось население Кенкола, Гурмирона и Джон-добе, т.е. скотоводы Таласской и Ферганской долин. На северо-западе Средней Азии такую же компактную группу составило городское и скотоводческое население Калалыгыра и Тузгыра. В свою очередь, к Хорезмской группе примкнули скотоводческие племена Южного и Западного Туркменистана. Население Ташкентского оазиса тесно связано, с одной стороны, с населением Таласской долины и Северной Ферганы, с другой – с хорезмийским и западнотуркменистанским, т.е. с населением северных областей Средней Азии.

Население Зарафшанской долины обнаруживает разнонаправленные генетические связи, выражающиеся в своеобразии морфологического типа у обитателей верховьев и низовьев реки Зарафшан. Жители верховьев реки, несмотря на различный тип ведения хозяйства, характеризуются единым европеоидным антропологическим типом. В то же время население низовьев Зарафшана смешанное по составу, европеоидно-монголоидное.

Сопоставление черепов рассматриваемого периода с черепами предыдущего периода показало, что серии из Шахтапа и Айртама наиболее близки между собой. Кроме этого, в обеих сериях присутствует один и тот же тип лобно-затылочной деформации. К этим сериям близки по типу жители Еркургана, а также скотоводческие племена Тулхара и Аруктау.

В формировании населения Шахтапа, кроме местного городского населения, немалую роль, видимо, сыграли кочевые племена. Довольно компактную группу образует население северо-восточных областей: Таласской, Кетьментюбинской и Северо-Ферганской, к которому близко население каунчинской культуры Ташкентского оазиса, а также хорезмийское и западнотуркменистанское (Ходжайов 1981).

К третьему эфталитскому периоду относятся 12 серий, из которых четыре происходят из Приаралья (Миздахкан, Дуана, Кангакала и Куняуз), три – из Зарафшана (Калкансай, Курган 33, Шурауль и Ургут), четыре – из бассейна верхней Амударьи (Тупхона, Старый Термез, Ангор, городище Дальверзинтепа) и два – из Ферганской долины (Обишир, Ширинсай).

Одну группу, связанную тесной генетической связью, составляет население Ширинсая и Шурауля, другую – жители Старого Термеза, Тупхоны, Обишира и Калкансая. Первая из них, по сравнению со второй, более матуризованная, и, кроме того, в ее составе представлена ощутимая монголоидная примесь. Вторая группа грацильная, европеоидная, имеющая в основе восточно-средиземноморский тип. Городское население Хорезма имело средиземноморский морфологический тип с небольшой монголоидной примесью.

Население Зарафшанской долины представлено европеоидными и монголоидными типами. У населения верховьев и среднего течения Зарафшана преобладал грацильный европеоидный тип с несколько повышенным черепным указателем. В низовьях Зарафшана, кроме носителей средиземноморской расы, обитало население со значительно выраженными монголоидными чертами.

Подобная картина наблюдается в Ферганской долине. Земледельческое население юга долины, оставившее могильник Обишир, также характеризовалось чертами восточно-средиземноморской расы. Население западной части долины (Ширинсай) также европеоидное. Значительная близость по типу в этот период устанавливается между оседлым и городским населением Южной Ферганы, Самаркандского Согда и Северной Бактрии.

Сопоставление краниологического материала III периода с более ранним выявляет следующее направление генетических связей. Серии из Старого Термеза, Калкансая (Курган 33) и Миздахкана тесно связаны с хронологически более древними сериями Бактрии, Согда и Ферганы, оставленными оседлым населением. Городское население Северной Бактрии в IV–V вв., как и в предыдущих периодах, испытывало довольно существенное влияние окружающего скотоводческого населения (Ходжайов 1981, 2005).

Надо отметить, что миграции, будучи важнейшим фактором микроэволюционных процессов, оказали значительное влияние на формирование культурного облика, этнического и антропологического состава современного населения Средней Азии. Судя по изученным палеоантропологическим материалам, особенно более ранних периодов, до Античности, процессы передвижения племен на данной территории происходили в эпоху неолита, возможно, и мезолита, и значительно усилились в эпоху поздней бронзы. Они были связаны в основном с продвижением северных степных племен на юг, а южных земледельческих – на север. В антропологическом составе мигрирующего населения в эти периоды выявляется мозаичность, в которой присутствовали различные комбинации европеоидных признаков.

Последующие процессы инфильтрации приводят к компактному расселению северных племен на восточных границах Северной Бактрии,

где они принимают участие в формировании вахшской и бишкентской культур. Племена срубной культуры в это время оседают в юго-восточной части Прикаспия. Популяции южного происхождения, продвинувшиеся в северо-восточном направлении в Ферганскую долину, участвуют в создании чустской оседло-земледельческой культуры. В период раннего железа и сакский период на территории северных и центральных областей, включающих Тянь-Шань, Устюрт, Приаралье, север Древнебухарского оазиса, впервые отчетливо фиксируются новые этнические группы монголоидного облика. Первоначально они слабо контактировали с местным населением оазисов, но в последующем сыграли значительную роль в истории Средней Азии.

Античный период выделяется в истории, в отличие от предыдущих периодов, наличием письменных источников, содержащих сведения о народах среднеазиатского региона. В Античности четко выделяются отдельные историко-культурные и географические области. Население этих областей не только характеризовалось культурным и этническим своеобразием, но и было разнородным по морфологическому составу.

В VII–III вв. до н.э. земли Приаралья, по имеющимся материалам, были заняты также и племенами с заметно выраженной монголоидной примесью. К ним можно отнести представителей чирикратской культуры, оставивших погребальные сооружения Южный Тагискен, Уйгарак, Баланды, Бабишмулла (Яблонский 1996). Кроме того, с этими сериями идентифицируют краниологические серии из памятников ранних этапов джетыясарской культуры (Алтынасар 4) Юго-Восточного Приаралья; из курганных захоронений Каракудук и Мыс Безымянный (восточный чинк плато Устюрт) и южной предгорной части Султануиздага (недалеко от городища Топраккала); из курганных могильников VI–V вв. до н.э. – Джужкудук, Кулькудук и Кокпатас в Центральных Кызылумах.

В этот же период оседло-земледельческое античное население южных областей, представленное черепами из памятников Кучуктепа, Дашлы 17, 30 и Яздепе, характеризуется иной комбинацией морфологических признаков. Оно относится к кругу классических средиземноморцев, отличающихся долихо-мезокранией, узким и высоким сильнопрофилированным лицом и резко выступающим носом. Судя по показателям монголоидности, таким как уплощенность лицевого скелета, преаурикулярно-фациоцеребральный указатель и удельная доля монголоидного элемента, эти серии существенно отличаются от синхронных серий из Приаралья, Устюрта и Центральных Кызылумов (Ходжайов 1980; Ходжайов, Ходжайова 2001).

В то же время значительную территорию занимали племена матуризованного европеоидного типа, генетически связанные с савромато-сар-

матскими племенами Поволжья-Приуралья (Трофимова 1967; Гинзбург, Трофимова 1972; Багдасарова 2000). Именно они оставили курганные захоронения на Устюрте (Казыбаба), в южной части Краснодарского полуострова (Гекдаг II) и на Узбое (Гичгельды – неопубликованные материалы Г. Гельдиевой). На черепах из этих серий обнаруживаются следы сильно выраженной затылочно-теменной и лобно-затылочной деформаций. В сериях из курганов Централных Кзылкумов представлены оба типа деформации, а из курганов Устюрта и Султануиздага – только затылочно-теменная (Ходжайов 2000).

Для выявления характера взаимоотношений кочевнических и скотоводческих племен с населением земледельческих оазисов Среднеазиатского междуречья был проведен межгрупповой анализ с привлечением краниологических серий VII–III вв. до н.э. из Средней Азии, Казахстана и Поволжья-Приуралья. Основная масса сравниваемых серий расположена в центре поля. В эту компактную группу вошли серии из Устюрта, Краснодарского полуострова, Присарыкамышья, Узбоя, Юго-Восточного Приаралья, Централных Кзылкумов, курганных могильников междуречья Карадарьи и Акдарьи (Мианкаль, недалеко от Самарканда), а также саков Казахстана и савроматов Поволжья-Приуралья.

Серии скотоводов низовьев Зарафшана (Калкансай), кочевников восточного чинка Устюрта (Каракудук), Юго-Восточного Приаралья (Южный Тагискен, Уйгарак) сосредоточены по первой компоненте в правой части графика и выделяются сильно выраженными монголоидными особенностями. В левой части графика, напротив, располагаются европеоидные серии из Централного и Западного Согда (городище Афрасиаб, курганные могильники Шадыбек и Учтут) и северной Бактрии (Кучуктепа). Серии из курганов Шадыбек, Калкансай из низовьев Зарафшана и поселения Кучуктепа долины Сурхана отличаются от черепов из городища Афрасиаб по длине и высоте черепа и размерам глазниц.

Таким образом, в VII–III вв. до н.э. в северной степной части Средней Азии выявлено значительное количество кочевническо-скотоводческого населения, с которым археологи соотносят курганные захоронения. В составе этого населения встречаются племена как со значительно выраженными монголоидными особенностями, так и с европеоидными чертами северного варианта расы Среднеазиатского междуречья.

Миграционные процессы сильно возросли в последующем историческом периоде, когда большая часть Средней Азии входила сначала в состав Ахеменидской державы, затем Греко-Бактрийского царства. Наиболее существенную роль в этих миграционных процессах сыграли пришедшие в начале II в. до н.э. кочевые племена, образовавшие Кушанскую империю. Многие из этих племен, расселившихся на территории Бактрии,

были антропологически родственными оседлому населению Средней Азии. Костный материал, позволяющий судить о морфологическом и этническом составе, этнических и генетических связях населения Средней Азии в период с III в. до н.э. по V в. н.э., представлен значительным числом краниологических серий.

Межгрупповой анализ выявил, что многие серии, обладающие смешанным антропологическим типом и принадлежащие оседлому и кочевническо-скотоводческому населению, довольно близки. Это серии кочевников среднего течения Зарафшана (Орлат), Присарыкамышья (Гяур 4), поселения Ангор (Бактрия); они выделяются уплощенным лицом и небольшой высотой мозговой коробки. Другая группа, включающая серии из Мешретитахта, Бабашово, Тепаи Шаха, Позднего Тулхара кушанского периода, занимают промежуточное положение между европеоидными сериями и наиболее монголизированной.

Значительное число серий, полученных из Буддийского центра, Северного холма и наусов Каратапа городища Старый Термез, Косасара 3, джетыасарской культуры Восточного Приаралья, скотоводов Узбоя (Гичгельды) были оставлены европеоидным населением. Серия из Ангора выделяется среди всех сравниваемых серий значительно выраженными монголоидными особенностями, а также существенно измененными параметрами мозговой коробки, полученными вследствие сильной лобно-затылочной деформации.

К настоящему времени накопилось значительное число серий из Северной Бактрии, благодаря чему антропологическая структура населения эпохи Античности изучена достаточно полно. Кочевое население этой области известно по материалам II в. до н.э. – начала I в. н.э. из курганных могильников Аруктау, Тулхар и Коккум в Бишкентской долине (Кияткина 1976). Черепа европеоидные с незначительной монголоидной примесью. На многих черепах зафиксированы следы кольцевой и лобно-затылочной деформации. Близкие к ним аналогии обнаруживаются среди серий, принадлежащих сакским племенам, обитавшим в древней дельте Сырдарьи. Происхождение скотоводческого населения Северной Бактрии связано с интенсивными миграционными процессами, особенно миграциями степных племен Нижней Волги, Казахстана, Тянь-Шаня и Алая (Ходжайов 1980).

Оседлое население, оставившее памятник Тепаи Шах, расположенный в месте впадения реки Кафирниган в Пяндж, и скотоводческое население Бишкентской долины также было европеоидным. То же самое можно сказать и о жителях ряда городов и сельских поселений кушанской Бактрии, таких как Дальверзинтепа, Старый Термез, Ангор, Ялантуштепа (Ходжайов 1980).

В морфологическом составе этого населения выявлено два варианта европеоидной расы: средиземноморский и северный вариант расы Среднеазиатского междуречья. Первый преобладает в составе земледельческого населения кушанской Бактрии, а второй – у скотоводческих племен степей и предгорий, на границе с оазисами кушанской Бактрии. Сельское население долины реки Сурхан европеоидное, но в его составе представлена иная комбинация признаков: средиземноморский вариант и грацильный вариант расы Среднеазиатского междуречья.

В III вв. до н.э. – IV в. н.э. благодаря данным антропологии зафиксированы миграции племен из степных северных областей Средней Азии в центральные и южные земледельческие оазисы: в Согд (Западный, Центральный и Южный), Северную Бактрию (Северный Афганистан, южные области Таджикистана и Узбекистана, Юго-Восточный Туркменистан). Можно предполагать несколько направлений таких передвижений.

Первое из них было известно еще с эпохи поздней бронзы, когда племена срубной культуры из Поволжья были выявлены намного южнее, судя по сериям из курганных захоронений Юго-Восточного Прикаспия (Караэлематасай и Патмасай). Культура и антропологический тип, характерный для савроматов и сарматов Поволжья-Приуралья, прослеживается также на юге Красноводского полуострова и на Узбое.

Второй путь, связанный с продвижением кочевническо-скотоводческих племен из Восточного Приаралья, проходил через Центральные Кзылкумы, Центральный и Южный Согд в Бактрию. Морфологические особенности, характерные для них, выявлены при изучении серий из таких памятников, как Поздний Тулхар, Аруктау и Коккум в Таджикистане, Мешретитахта, Бабашово в Юго-Восточном Туркменистане и Тиллятепа в Северном Афганистане.

Не исключается возможность других векторов миграции таких племен из других областей, а именно из Тянь-Шаня и Алая через Западный Согд, судя по материалам из многочисленных памятников Древнебухарского оазиса, в восточную часть Северной Бактрии (Аруктау).

Часть этих племен компактно расселялась на границе оазисов и степей, а другая оседала преимущественно в городах и крупных укрепленных поселениях (Дальверзинтепа, Айртам, Тепаи Шах, Старый Термез). Первая мало контактировала с местным населением, а вторая вступала в интенсивные брачные связи с ним. Этнические и брачные контакты с сельским населением в этот период, видимо, были минимальными (Ходжайов 1987), хотя отмечаются отдельные случаи смешения, о чем можно судить по сериям из Ангора и Ялантуштепа.

Результатом смешения этого пришлого населения с местным субстратом явилось формирование на данном этапе морфологического комплекса

расы Среднеазиатского междуречья, начавшегося главным образом в городах. Этот процесс, происходивший первоначально в северной части Средней Азии (в бассейне верхней и средней Сырдарьи, Семиречье), затем продолжился в Зарафшанской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской долинах, но наиболее интенсивно – на юге Средней Азии. В то же время сельское население Согда, Бактрии, Маргианы, Хорезма и Ферганы сохранило прежний антропологический облик.

Различия в антропологическом составе античного населения, проживавшего в разных историко-культурных и географических областях, возрастают по сравнению с предыдущим периодом. Так, в Хорезме усиливается присутствие черт средиземноморского комплекса, характерного для населения южных областей, в то время как удельный вес протоевропейского комплекса, присущего более раннему населению, уменьшается.

Изменения происходят в морфологическом облике античного населения Согда, бывшего ранее сходным с населением Бактрии. Они привели к смене средиземноморских вариантов на северный вариант расы Среднеазиатского междуречья. Возможно, это было связано с переориентацией ранее приоритетных торгово-экономических, политических, государственных взаимоотношений Согда с Бактрией на более тесные связи с северными и северо-восточными областями. Это поменяло и векторы генетических, этнических взаимоотношений и привело к изменениям в антропологическом составе населения Согда.

Такое заключение подтверждается данными археологов, обнаруживших руины многочисленных оборонительных сооружений, таможенных постов, возведенных в этот период на границе Согда и Бактрии. В результате этих событий морфологический облик населения Согда становится таким же, как и жителей Чача и Ферганы.

Этническая и расовая ситуация в Ферганской долине также претерпевает существенные изменения. Северную ее часть интенсивно заселяют племена европеоидно-монголоидного облика, южную – европеоиды средиземноморского облика. Западную часть – Исфаринскую долину – занимают племена, обладающие комплексом признаков северного варианта расы Среднеазиатского междуречья.

В составе населения Чача, территориально соответствующего современному Ташкентскому оазису, в период Каунчи II резко увеличивается монголоидная примесь. Это явление нельзя объяснить значительным притоком сарматских племен из Поволжья, засвидетельствованным в материальной и духовной культуре каунчинцев, поскольку сарматы были европеоидами.

Причиной отмеченных трансформаций могли стать миграции смешанного европеоидно-монголоидного населения из Семиречья. Результаты анализа серий из Чача и сопредельных областей выявили близкие анало-

гии между каунчинцами и усунями Семиречья. Именно усуньские племена смогли продвинуться на территорию Чача в период Каунчи II.

Имеющийся в распоряжении антропологов большой краниологический материал, выявивший динамику различных типов преднамеренной деформации головы, существенно дополнил информацию о миграциях. Наличие определенных вариантов деформации головы является индикатором миграций отдельных этнических групп, а иногда и крупных массовых передвижений. Существует много работ, посвященных изучению различных видов искусственной деформации на костном материале из Средней Азии и евразийских степей (Ошанин, Зезенкова 19563; Ходжайов 2000, 2006; Бужилова 2006; Дубова 2006; Шведчикова 2010 и др.).

Определение времени появления, динамики и ареала их распространения выявило, что наиболее ранние случаи кольцевой, лобно-затылочной и затылочно-теменной, сильно выраженной, деформации приходятся на VII–III вв. до н.э. (Ходжайов 2000, 2006, 20092011, 2014; Ходжайов, Ходжайова 2009). В этот период в большей степени она присутствовала в среде кочевников и скотоводов степной полосы Средней Азии, довольно близких по морфологическому облику к населению территории Евразии (Поволжье, Приуралье, Казахстан, Сибирь).

Основной ареал ее включает территорию Краснодарского полуострова, западную часть Хорезмского оазиса (Присарыкамьшье), Юго-Восточное Приаралье. Присутствует деформация среди носителей чирикрабатской и ранних представителей джетыясарской культур, кочевых племен Центральных Кзылкумов. Единственным случаем, зафиксированным вне этого ареала, является череп с кольцевой деформацией из Яздепе. Как отмечала В.Я. Зезенкова (Зезенкова 1961), наличие ее вызывает сомнения, т.к. повязка проходила не по лобной кости, а через глазницы.

Позднее, начиная со II в. до н.э., все типы искусственной деформации, за исключением теменной, были широко представлены уже в центральных и особенно в южных областях Средней Азии. Это позволяет высказать предположение о том, что обычай деформации был привнесен на изучаемую территорию кочевническо-скотоводческими племенами из евразийских степей.

Таким образом, изучение антропологических особенностей античного населения данного региона выявило значительные изменения, произошедшие в этот период, связанные с интенсификацией миграционных процессов. Взаимоотношения между многочисленными пришлыми племенами разного морфологического и этнического облика и местным субстратом носили разнообразный характер.

Следствием этих интенсивных процессов явилось то, что античное население оказалось более гетерогенным, нежели население более ранних

периодов. Особенно это отмечается среди городского населения по сравнению с сельским. Следовательно, пришлые племена в большей степени оседали в городах, нежели в сельской местности. Сформировались более заметные различия в расовом и этническом составе жителей разных историко-культурных и географических областей. Именно в эпоху Античности началось формирование расы Среднеазиатского междуречья, что оказало существенное влияние на процессы становления антропологического облика будущих народов Средней Азии.

ГЛАВА V.

НАСЕЛЕНИЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

После крушения империи эфталитов, в середине VI в., под натиском тюрков с севера и Сасанидов с юга основная часть Средней Азии включается в состав Тюркского каганата. Границей владения тюрков и Ирана стала Амударья. В дальнейшем, когда в 566–668 гг. в результате смут и междоусобиц Тюркский каганат распадается на две части, западную и восточную, среднеазиатские области становятся владениями Западно-Тюркского каганата. Территория в это время была раздроблена на множество независимых владений, краткое описание их приводит китайский путешественник Сюань-Цзан, посетивший «Западный край» – Среднюю Азию – в 630 г.

Восемь из этих владений, располагавшихся в долинах Зарафшана и Кашкадарьи, входили, по сообщению китайских источников (Бичурин 1950), в конфедерацию, возглавлявшуюся Самаркандским Согдом. В VI–VIII вв. в Ферганской долине, наряду с оседлым населением, было много кочевников и полукочевников. Хорезм в данный период, видимо, оставался независимым государством. На основании ряда сведений, приводимых Менандром в рассказе о посольстве Земарха при тюркском кагане Дизавуле, С.П. Толстов предполагает наличие каких-то особых, может быть, дружественных, отношений между тюрками и хорезмийцами (Толстов 1948а, 1948б).

В эпоху раннего Средневековья, по данным археологов, в Южном Приаралье существовали три отдельных владения: афригидский Хорезм, удельное владение Кердер и владение Хамджерд, различающиеся в культурном, этническом и хозяйственном отношениях. Хорошо изучена культура афригидского Хорезма (Неразик 1966), достаточно полно изучена культура удельного владения Кердер в дельте Амударьи (Коллектив авторов 1974; Неразик 2000) и чрезвычайно слабо – культура Хамджерда. Изучение культуры Афригидского Хорезма, удельного владения Кердер и Хамджерд представляет большой интерес с позиций исследования этногенеза и этнической истории современных народов Южного Приаралья.

Значительные краниологические и остеологические коллекции происходят из могильников Кердера (Токкала, Крантау, Куюккала) и из некрополя Миздахкана, который, как предполагает В.Н. Ягодин (коллектив авторов 1974), принадлежит к культуре Хамджерд. Полуоседлая культура Кердера, генетически связанная с культурами низовьев Сырдарьи, в значительной степени отражает проникновение в древнюю аборигенную ираноязычную среду тюркского компонента и связана с происхождением современного каракалпакского народа и казахов.

Афригидская культура является культурой древнего ираноязычного оседло-земледельческого населения Хорезмского оазиса и в значительной степени имеет отношение к происхождению узбеков Южного Хорезма.

Что касается третьей, культуры Хамджерда, то ее позиция в проблемах этнической истории остается пока не изученной. Выделение самой культуры пока гипотетично, и тем не менее к ней относят материалы такого крупного археологического объекта, как некрополь Миздахкан.

Накопленный к настоящему времени большой археологический материал позволил охарактеризовать культуру отдельных среднеазиатских областей эпохи раннего Средневековья. Особого развития достиг в это время Согд. Многие авторы считают, что согдийские достижения в области материальной и духовной культуры стали, по словам М.Е.Массона, культурными стандартами, наиболее отвечающими нормам раннефеодального общества (Массон 1977). Движение согдийцев по трансазиатскому пути было одним из способов распространения их культуры. Так, согдийские культурные традиции ощущаются в этот период в Семиречье, Чаче, Уструшане, хотя в каждой из данных областей развивалась и местная самобытная традиционная культура.

В эпоху существования Тюркского каганата происходила тюркизация местного населения, особенно активной она была в таких районах, как Чач. О наличии значительной прослойки тюркского населения в Согде и Чаче можно судить по некоторым сообщениям арабоязычных источников. Вхождение в состав Тюркского каганата областей, находящихся на границах земледельческих оазисов с адырами, горными и кочевыми степными районами, способствовало резкой интенсификации связей кочевого и оседлого населения, проникновению культуры последнего в исконно земледельческие области, оседанию скотоводов и инфильтрации их в равнинные районы.

Значительные изменения прослеживаются в характере и уровне развития городской культуры. Например, данные мугских документов и изображения тюрков на фресках Пенджикента свидетельствуют о том, что тюрки

играли немаловажную роль в городской жизни Согда. Благодаря им меняется направление караванных путей, усиливаются связи с кочевым населением, жившим в районах международных торговых путей. Таким образом, в VI–VIII вв. отмечаются большие изменения в политической, социально-экономической и этнической истории населения Средней Азии.

Антропологические материалы этого периода, относящиеся к кочевому населению, немногочисленны и происходят преимущественно из северо-западных и северо-восточных пограничных областей. Имеющиеся антропологические материалы дают возможность более полно охарактеризовать городское и сельское население. Эти материалы равномерно охватывают все области Средней Азии, и поэтому географический принцип их исследования может быть реализован в относительно полном объеме.

Анализ географического распределения краниометрических признаков в эпоху раннего Средневековья, проведенный нами, обнаруживает несколько иные закономерности по сравнению с предыдущей эпохой (Ходжайов 1973а, 1978, 1981, 1987; Ходжайов, Мамбетуллаев 2008; Ходжайов, Ходжайова 1997). Так, в распределении величин скулового диаметра просматривается не меридиональный, а широтный градиент: скуловая ширина увеличивается с юга на север. То же самое можно сказать о верхней высоте лица. Такие признаки, как угол выступания носа, а также углы горизонтальной профилировки лица подвержены скорее меридиональному градиенту. В восточном направлении ослабевает горизонтальная профилированность лица и увеличивается угол выступания носа.

Два последних обстоятельства не позволяют однозначно объяснить географическое распределение признаков только усилением монголоидного элемента в восточных районах исследуемого региона. В этом смысле вектор градиентов величин углов горизонтальной профилированности и угла выступания носа имеет противоположную направленность. Какого-либо хронологического сдвига в величинах рассмотренных признаков, по сравнению с предыдущей эпохой, установить не удается.

Направленному географическому распределению подвержены также и те важные признаки, которые указывают на наличие в антропологическом составе населения Средней Азии отдельных локальных групп. Поэтому мы считаем целесообразным более подробно осветить географическое распределение этих признаков и комплексов.

На северо-востоке сосредоточены брахикранные группы с небольшими размерами продольного и высотного диаметров, большими

величинами поперечного диаметра черепной коробки. К тому же высотно-продольный и особенно высотно-поперечный указатели у этих северо-восточных групп имеют малые значения по сравнению с аналогичными указателями, у групп из западных и центральных областей Средней Азии.

Эти группы имеют сравнительно наклонный лоб со среднеразвитым наружным рельефом. Лицо ортогнатное, широкое и высокое, среднеуплощенное. Орбиты высокие, широкие. Нос абсолютно узкий или средней ширины, высокий, средне- или слабовыступающий. Весь перечисленный комплекс признаков определяет принадлежность их к южносибирскому антропологическому типу.

В Центральном Мавераннахре (юго-запад Зарафшанской и Кашкадарьинской долин), Хорезмском оазисе (на северо-западе) располагаются локальные группы с мезобрахикранией или брахикранией с небольшими размерами черепной коробки. Для них характерны более прямой лоб, слабо выраженный наружный рельеф, а также небольшие размеры лицевого скелета со значительной горизонтальной профилировкой и тенденцией к мезогнатности. Орбиты низкие и узкие, мезоконхные. Нос средней ширины и высоты, сильно- или средневыступающий. Данный комплекс признаков присущ одному из локальных вариантов средиземноморской расы.

В северо-западной, центральной и юго-западной областях Средней Азии распространен другой комплекс признаков с большими продольным, высотным и малым поперечным диаметрами черепной коробки. Он более долихо- или мезокранный, со средневыраженным наружным рельефом. Лоб средненаклонный, среднеширокий. Лицо ортогнатное или с тенденцией к мезогнатности, узкое, высокое, с сильной горизонтальной профилировкой. Орбиты средней ширины и высоты. Нос среднеширокий, высокий и значительно выступающий. Этот комплекс также европеоидный, в основном близкий к высоколицему варианту средиземноморской расы, но имеющий переходные черты к расе Среднеазиатского междуречья.

Таким образом, на территории Средней Азии в эпоху раннего Средневековья выделяются три комплекса признаков, которые имеют различные ареалы распространения. Южносибирский комплекс тяготеет к северо-востоку, включающему Семиречье, Таласскую и Чуйскую долины. На юго-востоке обитали представители европеоидного типа с легким налетом монголоидности, например, популяция из городища Акбешим.

Представители южносибирского типа в небольших масштабах продвигаются и в западные области, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам. Выявлено продвижение их в Ташкентский оазис (Кугаиттепа и Таукаттепа), Маргиану – в район Мерва (Гяуркала), Западную Уструшану (Джизак), Хорезм и владение Кердер (Токкала, Миздахкан). В сложении

этого комплекса участвуют европеоидный и монголоидный компоненты. В то же время в центральных областях, на территории Зарафшанской, Кашкадарьинской долин, частично в Хорезме, Южном Туркменистане был распространен грацильный европеоидный компонент. Он генетически связан со средиземноморской расой эпохи бронзы, преобладавшей в Зарафшанской долине, Южном Туркменистане и районах верхнего течения Амударьи.

На территории Южного Туркменистана, Хорезмского оазиса и в восточных областях Зарафшанской долины сосредоточен третий европеоидный вариант. Этот мезо-брахикранный, высоколицый, узко- или среднешироколицый вариант является промежуточным между средиземноморской расой и расой Среднеазиатского междуречья. Он сильнее выражен в составе населения Центрального Мавераннахра, чем в Хорезмском оазисе.

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что в Средней Азии выделяются три комплекса признаков: смешанный – европеоидно-монголоидный (южносибирский) на северо-востоке; европеоидный грацильный – в Зарафшанской и Кашкадарьинской долинах; европеоидный мезокранный узко- и высоколицый – в Южном Туркменистане, Хорезме и Зарафшанской долине. Два варианта расы Среднеазиатского междуречья, выявленные путем исследования соматологии современного населения Средней Азии (Пестряков 1975, 1980; Дубова 1978, 1979), присутствуют уже в составе населения эпохи раннего Средневековья в верховьях Амударьи и на юге Ферганы.

При ретроспективном рассмотрении более древних серий было выявлено, что именно тогда грацильный мелкоголовый европеоидный пласт был основным в Зарафшанской (Калкансай, курган 33) и Ферганской (Обишир) долинах, Тохаристане (городище Дальверзинтепа, Ангор, Ялантуштепа, Старый Термез и др.). Таким образом, матуризованный и грацильный варианты расы Среднеазиатского междуречья существовали и в эпоху раннего Средневековья. Они были распространены в Ферганской и Зарафшанской долинах, Хорезмском оазисе, Южном Туркменистане и Южном Узбекистане (Ходжайов 1981).

Нельзя обойти вниманием работы по выяснению соотношения европеоидного и монголоидного компонентов в составе городского и сельского населения Средней Азии (Ходжайов 2001). Благодаря наличию реперзентативного материала эпохи раннего Средневековья имеется возможность рассмотреть его отдельно по принадлежности городским и сельским популяциям. Для определения удельной доли монголоидного компонента были привлечены 24 серии, 11 из которых принадлежали городскому и 14 – сельскому населению. Индекс уплощенности лица в Средней Азии в эпоху раннего Средневековья оказался равным 23, что свидетельствует о европеоидности населения с незначительной монголоидной примесью.

Рассмотрим географическую изменчивость этого индекса на территории Средней Азии. Население ее западной части, за исключением населения Гяуркалы в Маргиане, Джизака в Уструшане, относится к европеоидным популяциям. Европеоидными особенностями характеризуется население Хорезма, Маргианы и Согда. На востоке Средней Азии популяции с более высоким УДМЭ сосредоточены в Семиречье, Таласской и Чуйской долинах.

Антропологические серии эпохи раннего Средневековья рассматривались нами в пределах двух хронологических этапов: раннего (конец V – первая половина VII вв.) и позднего (вторая половина VII – начало IX вв.). Интересно, что как ранние, так и поздние популяции имели примерно равный индекс УДМЭ, т.е. одинаковую степень «монголизации». Это дает нам основание предположить, что интенсивное внедрение многочисленных племен монголоидного облика имело место не в это время, а позднее – в IX в., т.е. именно в эпоху развитого Средневековья (Ходжайов 1981; Ходжайов, Ходжайова 2001).

В заключение отметим, что население западных и центральных областей близко по морфологическим и расовым особенностям. Имеющиеся между ними морфологические различия небольшие, а в целом между ними существовали тесные связи, как генетические, так и исторические. Население восточных областей по антропологическим характеристикам отличается от населения западных и центральных областей. Возможно, это связано с тем, что в эпоху раннего Средневековья наблюдается некоторое ослабление связей между востоком и западом Средней Азии, поскольку она входила в состав Западно-Тюркского каганата. В эту эпоху довольно четко проявляются морфологические различия между городским и сельским населением. В то же время отмечается уменьшение различий между отдельными городскими популяциями на фоне общей изменчивости раннесредневекового среднеазиатского населения.

В эпоху раннего Средневековья антропологический облик населения Средней Азии, по сравнению с предыдущей эпохой Античности, в целом становится более европеоидным и более гомогенным. В Античности пришлые племена в течение продолжительного времени внедрялись в основном в города. Поэтому городское население было более гетерогенным, более монголоидным, чем сельское, которое, напротив, оставалось европеоидным. Возможно, этот факт можно объяснить интенсивными метисационными процессами между пришлым и местным городским населением.

В раннем Средневековье, в отличие от развитого и позднего Средневековья, еще не проявляются процессы тюркизации в языке и монголизации по типу. Причиной этого могло быть завоевание большей части Средней Азии арабами, которые в период своего господства боролись с

массовым проникновением тюркоязычных племен. Хотя этот процесс продолжался недолго, арабское завоевание оказало влияние на этническую ситуацию в Средней Азии. Массовое истребление местного населения, в том числе и тюркоязычного, привело к сокращению численности субстратного населения (Ат-Табари 1987). Часть местного населения была насильственно переселена за пределы Арабского халифата, а освободившаяся территория была заселена вновь прибывшими переселенцами арабского и персидского происхождения (Смирнова 1957). Таким образом, сведения письменных источников и результаты научных разработок историков в какой-то мере совпадают с результатами антропологических исследований.

ГЛАВА VI.

НАСЕЛЕНИЕ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В IX–X вв. в Средней Азии правили местные династии Тахиридов, Саффаридов и Саманидов. Саманиды образовали обширное государство, простиравшееся от Хорезма и Тараза на севере до Газны и Сеистана на юге, включая весь Мавераннахр и Хорасан. В конце X в. у Саманидов возник мощный противник в лице Караханидского каганата, центрами господства которого были Семиречье и Кашгар. В начале XI в. остатки некогда могущественной державы Саманидов были поделены между Караханидами и Газневидами. Границей между их владениями стала Амударья.

В конце X и в первой трети XI вв. Караханидское государство считалось формально единым, но около 1041 г. оно разделилось на два самостоятельных удела: Восточно-Караханидский каганат со столицей в Баласагуне (позже – в Кашгаре) и Западно-Караханидский со столицей в Самарканде. Одновременно с выделением Западно-Караханидского каганата к югу от Амударьи образовалось государство Сельджукидов, образованное огузскими племенами. Огузы кочевали в районах, прилегающих к Аральскому морю, вплоть до среднего течения Сырдарьи, Нура Бухарского на юге и границ Уструшаны.

В источниках имеются сведения о продвижении огузов в области Хорасана в первой половине XI в. и Термеза в XII в. Перемещения этих племен, видимо, серьезных последствий в этническом аспекте не имели. Такими же были результаты походов каракитаев (киданей), которые во второй половине XII в. завоевали большую часть Средней Азии. Хотя ставка караханидского гурхана находилась в Баласагуне, археологами не выявлено сколько-нибудь заметных следов культуры киданей ни в Чуйской долине, ни в Семиречье.

В рассматриваемый период, как и в более ранние эпохи, Средняя Азия состояла из ряда историко-культурных областей, названия которых присут-

ствуют в трудах авторов X–XIII вв., а также часто встречаются на надписях монет Ферганы, Чача, Согда, Уструшаны, Хорезма, Саганиана и др.

В период господства Саманидов в городах и земледельческих оазисах преобладало ираноязычное население, хотя в Чаче, Фергане и Хорезме проживали многочисленные тюркоязычные племена. Но уже в эпоху Караханидов в Средней Азии получает перевес тюркоязычное население. В последней четверти XII в. кочевые карлуки в Центральном Мавераннахре были настолько сильны, что неоднократно отказывались подчиняться власти и поднимали восстание. Но еще более значительной, видимо, была роль тюркского кочевого элемента в уделе Восточных Караханидов.

Следовательно, важной стороной отмечаемых процессов было проникновение кочевников в древнеземледельческие районы, оседание их и постепенное смешение с местным населением на протяжении многих столетий, завершившееся в рассматриваемый период сложением основных среднеазиатских народностей.

Территория Средней Азии этого периода полностью и равномерно охвачена антропологическим материалом, что позволяет достаточно объективно охарактеризовать расовый состав населения различных областей и всего региона в целом. Многочисленные антропологические материалы, относящиеся к эпохе развитого Средневековья, включают в себя краниологические серии с Устюрта (Аджибай, Урга, Караумбет, Белеули, Пулжай и Ербурун) и в основном принадлежат кочевому населению. Краниологические серии из Хорезмского оазиса (Миздахкан, Джанпыккала, Наринджан, Калмыккрылган) оставлены городским и сельским населением, серии из Султанкалы и Старой Нисы – городским населением Южного Туркменистана.

Восемь краниологических серий из Шулдуктепа, Алтынтепа, Сигиртепа, Ишантепа, Афрасиаба и Фринкента, Иштыхана и Кулагайтепа характеризуют городское и сельское население Согда. Серии из Чача (Канка, Утурликтепа, Мингурюк, Гальватепа) также оставлены городским и сельским населением. Двумя сериями из Мечетлитепа и Хоняйлов представлено сельское полукочевое население восточной части Уструшаны. Серии из Ферганской (Кува и Чартак), Таласской и Чуйской долин (Бейшеке, Краснореченское городище, Кандюбе) и Южного Казахстана (Тиктурмас) оставлены городским, сельским и кочевым населением.

По нашим данным, население Средней Азии в рассматриваемый период обнаруживает значительную смешанность: представлены как европеоидные, так и значительно монголизированные группы. Многие признаки имеют направленное географическое распределение и образуют антропологические комплексы, привязанные к определенным территориям.

Комплекс признаков южносибирской расы сосредоточивается главным образом на северо-востоке и крайнем юго-западе Средней Азии. Этот антропологический комплекс был известен в Средней Азии с эпохи раннего Средневековья и занимал почти ту же территорию, что и в рассматриваемый период. Наряду с представителями южносибирской расы, здесь проживало население городов (Краснореченское городище) и сел (Тиктурмас). Оно значительно отличалось от представителей южносибирской расы присутствием европеоидных черт и было связано своим происхождением с центральными районами Средней Азии.

В южных областях локализуются два европеоидных комплекса, иногда с наличием монголоидной примеси, выраженной в различной степени. Один из них – грацильный, умеренно брахикранный. Этот комплекс является видоизмененным вариантом грацильного средиземноморского типа эпохи раннего Средневековья. Он распространен в Южном Туркменистане (Султанкала, Старая Ниса), Согде (Афрасиаб, Алтынтепа и Сигиртепа), Хорезме (Наринджанбаба). В виде вкраплений его можно обнаружить у городского населения Ташкента. Другой европеоидный комплекс – мезобрахикранный, с высоким, узким, сильнопрофилированным лицом и сильновыступающим носом – преобладает у городских и сельских жителей Маргианы, Хорезма и Согда. Он занимает ту же территорию, что и в эпоху Античности и раннего Средневековья.

В рассматриваемый период удельный вес его резко сокращается. Этот мезокранный комплекс по таким признакам, как узкое и высокое лицо, мы связываем с одним из вариантов средиземноморской расы, известным с эпохи энеолита и бронзы. Самым многочисленным в эпоху развитого Средневековья является европеоидный комплекс, несущий черты расы Среднеазиатского междуречья. К этому комплексу относятся серии из Хорезма (Миздахкан, Калмыккрылган), Чача (Утурликтепа), Южного Казахстана (Тиктурмас), Ферганы (Кува), Таласской (Бейшеке) и Чуйской (Красная речка) долин.

Представители этого комплекса занимают в основном северные районы. Мы полагаем, что первоначально матуризованный вариант расы Среднеазиатского междуречья сложился в северных областях. В центральных и северо-западных областях в рассматриваемый период отмечается процесс его становления путем метисации различных, преимущественно европеоидных, комплексов.

Средний индекс уплощенности лица в развитом Средневековье по сравнению с предыдущим раннесредневековым периодом увеличивается на 3 единицы и становится равным 26,6 (Ходжайов 2001). Наименьшие величины, присущие европеоидам, можно отметить у населения южных, центральных и северо-западных областей. Наибольшие величины индекса

локализуются в северных областях. Большие величины, характерные для смешанных европеоидно-монголоидных групп, встречаются в отдельных сериях Центрального Мавераннахра (Шуллуктепа, Алтынтепа, Сигиртепа и Кулагайтепа), Чача (Гальватепа) и Уструшаны (Мечетлитепа, Хоняйлов).

При раздельном рассмотрении индекса УДМЭ у городских и сельских серий выявлено, что он равен 18,5 и 36,0, соответственно. Таким образом, в этот период обнаруживаются значительные различия по степени монголоидности между городским и сельским населением Средней Азии. В отличие от предыдущих периодов, особенно Античности, сельское население становится более монголоидным, чем городское.

Рассмотрим динамику изменений монголоидности у населения по различным историко-культурным регионам в течение раннего и развитого Средневековья. Городское население Маргианы, как и в эпоху раннего Средневековья, осталось европеоидным. Не изменяется удельный вес монголоидности как у городского, так и у сельского населения Хорезма. В Центральном Мавераннахре городское население X – начала XIII вв. по степени монголоидности не отличается от городского раннесредневекового, но выделяется сельское, которое становится более монголизированным.

Рассматривая общую картину, следует отметить, что среднеазиатское городское население в развитом Средневековье не обнаруживает масштабных изменений индексов, определяющих удельный вес монголоидности. Однако среди сельского населения развитого Средневековья они увеличиваются по сравнению с раннесредневековыми. Поэтому можно считать, что теперь монголоидные племена проникали главным образом в сельские местности, тогда как в предыдущий период, напротив, в города. Таким образом, распределение указанных индексов свидетельствует о том, что существуют значительные различия по степени монголоидности между городским и сельским населением развитого Средневековья.

Монголоидные по типу племена сосредоточиваются на крайней северо-западной границе Средней Азии (плато Устюрт) и не отличаются по степени монголоидности от населения Казахстана и Алтая тюркского времени. Другая область обитания племен с монголоидными особенностями – это Центральный Мавераннахр, а именно территория междуречья Карадарьи и Акдарьи в Самаркандской области, известная со Средних веков как Мианкаль.

Несколько монголизировано и сельское население соседней Кашкадарьинской долины. Кроме того, приток монголоидного по типу населения достоверно установлен в Северном Таджикистане (Хоняйлов, Мечетлитепа), Ташкентском оазисе (Гальватепа) и Северной Фергане (Чартак). Европеоидный характер городского населения Чуйской доли-

ны, видимо, объясняется присутствием в составе жителей выходцев из западных и центральных областей – согдийцев.

Таким образом, особенностью антропологического облика населения Средней Азии в IX – начале XIII вв. является увеличение монголоидной примеси из северных и северо-восточных областей в сельской среде, тогда как в античный период пришельцы проникали в основном в городскую среду. Следует отметить, что нами выявлено несколько вариантов монголоидного комплекса в составе пришлого населения. Вероятно, эта разнородность определяется принадлежностью пришлых племен к разным территориальным и этническим группам.

Полученные нами новые, имеющие большую численность, антропологические материалы позволяют установить пути миграции монголоидного населения в Среднюю Азию. Выявлено, что в эпоху развитого Средневековья, возможно, в конце XI в., сильно монголизированные группы из районов Иссык-Куля (Кандюбе, Бейшеке) продвигались через Северную Фергану (Чартак), далее по Северному Таджикистану (Хоняйлов, Мечетлитепа) через Джизак в район среднего течения Зарафшана (Минкаль – междуречье Карадарьи и Акдарьи – Кулагайтепа). Затем они расходились в двух направлениях: юго-восточном к Шахрисябзу (Алтынтепа и Сигиртепа), далее в Каршинскую степь (Шуллуктепа), или в западном – до средневекового Мерва (Султанкала, квартал керамистов).

Далее рассмотрим антропологический состав населения отдельных историко-культурных регионов эпохи развитого Средневековья и выясним их генетические связи с населением сопредельных областей.

Устюрт. Антропологический тип населения Устюрта определен как южносибирский. Эта территория, видимо, была заселена в рассматриваемый период огузами и кыпчаками (Исмагулов, 1977; История Казахской ССР, I, 1977). Морфологические признаки черепов из Устюрта, полученных из различных могильников, очень близки между собой. Выделяются лишь черепа из городища Караумбет, которые позволяют выявить в составе его населения, кроме носителей основного южносибирского типа, представителей европеоидной расы Среднеазиатского междуречья, возможно, выходцев из Хорезма.

Устюрт во все времена был пограничной зоной между южными оседлыми земледельческими и северными кочевническими и скотоводческими племенами. Степень воздействия на Устюрт культур южных и северных племен в разные исторические периоды менялась. В рассматриваемый период преобладает влияние северных скотоводческих племен. К населению Устюрта наиболее близки кочевники Минусинской котловины и кыпчаки (половцы) средневековой Золотой Орды – Сарай Берке (Ходжайов 1978, 1987, 2019; Ягодин 1978).

Тесные генетические связи обитателей Устюрта обнаруживаются и с кочевническими популяциями степной зоны Украины, Поволжья, Казахстана и Сибири. Население Устюрта более европеоидно, чем население Сибири, что связано с влиянием оседлых жителей Хорезмского оазиса. Это заключение подтверждается данными археологии. В.Н. Ягодин (1974) предполагает, что имело место переселение на Устюрт части племен из области Кердер, расположенной на правом берегу дельты Амударьи. Таким образом, данные антропологии и археологии, выявляющие переселение части населения из низовьев Амударьи, видимо, отражают действительную историческую картину того времени.

Намечаются биологические связи обитателей Устюрта с населением Семиречья и Уструшаны, где представлено значительное число тюрков – носителей южносибирского антропологического типа.

Хорезмский оазис. Здесь выявлены различные варианты европеоидной расы: средиземноморский с переходными чертами к типу Среднеазиатского междуречья (Миздахкан) и средиземноморский грацильный (Наринджанбаба, Калмыккрылган). Кроме того, в Хорезмском оазисе в виде примеси представлен южносибирский тип, который, несомненно, связан с населением Устюрта, Казахстана, Поволжья и Сибири. Генетические связи населения Хорезмского оазиса простираются в земледельческие оазисы Северного Хорасана, Согда, Тохаристана и Ферганы. В то же время оно близко к европеоидному населению Волжской Булгарии (Саркел, Большие курганы).

Северный Хорасан. Население, изученное по двум сериям из Султанкалы и Старой Нисы, было европеоидным, в основном с чертами средиземноморского типа. Генетические связи обитателей этого региона тяготеют к Хорезмскому оазису и Согду.

Тохаристан. Население Тохаристана смешанное, в его составе выделяются два европеоидных комплекса: средиземноморский и тип Среднеазиатского междуречья. В целом племена Восточного Хорасана и Тохаристана, имея очень близкий расовый облик, занимают несколько обособленную позицию по отношению к жителям других областей Средней Азии.

Согд. Расовый облик населения исключительно разнообразный. Основная масса его характеризуется различными вариантами европеоидной расы. В то же время отмечается сильное влияние на состав населения Согда, особенно сельского, носителей южносибирского типа. Было высказано предположение о проникновении на рубеже I и II тыс. в Согд, преимущественно сельский, многочисленных племен с хорошо выраженными монголоидными чертами.

Горожане Согда не испытали того влияния пришлых племен, которое мы обнаруживаем у сельских палеопопуляций. При многомерном анализе обнаружены более тесные связи городского населения Согда с населением Хорезма, Тохаристана и Ферганы, а сельского – с населением Устюрта, Уструшаны и Ташкентского оазиса.

Уструшана. Население Уструшаны в более ранние периоды было европеоидным. С IX–X вв. в этой области появляются племена южносибирского типа. Анализ показал, что европеоидные группы Пушинга и Хоняйлова имеют тесные генетические связи с городским населением Ферганы (Кува), Согда (Афрасиаб) и Тохаристана (Старый Термез). Население Мечетлитепа и Калайсара, несущее черты южносибирского типа, обнаруживает наибольшее сходство с сильно монголизированными группами Ташкентского оазиса (Гальватепе), Согда (Кулагайтепа), Семиречья (Бейшеке), Устюрта (Караумбет), Поволжья (Саркел, Малые курганы), Кузнецкой и Минусинской котловин.

Видимо, монголоидные черты, установленные у жителей Согда и Уструшаны, появились в один и тот же исторический отрезок времени и были вызваны одинаковыми историческими событиями. Вероятнее всего, первоначально эти пришлые племена обитали на Алтае, в Казахстане или в Южной Сибири.

Ташкентский оазис. Антропологический облик населения смешанный. Городское население его было европеоидным и имело тесные связи с жителями городов Согда и Ферганы. Единственная серия южносибирского типа из Гальватепе могла принадлежать одному из тюркских племен. Эта серия обнаруживает тесные генетические связи с краниологическими материалами из Устюрта, Казахстана, Уструшаны и Согда.

Семиречье. Население смешанное, включающее в свой состав представителей европеоидного и южносибирского типов: городское (Краснореченское городище) характеризуется чертами расы Среднеазиатского междуречья, а сельское (Кандюбе и Бейшеке) – южносибирской. Видимо, выходцы из среднеазиатских городов (согдийцы) участвовали в сложении морфологического облика городской популяции Красной реки, т.к. антропологический облик ее имеет много общих черт с таковым у городского населения Согда, Хорезма и Тохаристана.

Резюмируя результаты, полученные при изучении антропологических материалов эпохи развитого Средневековья, можно сделать ряд заключений. Выделено четыре комплекса признаков: 1 – европеоидный мезобрахикранный, высоко- и узколиций, присущий населению южных и центральных областей; 2 – средиземноморский грацильный с узким и невысоким лицом, характерный для жителей южных областей; 3 – комплекс расы Среднеазиатского междуречья, преобладающий в центральных и северных

областях; 4 – южносибирский, характерный для Устюрта, Тянь-Шаня, части сельского населения Уструшаны, Согда и Ташкентского оазиса.

По сравнению с предыдущим периодом увеличивается доля монголоидного компонента. Сельское население этого периода во всех историко-культурных регионах более монголоидное, чем городское.

Население с монголоидными чертами сосредоточивается в Согде, Уструшане, на Тянь-Шане и Устюрте. Предполагается, что происходил приток какого-то «нового» населения в X–XII вв. из северных, северо-западных и северо-восточных областей, находящихся за пределами Средней Азии (Казахстан, Алтай).

Можно констатировать, что в развитом Средневековье продолжается процесс формирования городского и сельского населения как специфических общностей со своими морфологическими особенностями, с довольно различающимися путями развития, видимо, за счет разновременных, зависящих от многих причин, интенсивных метисационных процессов.

ГЛАВА VII.

НАСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Период позднего Средневековья в антропологическом отношении изучен довольно слабо. Несмотря на значительное число раскопанных памятников, почти все краниологические серии, за редким исключением, представлены немногочисленным материалом. Интерес к этому периоду огромен, и он вызван следующими причинами. Во-первых, в литературе было широко распространено мнение о том, что монгольское завоевание сильно изменило расовый тип населения. Однако по нашим данным, антропологический состав населения послемонгольского периода, по сравнению с домонгольским периодом, существенно не изменился, напротив, обнаруживается и прослеживается преемственность населения.

Во-вторых, известно, что именно в это время резко меняется облик материальной культуры, что, видимо, связано либо со сменой населения, либо с резким воздействием привнесенной культуры.

В-третьих, достоверно известно о миграции в этот регион племен с монголоидными чертами, особенно в северные и северо-восточные области. Это было вызвано двумя значительными историческими событиями: монгольским нашествием и массовым переселением в Среднюю Азию даштикипчакских кочевых племен.

Рассмотрим позднесредневековый материал. Он включает целый ряд краниологических серий из средневековых кладбищ Западного Туркменистана: Красноводского полуострова, Эрсарибаба, Парау, Акдепе, Беделиата. Население, оставившее эти могильники, характеризовалось

главным образом брахикранией, широким, высоким лицом. В его составе в значительно меньшем масштабе присутствует также средиземноморский тип, свойственный современному туркменскому населению.

Несколько серий, полученных из Верхнего Узбоя, характеризуются смешанными европеоидно-монголоидными чертами, в основе которых лежат черты расы Среднеазиатского междуречья.

Хорезмский оазис представлен главным образом краниологическим материалом, принадлежащим городскому и сельскому населению, которое в основном характеризуется европеоидными чертами. Зарафшанская долина представлена сериями преимущественно европеоидного облика, в некоторых случаях с отчетливо выраженными монголоидными чертами.

Рассмотрев географическое распределение отдельных наиболее важных признаков на территории Средней Азии, можно выделить несколько краниологических комплексов, принадлежащих городскому, сельскому населению, кочевникам и скотоводам. Эти комплексы часто обнаруживают корреляции с территорией, хозяйственным укладом, материальной и духовной культурой.

Средиземноморский комплекс представлен в двух вариантах. Мезокранный грацильный средиземноморский комплекс довольно четко устанавливается у городского населения Старого Термеза, а также части населения Юго-Западного и Западного Туркменистана (Адак и Акдепе), Хорезма (Топрак-кала) и Центрального Мавераннахра (Иштыхан). В эту компактную группу можно включить и черепа из несторианского кладбища в Чуйской долине.

Второй вариант средиземноморской расы – брахикранный, преимущественно распространен в Северо-Западном Туркменистане (Эрсарибаба) и Хорезме (Куня Ургенч и Калмыккрылган).

Третий комплекс, он же наиболее широко распространенный, тип Среднеазиатского междуречья со средними размерами головы и лица, устанавливается в Центральном Мавераннахре (Ажинатепе, Пастдаргом, Гур Эмир), Хорезме (Хазарасп, Миздахкан, Куня Ургенч, Токкала) и на севере Туркменистана (Акчагелин).

Четвертый комплекс, характеризующийся чертами южносибирского типа, присущий населению Казахстана тюрко-монгольского времени и Забайкалья, обнаруживается в Средней Азии у представителей правящей верхушки города Самарканда (Шахи-Зинда).

Наибольший интерес представляет краниологический комплекс с крупными размерами черепа и лица, который выявляется среди населения Северо-Западного Туркменистана и юго-западных окраин Хорезмского оазиса. Оно по расовому типу приближается к населению Казахстана, но в

то же время отличается от последнего и еще больше от тюрков Забайкалья (могильник Тунка) наличием заметно выраженных европеоидных черт. Сопоставление черепов этого комплекса с черепами представителей южносибирского типа из Западного Казахстана, золотоордынского города Сарайчик в Поволжье, а также с более ранними из Волжской Булгарии (Саркел) свидетельствует о их значительной близости. Такие племена из вышеуказанных областей могли переселиться на территорию Туркменистана и Хорезма в XIV–XVII вв.

Рассматриваемый комплекс не является новым ни для Хорезма, ни для Туркменистана. Он появляется в Южном Туркменистане еще на рубеже нашей эры. Позднее, в эпоху раннего Средневековья, этот комплекс устанавливается на материале из поселений и городов Хорезмского оазиса. Массовое появление населения с подобным комплексом признаков на северо-западе Туркменистана и в Хорезме в XIV–XVII вв. позволяет считать его пришлым и вместе с тем связать его с населением Западного Казахстана и Поволжья, главным образом с кипчакским.

Анализ мужских серий эпохи позднего Средневековья показывает, что разделение населения идет по географическому принципу: туркменские группы отделились от всего остального массива более восточных популяций. Анализ женских серий выявил точно такую же картину, которая была получена для мужских. Они тоже выделились территориально из общего массива населения Средней Азии.

В то же время в женских сериях проявилась характерная особенность, которая не наблюдалась среди мужских. Все женские серии, принадлежащие городскому населению, были близки друг к другу и отличались от сельских. Это говорит в пользу того, что женское городское население этого периода было более гомогенным, нежели мужское. Помимо географической дифференциации, в случае женских серий выявляется определенное своеобразие городского населения эпохи позднего Средневековья.

Рассмотрим антропологический состав населения историко-культурных областей Средней Азии.

Восточный Прикаспий. Население этой области в антропологическом отношении смешанное. Серии из Адака и Акдепе характеризуются комплексом признаков, присущим древнему местному населению Южного Туркменистана. Представители другой группы могильников из Красноводского полуострова, Беделиата и Парау обладают иным расовым типом – южносибирским. Серия из Эрсарибаба характеризуется средиземноморским типом. Этот комплекс имеет местное происхождение и известен с эпохи энеолита и бронзы.

Хорезмский оазис. Серии исследуемого периода оказались разнообразными по антропологическому типу. Горожане и сельские жители (Куня Ургенч, Калмыккрылган, Топрак-кала) характеризуются чертами двух вариантов средиземноморской расы, население Токкалы и северного берега Келькора – чертами брахикранного, широко- и высоколицевого типа, и, наконец, население Миздахкана и Хазараспа – чертами расы Среднеазиатского междуречья.

Центральный Мавераннахр. В антропологическом составе основного населения этого региона преобладает раса Среднеазиатского междуречья (Ажинатепе, Пастдаргом, Гур Эмир). В то же время можно выделить представителей средиземноморского (Ишратхана) и южносибирского (Казизаде Руми) типов.

Тохаристан. Судя по черепам из городского некрополя Старый Термез, как и в предыдущем периоде, присутствует грацильный средиземноморский тип. Однако в составе городского населения, кроме основного средиземноморского, можно установить наличие отдельных представителей южносибирского типа.

Ферганская долина, как известно, не представлена материалом. Если судить по более раннему периоду, городское население было европеоидным (Кува), а на севере долины значительно монголизованным (Чартак, Наманганская область).

Семиречье. Антропологических данных о концентрации на этой территории населения с монголоидными чертами нет. Однако можно говорить о проникновении сюда европеоидного населения из южных областей Средней Азии.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что население региона в этот период было смешанным. Наряду с различными европеоидными комплексами, которые преобладают у обитателей Средней Азии, встречаются сильно монголизованные группы. Наибольшая концентрация населения с монголоидными чертами отмечена в Центральном Мавераннахре и на северо-западе.

С целью оценки степени смешанности и монголизованности населения Средней Азии был использован индекс уплощенности лица. В целом индекс для Средней Азии в эпоху позднего Средневековья равен 28,6, т.е. несколько повышается по сравнению с предыдущим периодом. Однако его увеличение плавное, пологое, без скачков, и не настолько сильное, чтобы можно было говорить о значительном притоке нового населения монголоидного облика. По полученным данным, более 40 % населения характеризуется европеоидными чертами, 50 % – смешанными европеоидно-монголоидными, и только 10 % населения – монголоидными особенностями.

С целью изучения характера изменчивости этого показателя у городских и сельских жителей Средней Азии материал сгруппирован по историко-культурным областям.

Юго-Восточный Прикаспий. В среднем индекс уплощенности лица для этой области довольно высокий – 32,7, что свидетельствует о смешанном европеоидно-монголоидном происхождении населения. Группы, монголизованные в значительной степени, с высоким индексом, являются пришлыми из северных и северо-западных областей. Местные популяции характеризуются значительно меньшими его величинами.

Хорезмский оазис представлен городскими и сельскими сериями. В целом для населения Хорезма индекс уплощенности лица равен 24,6, что свидетельствует о европеоидном характере населения с незначительной монголоидной примесью. Городское население, у которого индекс равен 20,8, европеоидное. Среди сельского он выше (28,5), т.е. монголоидная примесь главным образом сосредоточена среди сельского населения. Надо отметить, что эта примесь неодинаково представлена в различных частях Хорезмского оазиса: наиболее монголизованные племена проживают в северной части.

Центральный Мавераннахр представлен тремя сериями с территории города Самарканда и одной – из Мианкаля (междуречья Карадарьи и Акдарьи) в Самаркандской области. В целом индекс для этого региона равен 38,9 и указывает на значительную монголоидность населения. Черепа из Ишратханы обладают европеоидными чертами, а черепа из Шахи-Зинды, Гур Эмира и Казизаде Руми по степени монголоидности не отличаются от черепов тюрко-монгольского времени Казахстана. Вместе с тем по ним нельзя судить о степени монголоидности городского населения Самарканда, т.к. они отражают лишь расовые особенности определенных социальных и религиозных групп, имеющих особый статус (правители, духовные лидеры, знать).

Тохаристан. Население этого региона европеоидное (индекс равен 26,1).

Семиречье. Расовый тип определен как европеоидный (индекс равен 23,3). Однако, как было сказано выше, население, оставившее несторианское кладбище, не является аборигенным. Оно мигрировало из городов и сел южных или юго-западных областей Средней Азии.

Таким образом, в Средней Азии в эпоху позднего Средневековья, как и в предыдущие периоды, продолжается процесс формирования антропологического состава и этнического облика населения со своими специфическими морфологическими чертами. Некоторое увеличение монголоидной примеси характерно для сельского населения. Вместе с тем этот период этнической истории, несомненно, нуждается в увеличении антропологиче-

ской базы. Необходимы дальнейшие исследования для получения репрезентативного материала поздне средневекового периода и близкого к современности. В данной работе не приводятся результаты изучения современного населения Средней Азии.

Известно, что ряд важных антропологических признаков имеет направленную изменчивость. Векторы изменчивости широко изучались как у древнего, так и современного населения. В данной работе была сделана попытка проследить изменчивость признаков, выделить антропологические комплексы с древности до близкого к современности, связанные с определенной территорией или с отдельными этническими общностями. На территории Средней Азии у современного населения выделены следующие локальные краниологические комплексы, которые были известны с предыдущих исторических периодов.

Грацильный средиземноморский комплекс. Наиболее характерными его представителями являются различные народности Памира (горанцы, ишкашимцы, рушанцы и др.), а также иранцы Самарканда. Этот комплекс содержит почти все основные признаки грацильного средиземноморского типа, известного с эпох энеолита и бронзы, занимавшего территорию Восточного Хорасана и юга Средней Азии. За четыре тысячи лет он претерпел некоторые изменения, приведшие к повышению черепного указателя, ослаблению угла выступания носа и углов горизонтальной профилировки лица.

Высоко-узколицый средиземноморский комплекс. У представителей этого комплекса преобладает мезокrania (иногда умеренная брахикrania), узкое и высокое, сильнопрофилированное лицо. Им характеризуются туркмены и часть населения Сурхандарьинской области. Он древний, как и предыдущий комплекс, имеет много общего с ним и отличается лишь узким, высоким лицом и более крупными размерами головы.

Раса Среднеазиатского междуречья близка к обоим предыдущим комплексам и характеризуется брахикrанией, средними размерами головы и лица. Указанный комплекс принадлежит узбекам Хорезмской, Ташкентской, Самаркандской и Ферганской областей.

Южносибирская раса объединяет серии, принадлежащие киргизам, казахам и узбекам Нураты, Пастдаргома, Коканда, Андижанской и Ошской областей.

Таким образом, выявлены четыре антропологических комплекса, которые сформировались в разные исторические периоды и имеют часто различные пути сложения. Наиболее древними являются два варианта средиземноморской расы. Комплекс признаков расы Среднеазиатского

междуречья, по сравнению с предыдущими двумя, имеет более позднее происхождение и четко прослеживается с последних веков до нашей эры.

Основной ареал его сложения и становления включает северные и центральные области. Среди среднеазиатского населения он становится преобладающим на рубеже I–II тыс. В сложении этой расы основную роль сыграли местные европеоидные комплексы, в состав которых вошли различные пришлые европеоидные и монголоидные компоненты.

В формировании антропологического типа современного населения Средней Азии и Казахстана сыграли большую роль, кроме основного европеоидного типа, представители разных вариантов монголоидной расы, степень участия которых на этой территории была неодинаковой. Рассмотрим удельный вес монголоидного компонента в составе среднеазиатских народов.

Для современного населения Средней Азии в целом индекс уплощенности лица равен 46,9, что указывает на наличие значительной монголоидной примеси. По сравнению с предыдущим периодом этот показатель увеличился на 18,3. Это дает основание считать, что после XVII в. наблюдался значительный приток монголоидного населения. Индекс подсчитан отдельно для городского и сельского населения Узбекистана. В среднем у узбеков индекс равен 45,5 и свидетельствует о присутствии значительной монголоидной примеси.

Выявлено различие по величине индекса у городского населения, где он равен 39,8, и сельского – 50,0. Наиболее значительна эта разница в Самаркандской области, где она достигает 19,2; во всех остальных областях Узбекистана варьирует от 8 до 15 единиц. Согд, особенно Самаркандский (Центральный) выделяется наибольшей амплитудой вариаций не только по краниологическим признакам, но и по признакам, исследуемым по другим системам. Таким образом, разная степень монголизации городского и сельского населения, отмеченная с эпохи Античности и раннего Средневековья, сохраняется до наших дней.

Наименьшие величины индекса сосредоточены на юге Средней Азии и повышаются по мере продвижения в северо-восточном направлении. Наименьшие величины характерны для памирских народностей. Почти одинаковые величины индекса имеют туркмены и таджики, наибольшие – казахи и киргизы. Узбеки более разнородны по этому признаку, от почти полного отсутствия до значительной величины. Поскольку для современного населения Средней Азии характерно чресполосное расселение, в целом картина получается довольно мозаичная, особенно если учитывать интенсивную миграцию населения.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В этой главе представлены краткие итоги палеодемографического изучения населения Средней Азии с эпохи энеолита и бронзы до начала XX в. В ней рассматривается динамика изменений половозрастной структуры взрослого населения Средней Азии в отдельные исторические эпохи и в течение всего рассматриваемого периода в целом. Этой теме посвящена отдельная монография (Ходжайов, Громов 2009).

Рассматривая основные исторические тенденции изменения половозрастного состава палеопопуляций Средней Азии разных эпох, нужно отметить два обстоятельства, затрудняющие проведение таких исследований: неравномерность территориального распределения материала и недостаточная численность отдельных серий.

Тем не менее большое количество проанализированных групп обеспечивает объективный характер полученных результатов. Разумеется, из-за недостаточности материала далеко не всегда удастся проследить динамику изменений палеодемографических показателей в пределах одной историко-культурной области. Однако все же выделяются два региона, давших наиболее представительный материал, охватывающий несколько исторических эпох. Это Южный Туркменистан и Приаралье, вместе с Хорезмом.

По представительности материала античные и средневековые памятники заметно уступают как более древним, так и близким к современности. Часть мелких серий пришлось исключить из-за малой их численности. Тем не менее общий объем материала дает основание для уверенных выводов об эпохальных тенденциях изменения основных палеодемографических показателей.

Средний возраст смерти у мужчин обнаруживает тенденцию к росту в течение всех рассматриваемых исторических периодов. Так, в эпохи энеолита и бронзы средняя величина этого показателя равна 37,0 лет, в античное время – 38,5 лет, в эпоху средневековья – 38,4 лет, а в период, близкий к современности – 40,9 лет. У женщин этот показатель 34,9 года, в античное время он снижается до 33,4 лет, увеличивается в Средневековье до 33,9 лет, а в эпоху, близкую к современности, до 36,0 лет.

Интересно распределение процентного соотношения полов в разные эпохи. Выделяются эпохи энеолита и бронзы, когда почти во всех сериях численно преобладают женщины. Такое соотношение полов может быть признано характерным для мирного оседлого населения, поскольку мужчины имели больше шансов погибнуть далеко от дома и не могли быть захороненными на семейном кладбище. В то же время приходится предполо-

жить, что для самых древних периодов не были характерны ранние браки. Вероятно, существовали и экономические причины, по которым было выгодно, чтобы девочки дольше оставались в семье.

В античное время ситуация довольно существенно меняется. Мужчин в погребениях в среднем становится больше на 10 %, чем женщин. Это именно та величина, которая, на наш взгляд, может быть объяснена традицией более ранних браков и соответствующим повышением смертности женщин в юном возрасте. В Средние века диспропорция между полами в погребениях увеличилась еще больше. Возможно, здесь сыграли свою роль какие-то особенности погребальных традиций, существовавшие в то время в отдельных популяциях.

Среди близких к современности памятников, несмотря на такое же преобладание мужчин, как в античное время, можно усматривать тенденцию к выравниванию соотношения полов в погребальных комплексах. Основанием для такого заключения служат данные из трех памятников Самаркандской области, которые наиболее представительны по численности и характеризуют стабильные группы сельского населения.

Процент индивидов старше 50 лет в данные хронологические отрезки обнаруживает различные принципы распределения у разных полов. Так, у мужчин этот показатель, будучи минимальным в эпохи энеолита и бронзы (16,4%), увеличивается в античное время (20,6%), немного снижается в Средние века (18,6%). Максимальные значения его наблюдаются в близких к современности сериях (34,5%). У женщин этот показатель невелик в эпохи энеолита и бронзы (14,1%), очень незначительно увеличивается в античное время (15,3%) и снижается до минимальных величин в Средние века (11,6%). Максимальные значения, как и у мужчин, наблюдаются в близких к современности сериях (21,0%). Однако сравнение соотношения по этому признаку мужчин и женщин старшей возрастной когорты в разные исторические периоды выявило, что в сериях эпохи энеолита и бронзы пожилых мужчин ненамного больше, чем женщин (на 2,3%). В античное время эта разница составляет 5,3%, в средневековое время – 7,1%, а среди близких к современности серий – 13,5%. Обнаруженный тренд, вероятно, является показателем процесса эпохальной «патриархализации» общества.

Для того чтобы выявить эпохальные тенденции в половозрастном распределении в сериях из могильников Средней Азии, была предпринята попытка анализа главных компонент по численности погребенных разных возрастных групп. У мужчин в первой компоненте максимальные нагрузки приходятся на средние возрастные группы, причем с разными знаками. Эта компонента отделяет серии с большим числом погребенных в возрасте молодой и малым их числом в возрасте зрелый от остальных серий с противоположными характеристиками.

Аналогичный характер первой главной компоненты наблюдался при анализе средневекового и близкого к современности материала. Близкие к современности серии при этом тяготеют к отрицательному полюсу, серии эпох энеолита и бронзы расположились в центральной и правой частях графика. Серии античного времени и Средневековья занимают промежуточное положение между ними. При этом средневековые серии оказались ближе к сериям энеолита и бронзы, а античные – к современным сериям.

Вторая компонента отделяет серии с большим количеством пожилых погребенных, к которым относятся довольно много близких к современности серий, от серий с малым их числом. В данном случае также наблюдается противопоставление самых древних серий и серий, близких к современности. Но в этом случае античные и средневековые серии в среднем ближе к группам энеолита и бронзы. Таким образом, образуется диагональ, на противоположных концах которой находятся самые древние и самые поздние группы.

Серии из могильников Средневековья и Античности обнаруживают большее разнообразие, которое, видимо, объясняется меньшей представительностью. Однако было бы неверно рассматривать данное распределение только как отражение эпохальной динамики палеодемографических параметров. Большую роль играет такой фактор, как наличие или отсутствие памятников элитного характера в разные эпохи и их численность. Так, средние значения двух первых главных компонент, полученные для рядового сельского самаркандского населения из могильников, близких к современности, сопоставимы со значениями, полученными для серий энеолита и бронзы.

У женщин в первой компоненте так же, как и у мужчин, большие нагрузки приходятся на средние возрастные группы. Как и при анализе средневековых серий, на противоположные знаки данных нагрузок в мужских и женских сериях не следует обращать внимания. В отличие от мужских, в среднем сходны, с одной стороны, женские серии, близкие к современности, и древние, с другой – античные и средневековые.

Вторая компонента, очевидно, связана с репродукцией. Она отделяет серии с высокой смертностью в возрастной группе юношеский от серий с противоположными особенностями. В данном случае как раз наблюдается противопоставление серий энеолита и бронзы и близких к современности. При этом, как и в первой компоненте, у мужчин средневековые чуть ближе к сериям энеолита и бронзы, а античные – к современным сериям.

Таким образом, на основании анализа главных компонент можно заключить, что в мужской части среднеазиатских популяций прослеживается эпохальная тенденция к увеличению среднего возраста смерти.

Однако она связана не только с реальным улучшением социально-экологической обстановки, но и с увеличением доли специфических захоронений, в частности погребений элитного характера.

В то же время у женщин существенный вклад в общую изменчивость палеодемографических характеристик вносят не численность индивидов, достигших пожилого возраста, а факторы, регулирующие уровень смертности в репродуктивный период. Данные, полученные с помощью метода главных компонент, в целом подтверждают выводы, сформулированные на основании изучения средних палеодемографических характеристик отдельных хронологических периодов, подтверждая таким образом их объективность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При изучении антропологического состава населения Средней Азии наиболее полноценные результаты дало дифференцированное исследование погребальных памятников по принадлежности городскому, сельскому и кочевническо-скотоводческому населению. Благодаря этому нами выявлено своеобразие этнических процессов в каждой из названных категорий памятников.

Сложный антропологический состав современного населения является результатом смешения представителей двух расовых стволов человечества, европеоидного и монголоидного, сыгравших решающую роль в расогенезе и этногенезе среднеазиатских народов. Изучение механизмов этого процесса (взаимоотношения) остается одной из основных задач среднеазиатской антропологии.

Исключительно важным представляется и установление широкого морфологического разнообразия самих европеоидов и монголоидов. Оно достигалось сохранением в одних регионах черт древнего населения, а в других – разнообразными комбинациями, образующимися в результате их смешения. Так, в эпоху энеолита и бронзы, возможно, и еще раньше, выявлены несколько вариантов европеоидной расы. Некоторые из них сохранились у современного населения. Однако за этот период произошли значительные изменения в результате эпохальных сдвигов и процессов метисации. Монголоидные черты появляются в эпоху раннего железа в виде комплекса центральноазиатской расы. В более поздние периоды в различных областях зафиксированы представители байкальского, уральского и южносибирского антропологических типов.

Весь накопленный краниологический материал с территории Средней Азии позволил проследить изменения отдельных признаков и локальных

антропологических комплексов на протяжении последних пяти тысяч лет. В различных областях, как было показано выше, процессы расогенеза имели ряд особенностей, и поэтому изменения таксономически важных признаков различаются в зависимости от хронологических периодов и историко-культурных регионов.

Население характеризуется двумя вариантами европеоидной расы: расой Среднеазиатского междуречья, представленной в основном в городах и селах северо-западной, северной и восточной областей, и средиземноморской – в южной, юго-западной, юго-восточной и центральной областях.

Наблюдаются различия между городским и сельским населением, заключающиеся главным образом в наличии или степени выраженности монголоидных особенностей. Почти во все периоды у сельского населения монголоидные черты выражены сильнее, чем у городского. Это характерно не только для отдельных памятников, но и для всех историко-культурных областей в целом.

С рубежа I и II тыс. в Средней Азии резко увеличивается удельный вес населения, обладающего чертами расы Среднеазиатского междуречья. В раннем Средневековье племена с монголоидными чертами оседают в земледельческих областях Ташкентского оазиса (Чач-Илак), с территории Южного Казахстана через районы западной Уструшаны, а в эпоху развитого Средневековья – из Семиречья в восточную Уструшану.

В характере взаимоотношений между оседлыми и кочевническо-скотоводческими племенами на протяжении всей обозримой истории народов этих регионов можно выделить два этапа. Первый – период от раннего железа и сакского времени до раннего Средневековья, когда кочевые племена в основном проникали в города и крупные поселения и поддерживали тесные контакты с их жителями. Второй – эпоха от раннего Средневековья до XIX в., когда кочевые племена оседали преимущественно в сельских местностях и их связь с городским населением была слаба.

Видимо, в Средневековье, раннее и особенно позднее, резко увеличивается степень присутствия монголоидного компонента во всех сельских округах. Напротив, городское население, составляющее мощный субстрат, оказалось способным ассимилировать внедрившиеся ранее племена с монголоидными особенностями и стало более европеоидным, чем это было в эпоху Античности, поскольку оно в этот период, в отличие от предыдущего, уже не испытывает прежнего давления кочевников.

Общепринятый тезис о параллельном протекании процессов монголизации по антропологическому типу и тюркизации в языке среди среднеазиатского населения в эпоху раннего Средневековья на новом большом

антропологическом материале не подтверждается. При широком распространении в Средней Азии тюркского языка удельный вес монголоидных элементов не увеличивается по сравнению с предыдущим периодом, а, напротив, уменьшается.

Наиболее полно представлено краниологическим материалом узбекское население, поэтому у нас есть возможность изучить территориальные особенности его расового облика. Для узбекского населения Ташкентской, Самаркандской, Хорезмской областей и Ферганской долины характерны черты расы Среднеазиатского междуречья. Среди сельского узбекского населения Самаркандской области, севера Ферганской долины преобладает южносибирский тип и монголизированный вариант расы Среднеазиатского междуречья.

У узбеков Хорезма, кроме черт расы Среднеазиатского междуречья, сохраняются признаки восточно-средиземноморской расы. Восточно-средиземноморский вариант прослеживается у части населения южной Сурхандарьи. Наряду со значительной примесью черт монголизированной расы Среднеазиатского междуречья. Эти результаты подтверждаются и более поздними исследованиями по различным антропологическим программам, в частности одонтологической, дерматоглифической, серологической (Ходжайова 1997, 1999, 2000, 2001).

Территория Средней Азии на протяжении нескольких тысячелетий являлась зоной соприкосновения и метисации многочисленных племен, обладающих различными морфологическими, расовыми, этническими особенностями, хозяйственно-культурными укладами. Надо учитывать, что в течение длительного времени не была постоянной и сильно изменялся природный, политический, социальный ландшафт этого большого региона. Историческая судьба населения, будучи общей, была не совсем неодинаковой, поскольку в разные периоды территориальные и историко-культурные области Средней Азии входили в разные государственные и политические образования. Постоянная миграция населения происходила как в меридиональном, так и в широтном направлениях. Это обусловило нынешний антропологический и этнический облик ее народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдушелишвили М.Г.* К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1954.
2. *Абдушелишвили М.Г.* Палеоантропологический материал из поздних погребений Самтаврского могильника //Тр. ин. экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР. Т. 8. Тбилиси: Изд. АН Грузинской ССР, 1960.

3. *Абдушелишвили М.Г.* Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси: Мецниеребо, 1964.
4. *Алексеев В.П.* Антропология Алтая эпохи железа // Сов. антропология. № 1. М., 1958.
5. *Алексеев В.П.* Положение Тешик-Ташской находки в системе гоминид // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973.
6. *Алексеев В.П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978.
7. *Алексеев В.П.* Человек: эволюция и таксономия. М.: Наука, 1985.
8. *Алексеев В.П., Ходжайов Т.К., Халилов Х.* Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент: Фан, 1984.
9. *Алексеев В.П., Аскарлов А.А., Ходжайов Т.К.* Историческая антропология Средней Азии (палеолит - эпоха античности). Ташкент, Фан, 1990. 276 с.
10. *Алексеев В.П., Аскарлов А.А., Ходжайов Т.К.* Некоторые проблемы комплексного изучения этногенеза узбекского народа // Общественные науки в Узбекистане. Вып.11. Ташкент, Фан, 1980. С. 26-34
11. *Алимов К., Буряков Ю.Ф., Дуке Х.И.* Исследования в Ташкентской области // Арх. открытия 1975 г. М.: Наука, 1976.
12. *Аскарлов А.А.* Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973.
13. *Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
14. *Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент: Фан, 1983.
15. *Аскарлов А.А., Альбаум Л.И.* Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979.
16. *Ат-Табари.* Избранные отрывки. Ташкент, 1987.
17. *Бабаков О., Громов А.В.* Краниологические материалы из могильника Пархай II в фондах Института Истории при Совете Министров Туркменистана // в кн. И.Н.Хлопин «Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана», СПб, 2002.
18. *Багдасарова Н.А.* Савроматы юго-западного Приаралья по материалам могильника Казыбаба // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Серия «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 2. М., 2000.
19. *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–III. М.–Л., 1960.
20. *Бужилова А.П., Медникова М.Б.* Опыт палеодемографической ре-

- конструкции населения Восточного Приаралья в последние века до н.э.-VII в. н.э. (по материалам из склепов джетысарской культуры // Низовья Сырдарьи в древности. М.: ИЭА РАН, 1993. Вып. 2.
21. Бужилова А.П. Биоархеологические подходы к изучению деформированных черепов из Приаралья (по антропологическим материалам могильника Косасар-2) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2006.
 22. Бунак В.В. Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш. Узбекистан // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 13. М.: Наука, 1951.
 23. Вайнберг Б.И. Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме // Археологические открытия 1971 г. М.: Наука, 1972.
 24. Вайнберг Б.И. Культура скотоводов юго-западных окраин Хорезма в VII–VI вв. до н. э. // Краткие тезисы докладов на конференции «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана». Л.: Наука, 1975.
 25. Васильев С.В., Ходжайов Т.К. Антропология Средней Азии в палеолите // ВА. Научный альманах. Вып. 13. М., 2006.
 26. Васильев С.В., Ходжайов Т.К., Мамбетуллаев М.М. Антропологические исследования палеолитических находок из Средней Азии: факты и интерпретации // Вестник Каракалпакского госуниверситета им. Бердаха. «История и археология Приаралья». Вып. 1–2. Нукус, 2010.
 27. Васильев С.В., Ходжайов Т.К. Антропологические исследования палеолитических находок из Средней Азии: факты и интерпретация // История и археология Турана № 1. Самарканд, 2013.
 28. Виноградов А.В. Работы на могильнике Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974.
 29. Виноградов А.В. Могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении // Археологические открытия 1974 г. М.: Наука, 1975.
 30. Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XV. М.: Наука, 1986.
 31. Виола Б., Зайдлер Х., Дитер цур Нэдден. Изучение верхних краев пирамид височных костей OR-1 с помощью компьютерной томографии // Грот Оби-Рахмат. Сб. статей. Новосибирск, 2004.
 32. Гаджиев А.Г. Древнее население Дагестана по данным краниологии, М.: Наука, 1975.

33. *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Актамский могильник // Краткие сообщения института истории и материальной культуры. Вып.69. М., 1957.
34. *Ганялин А.Ф.* Археологические памятники горных районов Севе-ро-Западного Копет-Дага (по данным археологических разведок в 1952 г.) // Известия АН ТуркмССР. № 5. Ашхабад, 1953.
35. *Ганялин А.Ф.* Теккем-Депе (Раскопки 1952—1953 гг.) // Труды Института истории. АН ТуркмССР. Т. 2. Ашхабад, 1956
36. *Герасимов М.М.* Основы восстановления лица по черепу. М.: Наука, 1949.
37. *Герасимов М.М.* Люди каменного века. М.: Наука, 1964.
38. *Гланц М., Виола Б., Чикишева Т.* Новые останки гоминидов из грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. Сб. статей. Новосибирск, 2004.
39. *Гинзбург В.В.* Материалы к антропологии гуннов и саков // СЭ, № 4. М., 1946
40. *Гинзбург В.В.* Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины // ТКАЭЭ, Т. 1, М., 1956.
41. *Гинзбург В.В.* Антропологические материалы из Вуадильского и Актамского могильников // Краткие сообщения Института истории матер, культуры. Вып. 69. М. 1957.
42. *Гинзбург В.В.* Антропологические материалы из окрестностей древнего Пянджикента // МИА, № 66. М., 1958.
43. *Гинзбург В.В.* Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии // Изв. АН КиргССР. Серия общ. наук. Т. 2. Вып. 3. Фрунзе, 1960.
44. *Гинзбург В.В.* Материалы к антропологии древнего населения северного Казахстана // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 21. М.: Наука, 1963.
45. *Гинзбург В.В., Гохман И.И.* Костные остатки человека из Самаркандской палеолитической стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Наука, 1974.
46. *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.
47. *Гремяцкий М.А.* Череп ребенка неандертальца из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан/Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.: Изд. МГУ., 1949.
48. *Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А.А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент: Фан, 1966.
49. *Дебец Г.Ф.* О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. М.: Изд.

- МГУ, 1947.
50. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // Тр. института этнографии АН СССР (новая серия). Т. 4. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1948.
 51. *Дебец Г.Ф.* Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР // Тезисы докладов на сессии Отдела исторических наук и пленуме Института истории и материальной культуры. М., 1956.
 52. *Дебец Г.Ф.* Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968.
 53. *Джуракулов М.Д.* Самаркандская стоянка верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1987.
 54. *Джуракулов М.Дж.* Каменный век бассейна Зарафшана. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени докт. ист. наук. Самарканд, 1992.
 55. *Джуракулов М.Д., Ходжайов Т.К.* Население и культура Сазаганской стоянки эпохи неолита // Сб. Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, 1984.
 56. *Джуракулов М.Д., Холматов Н.* Мезолит и неолит Среднего Зарафшана (Сазаганская культура). Ташкент, 1991.
 57. *Джуракулов М.Д., Холюшкин В.А., Батиров Б.Х.* Самаркандская стоянка и ее место в позднем палеолите Средней Азии // Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980.
 58. *Дубова Н.А.* К проблеме формирования памиро-ферганской расы // Советская этнография. 1978. № 4.
 59. *Дубова Н.А.* Антропологический состав таджиков Северного Таджикистана: Автореф. дис... канд. биол. наук. М., 1979.
 60. *Дубова Н.А.* Искусственная деформация головы у земледельцев в бронзе // OPUS.: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА археологии, 2006.
 61. *Дуке Х.И.* К вопросу о бургулюкской культуре // Общественные науки в Узбекистане. № 8. Ташкент, 1976.
 62. *Дуке Х.И.* Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г. // ИМКУ, вып. 13. Ташкент, 1977.
 63. *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука, 1962.
 64. *Заднепровский Ю.А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. док. дисс... М., 1978.
 65. *Зезенкова В.Я.* Черепа Кзыл-кыра // ИМКУ, Вып. 2. Ташкент, 1961.
 66. *Зезенкова В.Я.* Краниологические материалы из могильников Бухар-

- ской области // ИМКУ, Вып. 4. Ташкент, 1963.
67. *Зезенкова В.Я.* Некоторые краниологические данные курганов Калканская // ИМКУ, Вып. 8., Ташкент, 1969.
68. *Зубов А.А., Гохман И.И.* Некоторые дополнительные одонтологические данные в связи с описанием костных остатков человека с палеолитической стоянки Самарканд // Вестник антропологии. Альманах. Вып. 10. М., 2003.
69. *Зубов А.А., Ходжайов Т.К.* Палеолитическая стоянка Сельунгур // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 11. М., 2004.
70. *Исаков А.И.* Взаимодействие культуры ранних земледельцев Зеравшана с кочевниками-скотоводами // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987.
71. *Исаков А.И.* Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе, 1987.
72. *Исаков А.И., Потемкина Т.М.* Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // Советская археология. №1. М., 1989.
73. *Исаков А., Эшанкулов У.* Работы косатарашского отряда // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978.
74. *Исламов У.* Новые материалы по каменному веку Южного Узбекистана // Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974.
75. *Исламов У.* Пещера Мачай. Ташкент: Фан, 1975.
76. *Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М.* Палеолитическая стоянка Сельунгур в Ферганской долине // Вопросы антропологии. Вып. 80, 1998.
77. *Исламов У.И., Крахмаль К.А.* Палеоэкология и следы древнейшего человека в Центральной Азии. Ташкент, 1995.
78. *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, Наука, 1970.
79. История Казахской ССР. Т.1. Алма-Ата, 1977.
80. *Итина М. А.* История степных племен южного Приаралья. М.: Наука, 1977.
81. *Итина М. А.* От редактора. // Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979.
82. *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи. М., 1997.
83. *Касымов М. Р.* Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане // Палеолит и неолит СССР. Т. 7. Л.: Наука, 1972.

84. *Кияткина Т.П.* Материалы по палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976.
85. *Кияткина Т.П.* Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе: Дониш, 1987.
86. *Кияткина Т.П.* Палеоантропология Средней Азии в эпоху неолита и бронзы (Культура первобытной эпохи Таджикистана (от неолита до бронзы). Д.: Дониш, 1987.
87. *Кияткина Т.П.* Краниологический материал из склепов могильников Алтынасар 4, Томпакасар и Косасар. //Низовья Сыр Дарьи в древности. Вып. II. часть 1. М., 1993.
88. *Кияткина Т.П.* Краниологические материалы из могильников Косасар 2 и Косасар 3 // Низовья Сыр Дарьи в древности. Вып. III, часть 2. М., 1993а.
89. *Кияткина Т.П.* Краниологический материал из Томпакасарского могильника // Низовья Сыр Дарьи в древности. Вып. V. Часть 5. М., 1995.
90. *Кияткина Т.П.* Краниологические исследования из могильников Алтынасар 4 // Низовья Сыр Дарьи в древности. Вып. V. Часть 5. М., 1995а.
91. *Кияткина Т.П., Ранов В.А.* Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане // Вопросы антропологии. Вып. 37. 1971.
92. Коллектив авторов. Антропология и культура Кердера. Ташкент, Фан, 1974.
93. *Коробкова Г.Ф.* Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии // Советская археология. № 3. М., 1975.
94. *Коробкова Г.Ф.* Мезолит Средней Азии и его особенности // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 149. М., 1977.
95. *Кошеленко Г.А.* Культура Парфии. М. : Наука, 1966.
96. *Кузьмина Е.Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.
97. *Кузьмина Е.Е.* Бактрийский мираж и археологическая действительность // Вестник древней истории. № 1. М., 1972.
98. *Левина Л.М.* Памятники Джетыясрской культуры середины I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. // Археология СССР и скифосарматское время. М.: Наука. 1992.
99. *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. М.: 1996.

100. *Литвинский Б.А.* Археологические открытия в Таджикистане в годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии // Вестник древней истории. № 4. М., 1967.
101. *Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А.* Древности Кайраккумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962.
102. *Лоховиц В.А.* Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
103. *Мамонова Н.Н.* Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. СМАЭ. Т. 36. Л.: Наука, 1980.
104. *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии. СССР. Вып. 145. Л.: Наука, 1968.
105. *Мандельштам А.М., Горбунова Н.Г.* Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках // Степная полоса Азиатской части России в скифосарматское время. М.: Наука, 1972.
106. *Марущенко А.А.* Елькен-депе (Отчет о раскопках 1953, 1955, 1956 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. 5. Ашхабад, 1959.
107. *Массон В.М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Т. 7. Ашхабад: Ылым, 1956.
108. *Массон В.М.* Первобытно-общинный строй на территории Туркмении // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Т. 7. Ашхабад: Ылым, 1956а.
109. *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // Материалы и исследования по археологии СССР. 73. М.-Л.: Наука, 1959.
110. *Массон В.М.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 2. Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962.
111. *Массон В.М.* Узловые проблемы археологии Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 122. М., 1970.
112. *Массон В.М.* Согдийская эпоха и культурная интеграция // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикент Таджикской ССР. Душанбе, 1977.
113. *Массон В.М.* Алтын-Депе // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Т. 18. Л.: Наука, 1981.

114. *Массон Е.М.* Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976.
115. *Медникова М.Б., Бужилова А.П.* Палеодемографический анализ по материалам из могильника Косасар 2 // Низовья Сырдарьи в древности, серия Джетыясарская культура, том 3, М., 1993 с. 267-276
116. *Медникова* 1995
117. *Медникова М.Б.* Палеодемография могильников джетыясарской культуры в бассейне Нижней Сырдарьи // Вестник археологии, антропологии и этнографии. (59). Новосибирск, 2022.
118. *Миклашевская Н.Н.* К вопросу об удельном весе центрально-азиатского элемента в образовании антропологического типа киргизов // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М., 1959.
119. *Мирсаатов Т.М.* Хозяйство охотничье-рыболовческих племен Среднеазиатского Междуречья поры мезолита-неолита (источники сырья, эволюция способов его добычи и хозяйственные комплексы) // Автореф. док. дисс., Новосибирск, 1989.
120. *Мустафакулов* 1997
121. Некоторые аспекты формирования антропологических особенностей киргизов (по данным краниометрии) // Вестник МЦАИ (Bulletin of CAAS. № 21. Ташкент, 2015. Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
122. *Неразик Е.Е.* Хорезм в раннем средневековье (IV–VIII вв. н.э.) // Р. апопорт Ю.А., Нерзик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000.
123. *Обельченко О.В.* Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1961.
124. *Окладников А.П.* Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш // Советская археология. Т. 6. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1940.
125. *Окладников А.П.* Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.: Изд. МГУ, 1949.
126. *Ошанин Л.В.* Данные к географическому распространению главнейших антропологических признаков населения Средней Азии и опыт выявления основных расовых типов Средней Азии // Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. Киев, 1931.

127. *Ошанин Л.В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 1–3 // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Т. 96–98. Исторические науки, Кн. 16–18. Ереван: Изд. ЕГУ, 1957–1959.
128. *Ошанин Л.В., Зезенкова В.Я.* Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1953.
129. *Пестряков А.П.* Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана // Советская этнография. 1975. № 1.
130. *Пестряков А.П.* Антропологическое изучение юго-востока Средней Азии (проблема генезиса расы среднеазиатского междуречья) // Автореф. канд. дис... истор. наук. М., 1980.
131. *Пинчукова И.М.* Систематическое положение ребенка из пещеры Тешик-Таш // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.: Наука, 1986.
132. *Потемкина Т.М.* К вопросу о миграции на юг степных племен эпохи бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987.
133. *Ранов В.А.* Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях реки Яхсу (раскопки 1969-1970 гг.) // Археол. работы в Таджикистане. Вып. 10. Душанбе, 1973.
134. *Рохлин Д.Г.* Некоторые данные рентгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-Таш. Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.: Изд. МГУ, 1949.
135. *Рыкушина Г.В.* Одонтологическая характеристика черепов из склепов Джетыясарской культуры // Алтынасар 4, Томпакасар, Косасар 3 // Низовья Амударьи в древности. Вып. II. Ч. I. Склепы. М., 1993.
136. *Рыкушина Г.В.* Матералы по одонтологии Джетыясарской культуры. Грунтовые погребения могильников Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар и Бедаикасар // Низовья Амударьи в древности. Вып. IV. Ч. II. Могильники Томпакасар и Косасар. М., 1993.
137. *Рысназаров Н.* Черепа из могильника Ток-Кала (Каракалпакская АССР) // Советская этнография. 1965. № 2.
138. *Рысназаров Н.* Черты наших предков. Нукус, Каракалпакстан, 1972.
139. *Рычков Ю.Г.* Происхождение расы Среднеазиатского междуречья // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Научные тр. Таш. госун-та. Вып. 235. Ташкент, Изд. ТашГУ, 1964.

140. Рычков Ю.Г. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М., 1969.
141. Сагдуллаев А.С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (По материалам памятников района Шурчи-Байсун). Автореф. канд. дисс. Л., 1978.
142. Сарияниди В.И. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. М.: Наука, 1965.
143. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
144. Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
145. Смирнова О.И. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии // Советское востоковедение, 1957, № 2.
146. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
147. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., Наука, 1948а.
148. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
149. Толстов С.П., Итина М.А. Проблема суярганской культуры // Советская археология. № 1. М., 1960.
150. Трофимова Т.А. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма. СЭ. № 3. М., 1957.
151. Трофимова Т.А. Краниологические материалы из античных крепостей Калалы Гыр 1 и 2 // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., Изд-во АН СССР, 1958.
152. Трофимова Т.А. Черепа из Канга Калы // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 2. М., Наука, 1959.
153. Трофимова Т.А. Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 // Могильник бронзового века Кокча 3. Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 5. М., Наука, 1961.
154. Трофимова Т.А. Саки Приаралья (краниологический очерк) // Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 6, М.: Наука, 1963.
155. Трофимова Т.А. Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии // Anthropos. 19 (n.s.11) Brno, 1967.
156. Трофимова 1973
157. Трофимова Т.А. Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик // Советская этнография. № 5. М., 1974.
158. Трофимова Т.А. Краниология кочевников античного периода с

- территории западной Туркмении // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Наука, 1974а.
159. *Трофимова Т.А.* Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
160. *Трофимова Т.А., Гинзбург В.В.* Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита (по материалам раскопок Кара-Депе и Геоксюра) // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции Т. 10. Ашхабад, Изд АН ТуркмССР, 1961.
161. *Тумэн Д.* Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии. Автореф. канд. дисс... М., 1985.
162. *Туребеков М.* Основные этапы развития внешней оборонительной стены древнего Самарканда по данным раскопа 27 на Западном фазе Афрасиаба // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент: Фан, 1979.
163. *Халилов Х.* Антропологический состав населения Северной Бактрии в эпоху бронзы по материалам могильника Джаркутан. Автореферат канд. дисс. М., 1980.
164. *Хлопин И.Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.: Наука, 1983.
165. *Хлопин И.Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана СПб.: Европейский дом, 1997.
166. *Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Наука, 2002.
167. *Ходжайов Т.К.* Формирование антропологического типа населения Южного Приаралья (Миздахкан). Автореферат канд дисс. Ленинград, 1967.
168. *Ходжайов Т.К.* Древние народы Южного Приаралья (на узбекском языке). Ташкент: Фан, 1978.
169. *Ходжайов Т. К.* Черепа из пещерной мезолитической стоянки Мачай // Тезисы Всесоюзной археолого-этнографической экспедиции по итогам полевых исследований в 1972 г. Ташкент: Фан, 1973.
170. *Ходжайов Т.К.* К антропологии населения Токкалы (Древний Дарсан) // Антропология и культура Кердера. Ташкент, Фан, 1973а.
171. *Ходжайов Т.К.* Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Ташкент, Фан, 1977.
172. *Ходжайов Т.К.* Первые палеоантропологические материалы с Устюрта // Древняя и средневековая культура юго-восточного

- Устюрта. Ташкент: Фан, 1978.
173. *Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, Фан, 1980.
174. *Ходжайов Т.К.* Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы // Автореф. докт. дисс. Наука, 1981.
175. *Ходжайов Т.К.* Динамика формирования антропологических типов Средней Азии (неолит-начало ХХ) // Советская этнография. № 3. М., 1983
176. *Ходжайов Т. К., Джуракулов М. Д.* Антропология Средней Азии. Самарканд: Изд-во СамГУ, 1984.
177. *Ходжайов Т.К.* Население и культура Сазаганской стоянки эпохи неолита // Вопросы археологии и этнографии. Самарканд, СамГУ, 1984а.
178. *Ходжайов Т.К.* Палеоантропология Средней Азии эпохи неолита и бронзы // Материалы к этнической истории населения Средней Азии (сборник). Вып. 20. Т.: Фан, 1986.
179. *Ходжайов Т.К.* Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (антропологическое исследование). Ташкент, Фан, 1987.
180. *Ходжайов Т.К.* К этногенезу и этнической истории народов Средней Азии // Общественные науки Узбекистана. № 11. Т.: 1989.
181. *Ходжайов Т.К.* Антропология каунчинской культуры // Археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
182. *Ходжайов Т.К.* Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии // Этнографическое обозрение. № 2. М., 2000
183. *Ходжайов Т.К.* Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии. Альманах. Вып. 11. М., 2004.
184. *Ходжайов Т.К.* Результаты изучения новых антропологических материалов из сакских погребений Восточного Памира // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 29. Душанбе, 2004а.
185. *Ходжайов Т.К.* Антропологическая характеристика территориальных групп населения Восточного Памира // Археологическая карта Восточного Памира. Душанбе, 2005.
186. *Ходжайов Т.К.* Антропологический состав населения Западного и Восточного Памира (раннежелезный век) // История ГБАО. Т.1. С древнейших времен до новейшего периода. Душанбе: МИНЦ, 2005а.

187. *Ходжайов Т.К.* География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // *OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии.* Вып. 5. М., 2006.
188. *Ходжайов Т.К.* Население позднефеодальной Бухары. М.: Ассоциация Экост, 2007.
189. *Ходжайов Т.К.* Раннесредневековое население Ферганской долины по данным краниологии // *Человек в культурной и природной среде. Сборник материалов конференции, посвященной 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева.* М.: Наука, 2008.
190. *Ходжайов Т.К.* Антропологическая характеристика территориальных групп Восточного Памира в сакское время // *Археология, этнография и антропология Евразии.* № 3(35). Новосибирск, 2008.
191. *Ходжайов Т.К.* К вопросу о миграциях среднеазиатских кочевников в эпоху античности // *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. Материалы и исследования по археологии.* Раздел Палеоантропология. Таус, 2010.
192. *Ходжайов Т.К.* Формирование антропологического состава городского населения Средней Азии // *ВА. Научный альманах.* Вып. 1(23). М., 2013.
193. *Ходжайов Т.К.* К антропологии населения джетысарской культуры // *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры европейских гуннов.* Сборник научных трудов. Челябинск: Рифей, 2013.
194. *Ходжайов Т.К.* К антропологии населения Средней Азии эпохи неолита и бронзы // *Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на смежных территориях.* Сборник, посвященный памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул, 2014.
195. *Ходжайов Т.К.* К проблеме формирования антропологического состава киргизов // *Вестник археологии, антропологии и этнографии Сибирского отделения РАН.* Тюмень. 2015.
196. *Ходжайов Т.К.* Историческая антропология Таджикистана. М., 2016.
197. *Ходжайов Т.К.* Кыргызы. Историческая антропология // *Кыргызы Серия «Народы и культуры».* Коллектив авторов. Отв. редактор В.А. Тишко. М.: Наука, 2016.
198. *Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии Юго-Западного Туркменистана эпохи энеолита (Предварительные результаты) // *Человек: его биологическая и социальная история. Труды международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П. Алексеева.* Т. 1, М., 2010.
199. *Ходжайов Т.К.* Этнографическая область Мианкаль в составе

- Большого Согда // По данным краниологии) // Вестник археологии, антропологии и этнографии СО РАН. Вып. 3(42). Тюмень, 2018.
200. *Ходжайов Т.К.* Кочевники античного Согда // ВА. № 1 (49). М., 2020.
201. Кушанской Бактрии (антропологические, письменные источники и изобразительное искусство // LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
202. *Ходжайов Т.К., Громов А.В.* Палеодемография Средней Азии. М., 2009.
203. *Ходжайов Т.К., Кияткина Т.П.* Археолого-антропологическая характеристика населения джетыясарской культуры Восточного Приаралья // На путях биологической истории человечества (сборник статей). Т. II. М.: Наука, 2002.
204. *Ходжайов Т.К., Кияткина Т.П.* К антропологической характеристике населения джетыясарской культуры Восточного Приаралья (раннее железо – VIII в. н.э.) // На путях биологической истории человечества. Сб. статей. Том II. М., 2002.
205. *Ходжайов Т.К., Мамбетуллаев М.М.* Раннесредневековый могильник Куюккала. М. 2008.
206. *Ходжайов Т.К., Матбабаев Б., Мустафакулов С.И.* Раннесредневековое городское население Пап в Ферганской долине // История материальной культуры Узбекистана (сборник). Вып. 35. Т.: Фан, 2006.
207. *Ходжайов Т.К., Матбабаев Б.М., Мустафакулов С.И.* Историко-культурные связи населения Ферганской долины (по данным антропологии и археологии) // Человек эпохи камня и палеометалла : его физические особенности, культура и среда обитания. Материалы Международной конференции, посвященной 110-летию М.М. Герасимова. ВА. Научный альманах. Ч I. М.: 2007.
208. *Ходжайов Т.К. Мустафакулов С.И.* Краниологические материалы эпохи античности из Бактрии-Тохаристана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 26, Ташкент: Фан, 1992.
209. *Ходжайов Т.К. Мустафакулов С.И.* Население Согда (по антропологическим данным) // Материалы Международной научно-преподавательской конференции, посвященной 70-летию профессора Н.А. Аванесовой. Самарканд, 2011.
210. *Ходжайов Т.К., Мустафакулов, Ходжайова Г.К.* Палеоантропология юга Средней Азии эпохи энеолита и бронзы. М., 2011.
211. *Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И., Ходжайова Г.К.* Старый Термез (К антропологии населения Бактрии-Тохаристана). Актобе, 2012.
212. *Ходжайов Т.К., Халилов Х.* Палеоантропологические материалы из могильника Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 13.

- Ташкент: Фан, 1977.
213. *Ходжайов Т.К., Халилов Х.* Черепа эпохи бронзы из могильника Джаркутан и Бустан (раскопки 1975 года) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 14. Ташкент: Фан, 1978.
214. *Ходжайов Т.К., Халилов Х.* Новые материалы к палеоантропологии Древней Бактрии // Советская этнография. № 5. М., 1978а.
215. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К., Абилов Ш.Л.* Антропологический тип населения г. Андижана по данным краниологии // История матер. Культуры Узбекистана. Вып. 23, Ташкент: Фан, 1990.
216. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Монголоидность у населения Средней Азии и ее эпохальные изменения // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. I V. М., 2001.
217. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Древнее и средневековое наследие Ташкента. Ташкент, 1993.
218. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Антропология и этническая история узбекского народа (на узб. языке). Ташкент, 1995.
219. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Антропологический состав населения Мавераннахра в Эпоху Темуридов // Общественные науки Узбекистана. №№ 3–4. Ташкент, 1997.
220. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Этническая и политическая история узбеков. Историческая антропология // Узбеки. Серия «Народы и культуры. М.: Наука, 2011.
221. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Дальверзинский наус: к антропологии населения Кушанской Бактрии. Ч. I // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 17. М., 2009.
222. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Дальверзинский наус: к антропологии населения Кушанской Бактрии. Ч. II // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 18. М., 2010.
223. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Палеоантропология древних земледельцев эпохи неолита и палеометалла // Ва, № 1 (27). М., 2014.
224. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* К антропологии Приаралья (палеодемографический аспект) // История и археология Приаралья. Вып. 1. Нукус: Билим, 2019.
225. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* К этнической антропологии Средней (Центральной) Азии // История и археология Турана. №4. Самарканда, 2018 (2019).
226. *Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Население Джетыясарской культуры в евразийском пространстве // ВА. № 1 (53). М., 2021.
227. *Ходжайова Г.К.* Этническая дерматоглифика Узбекистана. Ташкент, 1995.

228. *Ходжайова Г.К.* Одонтологические исследования средневекового населения юга Средней Азии // Вестник каракалпакского филиала АН РУз. Нукус, 1996, № 2.
229. *Ходжайова Г.К.* Этническая антропология Узбекистана // Дисс. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. Ташкент, 1997.
230. *Ходжайова Г.К.* Дерматоглифика узбеков // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Серия «Этническая антропология» М.: Наука, 2000.
231. *Ходжайова Г.К.* Дерматоглифика узбеков с родоплеменными делениями // Расы и народы. Современные расовые и этнические проблемы. М., Наука, 2001.
232. *Ходжайова Г.К.* Дерматоглифика народов Средней Азии. М., 2007.
233. *Шведчикова Т.Ю.* Искусственная деформация головы как исторический источник: на примере джетьясарской культуры Восточного Приаралья конца I тысячелетия до н.э. – VIII в. н.э. М., 2010.
234. *Юнусов М.Т.* Антропологические материалы из Ниезбошитепе // ИМКУ, Вып. 10, 1973.
235. *Яблонский Л.Т.* К краниологии кельтеминарцев. Внутригрупповой анализ // Советская этнография, 1985, № 2.
236. *Яблонский Л.Т.* Население Южного Приаралья в раннем железном веке (по материалам могильников). Автор. док. дис. ... М., 1991.
237. *Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.
238. *Яблонский Л.Т.* Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. М., 1999.
239. *Ягодин В. Н.* Устюрт и Приаральская дельта (Некоторые итоги археологических исследований 1971–1975 гг.) // Общественные науки в Узбекистане. № 11. Ташкент, 1976.
240. *Ягодин В.Н.* Памятники кочевых племен древности и средневековья // Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент: Фан, 1978.
241. *Ягодин В. Н., Ходжайов Т.К.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, Фан, 1970.
242. *Ярхо А.И.* Антропологический тип каракалпаков // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. Москва, Изд-во АН СССР, 1952.
243. *Cappieri M.* The Mediterranean race in Asia before the Iron age // Field research project, occasional paper. N 8. Miami, Florida, 1969.
244. *Weidenreich F.* The paleolithic child from the Teshik-Tash cave in Southern Uzbekistan, Central Asia // Amer. Journal of Anthropology (new series). Vol. 3. 1945. N 2.

**БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ РАБОТ ЛАУРЕАТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ИМ. АБУ-РЕЙХАН
АЛЬ-БЕРУНИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ПРОФЕССОРА ХОДЖАЙОВА ТЕЛЬМАНА КАСИМОВИЧА**

МОНОГРАФИИ, КНИГИ

1. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970. 254 с. (совместно с В.Н. Ягодиным).
2. Формирование антропологического типа населения Южного Приаралья (Миздахкан) // АКД на соискание уч. степени к.и.н. Ленинград, 1967. 12с.
3. К антропологии населения Токкалы (Древний Дарсан) // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Т.: Фан, 1973. 140 с. (совместно с В.Н. Ягодиным).
4. Древние народы Южного Приаралья (на узбекском языке.). Т.: Фан, 1978. 32с.
5. Глава VIII «Некрополи средневекового городища Бейшеке» // Археологические памятники Прииссыккуля (под ред. П.Н. Кожемяко и Д.Ф. Винника). Фрунзе: Илим, 1975. 135 с.
6. Черепа караханидского времени из Гальватепе // Древности Чарвака. Т.: Фан. 1975. (совместно с Ю.Ф. Буряковым, Н.Х. Ташкенбаевым и др.). 89 с.
7. Первые антропологические материалы с Устюрта // Древняя и средневековая культура Юго-восточного Устюрта (совместно с В.Н. Ягодиным и др.). Т.: Фан, 1978. 328 с.
8. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепе. Ташкент, Фан, 1977. 153 с.

9. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, Фан, 1980. 166 с.
10. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы // АДД на соискание уч. степени д.и.н. М., 1981. 44с.
11. Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент: Фан, 1984. 390 с. (совместно с В. П. Алексеевым, Х.Х. Халиловым).
12. Антропология Средней Азии // Учебное пособие и программа. Самарканд: СамГУ, 1984. 94 с.
13. Население и культура Сазаганской стоянки эпохи неолита // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд: СамГУ, 1984. 32 с.
14. Этногенетические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). Ташкент: Фан, 1987. 207с.
15. Древнейшее, древнее и средневековое население Зарафшанской долины (на русском языке). Самарканд: Изд. СамГУ, 1987 (совместно с М.Д. Джуракуловым). 43 с.
16. Древнейшее, древнее и средневековое население Зарафшанской долины (на узбекском языке). Самарканд: Изд. СамГУ, 1987. 43с.
17. Позднефеодальные некрополи Бухары как исторический источник (учебное пособие). Самарканд: Изд. СамГУ, 1991г. 95с. (совместно с М.Д. Джуракуловым и Е.Г. Некрасовой).
18. К вопросу формирования этнической истории населения Зарафшанской долины (на узбекском языке) Самарканд: Изд. СамГУ, 1990. 42с.
19. Историческая антропология Средней Азии (палеолит – эпоха античности). Ташкент, Фан, 1990. 276 с. (совместно с В.П. Алексеевым, А.А. Аскарковым).
20. Внешний облик древних людей Узбекистана (на узбекском языке). Т.: Фан, 1990. 51с. (совместно с К. Абдуллаевым).
21. Население древнего Ташкента (научно-популярное издание) (на узбекском языке). Т.: Изд. ТашГУ, 1993. 33с.
22. Антропология и этническая история узбекского народа (на узбекском языке). Т.: ТашГУ, 1995. 111с. (совместно с Г.К. Ходжайовой).
23. Глава «Антропологическая характеристика некрополя Гонурдепе» // Некрополь Гонур и иранское язычество (совместно с Н.А. Дубовой, О. Бабаковым, Г.В. Рыкушиной). М.: Наука, 2001. С.105-132.

24. История Горно-Бадахшанской Автономной Области (ГБАО) Т. I. С древнейших времен до новейшего периода (коллектив авторов). Душанбе, 2005. 493 с. (совместно с М.А. Бубновой, Т. Худжагельдыевым, Д.И. Эдельман, Н.Д. Ходжаевой, А.Шохуморовым, М. Пирумшоевым, М. Алимшоевым, К. Эльчибековым, под ред. А. Ниёзмамедова).
25. Население позднефеодальной Бухары. М., 2007. 260 с.
26. Раннесредневековый некрополь Куюккала. М., Ассоциация «Экоств», 2008. 432 с. (совместно с М.М. Мамбетуллаевым).
27. Палеодемография Средней Азии. М.: «Информационная цивилизация-XXI век», 2009. 351 с. (совместно с А.В. Громовым).
28. Население кушанской Бактрии (антропология, письменные источники и изобразительное искусство) // LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING, 2011. 145 с. (совместно с К. Абдуллаевым).
29. Палеоантропология юга Средней Азии эпохи энеолита и бронзы. М.: «МИКОПРИНТ», 2011. 210 с. (совместно с С.И. Мустафакуловым, Г.К. Ходжайовой).
30. Этническая и политическая история узбеков. Историческая антропология // Узбеки. Серия «Народы и культуры». Коллектив авторов (отв. редакторы З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин. Д.А. Алимова). М.: Наука, 2011. 688с. (совместно с Г.К. Ходжайовой).
31. Старый Термез (к антропологии населения Бактрии - Тохаристана). Актобе: Актюбинский областной центр истории, археологии и этнографии (Казахстан), 2012. 328 с. (совместно с С.И. Мустафакуловым, Г.К. Ходжайовой).
32. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам из могильников у села Маяки // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Труды по археологии. Т.11. Донецк, Донецкий национальный университет, 2012. (совместно с М.Л. Швецовым, А.Ю. Фризен, Г.К. Ходжайовой).
33. Кыргызы Серия «Народы и культуры». Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории и культурного наследия НАН КР. М.: Наука, 2016, С. 22-35. (совместно с Г.К. Ходжайовой).
34. Историческая антропология Таджикистана. М.: «РАДА-реклама», 2016, 158 с.

СТАТЬИ

1. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, № 6. Нукус: Фан, 1966. С. 60-67.
2. Краниология населения Миздахкана в IX-XII вв. н.э. // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, №2. Нукус: Фан, 1967. С. 59-65.
3. К этнической истории Миздахкана в III-VIII вв. н.э. // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. №3-4. Нукус: Фан, 1967. С. 94-100.
4. Формирование антропологического типа населения Южного Приаралья // АКД на соискание уч. степ. к. и. н. Л.: Ленинградское отделение Института Этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1967. 12 с.
5. Раскопки некрополя Древнего Дарсана в 1968 г. (совместно с В.Н. Ягодиным и др. // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, № 3, Нукус: Фан, 1969. С. 58-65.
6. Краниологические материалы XIII-XIV вв. из Миздахкана // ВА. Вып. 31. М.: МГУ, 1969. С. 157-162
7. Краниология узбеков Южного Приаралья (Миздахкан) // СЭ, №4, М.: Наука, 1970. С. 122-125.
8. Курганы Султануиздага // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, №45 (совместно с Ю. Маныловым). Нукус: Фан, 1971. С.73-79). К легендам и мифам о великанах. Какими были древние жители Миздахкана (по данным антропологии (на каракалпакском языке) // Совет Каракалпакстаны от 6 июля 1971г. С. 4.
9. Краниологический материал второй половины VIII-X вв. из Токкалы // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, №2. Нукус: Фан, 1971. С. 68-75.
10. Средневековый мавзолей Джанпыккала // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР (совместно с Ю. Маныловым). № 2. Нукус: Фан, 1972. С. 73-78.
11. Черепа из пещерной мезолитической стоянки Мачай // ТД конференции по итогам полевых работ 1972г. Ташкент, 1973. С. 191-192.
12. Данные к антропологии населения Кердера // Проблемы этнической антропологии морфологии человека. Л.: Наука, 1974. С. 36-44.
13. Черты наших предков (на узбекском языке). Наука и жизнь (Фан ва турмуш). № 4. Ташкент: Фан, 1974. С. 30-31.

14. Работы в Сурхандарьинской области // Сб. «Археологические открытия 1974 г.» М., 1974. С. 496 (совместно с О.М. Ростовцевым).
15. Черепа караханидского времени из Гальватепа // Сб. «Древности Чарвака». Ташкент: Фан, 1975. С. 67-69.
16. Краниологические материалы из Афрасиаба // Сб.: «Афрасиаб», вып. IV. Ташкент: Фан, 1975. С. 115-124.
17. Материалы к антропологии средневекового населения Киргизии // Вопросы антропологии. Вып. 53. М.: МГУ, 1976. С. 168-173.
18. Антропологический состав населения бронзы Сапаллитепа // ТД Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых и этнографических и антропологических исследований 1974-1975 гг. Душанбе: Дониш, 1976. С. 47-49.
19. Антропологическая характеристика древнего населения Центральной Азии II тыс. до н.э.) // Материалы Международного симпозиума «Этнические проблемы древней истории Центральной Азии». Душанбе, 17-22 октября 1977г. М.: Гл. ред. восточной литературы, 1978. С. 44.
20. Антропологический состав населения раннесредневекового населения Средней Азии // ТД Всесоюзной научной конференции «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана» в г. Пенджикент 26-31 августа 1977г. Душанбе: Дониш, 1977. С. 38-39.
21. Раскопки Коштепа // История материальной культуры Узбекистана, вып. 13. Ташкент: Фан, 1977. С. 88-97 (совместно с Ш. Ташходжаевым, М. Исхаковым)
22. Палеоантропологические материалы из могильника Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана, вып. 13. Ташкент: Фан, 1977. С. 41-48 (совместно с Х. Халиловым).
23. Раскопки Коштепа // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 13. Ташкент: Фан, 1977. С. 88-107 (совместно с М.М. Исхаковым, Ш.С. Ташходжаевым).
24. Городское и оседлоземледельческое население Бактрии по данным антропологии // ТД Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976-1977гг. Ереван, 1978. С. 48-49.
25. Антропологические зоны Средней Азии в III-II тыс. до н.э. // Этнические проблемы древней истории Центральной Азии. Межд. симпозиума. М.: Глав. ред. восточной литературы, 1978. С. 44-45.
26. Новые материалы к этнической истории долины Ахангарана // История материальной культуры Узбекистана (сборник). вып.14. Ташкент: Фан, 1978. С. 79-87 (совместно с А.В. Аминовым, Ю.Ф. Буряковым).

27. Опыт палеодемографического изучения населения Миздахкана // История материальной культуры Узбекистана (сборник). вып.14. Ташкент: Фан, 1978. С. 88-91.
28. Черепа эпохи бронзы из могильников Джаркутан и Бустан (раскопки 1975г.) // История материальной культуры Узбекистана (сборник). вып. 14. Ташкент: Фан, 1978. С. 43-50 (совместно с Х. Халиловым).
29. Новые материалы к палеоантропологии Древней Бактрии // СЭ, №5. М.: Наука, 1978. С. 130-133.
30. Краниология узбеков Южного Приаралья // СЭ, № 4. М.: Наука, 1979. С. 122-125.
31. Могильник Утирликтепа // Успехи среднеазиатской археологии (сборник), вып. 4. Л.: Наука, 1979. С. 91 (совместно с Ю.Ф. Буряковым, О.М. Ростовцевым).
32. Антропологический состав населения Средней Азии в эпоху раннего железа и античности // ТД Всесоюзного совещания «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент: Фан, 1979. С. 10-11.
33. Народы Средней Азии и Казахстана // Сб. Этническая одонтология СССР (сборник). М.: Наука. 1979. С. 164-186 (совместно с Н.А. Дубовой, А.А. Зубовым и др.).
34. Некоторые проблемы комплексного изучения этногенеза узбекского народа // Общественные науки в Узбекистане. Вып.11. Ташкент, Фан,1980. С. 26-34 (совместно с В.П. Алексеевым, А.А. Аскарковым).
35. Об этнокультурных связях оседлого и кочевого населения низовьев Зарафшана и бассейна Средней Сырдарьи // ТД Всесоюзной тюркологической конференции Ташкент, 1980. С. 142-143.
36. К краниологии узбеков с родовыми делениями (кенегесы и муйтены) // ТД Всесоюзного совещания, посвященного полевым этнографическим и антропологическим исследованиям 1978-1979гг. Уфа, 1980. С. 87-88.
37. К истории формирования антропологического состава населения Зарафшанской долины // ТД советско-французского коллоквиума «Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. 25-30 августа 1980г. в Самарканде. Ташкент: Фан, 1980. С.105-106.
38. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы // АДД на соискание ученой степени д.и.н. М.: Институт этнографии РАН, 1981. 44с.

39. Организация антропологических исследований по изучению этногенеза узбекского народа // *Общественные науки Узбекистана*. №8. Ташкент: Фан, 1982. С. 23-30 (совместно с В.П. Алексеевым)
40. Динамика ареалов формирования антропологических типов Средней Азии (неолит-начало XX в.) // *СЭ*, № 3. М: Наука, 1983. С. 99-105.
41. К антропологии кочевого населения античного Зарафшана // *Общественные науки Узбекистана*. Вып.11. Ташкент: Фан, 1983. С. 36-39.
42. Палеопатологические исследования в Узбекистане // *Проблемы современной антропологии (сборник)*. Минск: Наука и техника, 1983. С. 53-54 (совместно с М.И. Молдавским)
43. Палеоантропология Средней Азии в эпоху неолита и бронзы // *ТД II советско-американского симпозиума 8-12 сентября 1983 г.*, Самарканд. Ташкент: Фан, 1983. С. 10-13.
44. Антропология древнего населения Средней Азии (эпоха раннего железа и сакского времени // *ТД Первого Советско-Индийского симпозиума «Раннежелезный век Средней Азии и Индии»*. Институт археологии АН Туркменской ССР и Институт истории им. Ш. Батырова. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 49-50
45. Культура и население Сазагана эпохи неолита (на узбекском яз.) // *Вопросы археологии и этнографии» (сборник научных статей)*. Самарканд: СамГУ, 1984. С. 22-27.
46. Внешний облик предков // *Тайны мира*. Вып. 2 (на узбекском яз.). Ташкент: Молодая гвардия, 1985. С. 64-67.
47. Палеоантропологические материалы эпохи неолита и бронзы с территории Средней Азии // *Древние цивилизации Востока (сборник материалов II Советско-американского симпозиума)*. Ташкент; Фан, 1986. С. 29-34 (совместно с В.П. Алексеевым, Т.П. Кияткиной).
48. Городское и сельское население Бактрии и Согда эпохи античности и раннего средневековья // *ТД Советско-французского коллоквиума «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (III до н.э.-VIII в. н.э.)*. Самарканд, 25-30 августа 1986г. Ташкент: Фан 1986. С. 113-115
49. О чем сообщают кости (Внешний облик наших предков) // *Фан ва турмуш – Наука и жизнь (на узбекском языке)*, № 9. Ташкент: Фан, 1986. С. 14-15.
50. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с вопросами этногенеза узбекского народа // *Материалы к*

- этнической истории населения Средней Азии (сборник). Вып. 20. Ташкент: Фан, 1986. С. 93-100.
51. Палеоантропология Средней Азии эпохи неолита и бронзы // Материалы к этнической истории населения Средней Азии (сборник). Вып. 20. Ташкент: Фан, 1986. С. 100-131.
52. Новые краниологические материалы эпохи бронзы из могильника Джаркутан // История и материальная культура Узбекистана (сборник). Вып.20. Ташкент: Фан, 1986. С. 178-183 (совместно с Х. Халиловым).
53. Предварительные результаты археологических и антропологических исследований некрополя средневекового Несефа // История материальной культуры Узбекистана (сборник). Вып. 20. Ташкент: Фан, 1986. С. 183-186 (совместно с Т.Р. Мухамеджановым и др.)
54. Определение пола, плодовитости и возраста у населения средневекового Сагарджа и Несефа // История материальной культуры Узбекистана (сборник). Вып. 20. Ташкент: Фан, 1986. С. 186-195 (совместно с Г.К. Ходжайовой, Е.Л. Усмановой, Т.Р. Мухамеджановым)
55. Погребения эпохи раннего железа из Дашлинского оазиса (Каахкинский район ТССР // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. №4. Ашхабад: Ылым, 1986. С. 27-34 (совместно с О. Бабаковым. В.Н. Пилипко).
56. Средняя Азия и Китай: Антропология древнего населения // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV-XIX вв. (сборник) Ташкент: Фан, 1987. С. 7- 24 (совместно с В.П. Алексеевым).
57. Характер взаимодействия оседлых оазисов и кочевников, прослеживаемый на палеоантропологическом материале из Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций (сборник материалов. Советско-французского симпозиума). Алма-Ата, 19-24 октября 1987. Алма-ата: Изд. Наука, 1987. С. 27-29.
58. Находки Сазагана (на узбекском языке) // Фан ва турмуш», 1987. С. 21-28 (совместно с М.Д. Джуракуловым).
59. К этногенезу и этнической истории народов Средней Азии // Общественные науки Узбекистана, 1989, № 11. С. 24-30.
60. Из истории этнического формирования населения Зарафшанской долины. // Формирование и развитие трасс ВШП в Центральной Азии в древности и средневековье (сборник докладов

- Международного семинара Юнеско). Самарканд, 1-6 окт. 1990. Т.: Фан, 1990. С. 75-79
61. К этнической истории среднего Зарафшана // Проблемы этнической истории народов Средней Азии (сборник научных статей). Самарканд, 1990. С. 45-56 (совместно с М. Джуракуловым).
 62. Позднесредневековое городское население Бухары // История материальной культуры Узбекистана (сборник). Вып. 23. Ташкент: Фан, 1990. С. 83-90 (совместно с Е.Г. Некрасовой).
 63. Антропологический состав населения Андижана по данным краниологии // История материальной культуры Узбекистана» сборник). Вып. 23. Ташкент: Фан, 1990. С. 90-95 (совместно с Г.К. Ходжайовой, Ш. Абиловым).
 64. Новые археологические и антропологические материалы к этнической истории народов Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Общие проблемы (сборник трудов Всесоюзной научной конференции. 20-23 ноября 1968г., Звенигород). Вып. 1. М.: Наука, 1990. С. 54-65 (совместно с А.А. Аскарковым, Ю.Ф. Буряковым).
 65. К этнической истории населения Среднего Зарафшана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Антропология (сборник трудов Всесоюзной научной конференции. 20-23 ноября 1968г., Звенигород) Вып. IV. М.6: Наука, 1990. С. 38-41.
 66. Антропология каунчинской культуры // ТД научной конференции «Археология Средней Азии». Ташкент: ТашГУ, 1990. С. 104-106.
 67. К истории формирования антропологического состава населения Зарафшанской долины // ТД советско-французского симпозиума «Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда». Самарканд. 25-30 сентября 1990г. Ташкент: Фан, 1990. С. 105-106.
 68. К антропологии узбеков // ТД научной конференции профессорско-преподавательского состава Ташкентского университета. Ташкент: ТашГУ, 1990. С. 56.
 69. Материалы к палеопатологии Узбекистана // История материальной культуры Узбекистана (сборник). вып. 24. Ташкент: Фан, 1990. С. 220-228.
 70. Об антропологических особенностях населения Бухарской области в эпоху развитого средневековья // История материальной культуры Узбекистана (сборник). Вып. 25. Ташкент: Фан, 1991. С. 231-236.

71. Динамика монголоидных элементов как показатель этногенетических взаимоотношений историко-культурных регионов Средней Азии // Материалы Межд. конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Комплексная историко-археологическая экспедиция «Турон». Ташкент. Институт искусствознания им. Хамзы Минкультуры РУз. Ташкент: «Турфон», 1992. С. 148-151.
72. Городское и сельское население Бактрии и Согда эпохи античности и средневековья // ТД Международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Комплексная историко-археологическая экспедиция «Турон». Институт искусствознания им. Хамзы Минкультуры РУз: «Турфон». Ташкент. 1992. С. 114-116.
73. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII-XIV вв. // Международный научный семинар «Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье». «Юнеско». Институт востоковедения им. А.Е. Крымского. Донецкая средневековая археологическая экспедиция. Донецк-Днепропетровск, май 1992г. Донецк: «Ашина», 1992, С. 74-78 (совместно с М.Л. Швецовым).
74. Краниологические материалы эпохи античности Бактрии-Тохаристана // История материальной культуры Узбекистана (сборник). Вып. 26. Ташкент: Фан, 1992. С. 186-192 (совместно с С.И. Мустафакуловым).
75. Население древнего Ташкента (его внешний облик, взгляд в прошлое (на узб. яз). // Ташкент окшоми, от 8 ноября 1993г. С. 4-5.
76. К этнической истории Среднего Зарафшана // Народы Средней Азии и Казахстана: традиции и культуры (материалы Международной научной конференции этнологов стран Средней Азии и Казахстана. Ашгабат: Ылым, 1993. С. 14-15.
77. Узбеки (антропологический очерк) // История Турана «Турон тарихи» сборник) №2. Ташкент: Институт истории народов Средней Азии им. Махпират, 1993. С. 24-25 (на узбекском языке).
78. Какими были древние жители Ташкента. Еще один экскурс в прошлое // Ташкент Окшоми, 5 марта ноября 1994г. Ташкент, 1994. С.4
79. Средняя Азия и арийская проблема // Независимый Узбекистан и развитие межнациональных отношений (Материалы Республиканской научной конференции). Ташкент: ТашГУ, 19-20 апреля, 1995. С. 15.

80. Антропология узбеков // Актуальные проблемы истории Узбекистана (сборник научных работ исторического факультета). Ташкент: ТашГУ, 1994. С. 56-57.
81. Скотоводы у стен городов Среднеазиатского междуречья // Города Центральной Азии на Великом Шёлковом Пути (сборник). Самарканд, 30 августа 1994г. Ташкент: Фан, 1994. С. 66-68.
82. К вопросу о среднеазиатско - индийских связях // Города Центральной Азии на Великом Шелковом Пути (сборник). Самарканд-Ташкент: Фан, 1994. С. 65-66
83. К этнической истории населения Нураты // Сборник «Города Центральной Азии на Великом Шелковом Пути». Самарканд 30 августа 1994г. Ташкент: Фан, 1994. С. 68-69.
84. Одонтологические исследования древнего и средневекового населения Миздахкана // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз, №2. Нукус: Фан, 1996. С. 65-71 (совместно с Г.К. Ходжайовой).
85. Новые данные о Темуре и Темуридах // Амир Темура и современность, (материалы Республиканской конференции, посвященной 660-летию со дня его рождения)» Гулистан: ТашГУ и ГулГУ, 1996. С.17-29.
86. К антропологической характеристике населения Мавераннахра эпохи Темуридов // Общественные науки Узбекистана . Вып 3-4. Ташкент: Фан, 1997. С. 46-51.
87. Взаимоотношения кочевников Центральной Азии и Восточной Европы (XIII-XVI вв.) // Европа и Центральная Азия в эпоху Темура и Темуридов (материалы Международной научной конференции, проводимой в рамках Совместного Европейского проекта «Тасис» («Тарих») ТашГУ(Узбекистан), Экстерским Университетом (Англия), Университетом Рени-П (Франция), Фредериксбергской семинарией (Дания). Ташкент-Шахрисябз, 16-18 сентября 1997г. С. 16-18.
88. Этапы расогенеза и этногенеза народов Средней Азии // Независимость и история: новые подходы к изучению истории Узбекистана. Материалы Международной научной конференции по программе European union Tacis Tempus Jер “Tarikh”15-17 апреля 1997г. Ташкент: ТашГУ. С. 19-21.
89. Глава «Становление истории первобытного общества (Ибтидоий жамоа тузуми тарихи», на узбекском языке) // Учебное пособие по истории древнего мира для преподавателей университетов по проекту EU Tacis Tempus JER “Tarikh.”Ташкент: Университет.1997. С.79-86 (совместно с У. Рахмановым).

90. Ancient, medieval and modern populations of Khorezm // Scientific and cultural heritage of mankind – to the third millennium. Theses of reports of the International symposium dedicated to the 2500 anniversary of Bukhara and Khiva. October 18-20, 1997 Bukhara – Khiva Republic of Uzbekistan. Tashkent: “Uzbekistan”, 1997. P.149-151.
91. Древнее, средневековое и современное население Хорезма // Научное и культурное наследие человечества – третьему тысячелетию. ТД Международного симпозиума, посвященного 2500-летию Бухары и Хивы. 18-20 октября 1997г. Бухара-Хива. Ташкент: ТашГУ. С. 170-172.
92. Жители Хивы по морфо-физиологическим показателям // Научное и культурное наследие человечества – третьему тысячелетию. ТД Международного симпозиума, посвященного 2500-летию Бухары и Хивы. 18-20 октября 1997г. Бухара-Хива. Ташкент: ТашГУ. С. 172-173.
93. Об одном древнем обычае в Средней Азии // ТД III Конгресса этнографов и антропологов России. 8-11 июня 1999г. М., 1999. С.194.
94. Этапы формирования антропологического состава населения Средней Азии. // Вторые антропологические чтения памяти акад. В.П. Алексеева. 8-11 июня 1999г. Москва-Салтыковка. М.: Старый сад, 1999. С. 29-30.
95. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // «Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. «Этническая антропология Средней Азии (сборник). Вып. 2. М.: Старый сад, 2000. С. 22-46.
96. Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии // ЭО. Т. 6, № 2. М.: Наука, 2000. С.148-155.
97. К антропологии населения Кердера // Материалы Республиканской конференции Роль и место кердерской культуры в истории (материалы Республиканской научной концеренции). Вып.1. Нукус: Госпединститут, 2001г. С.14-15.
98. Население Среднеазиатского междуречья (Эпохальная и территориальная изменчивость) // ТД к 110-летию В.В. Бунака «Теория антропологии и её методы: истоки и развитие». Бунаковские чтения 12-17 ноября 2001 г. М., 2001. С. 75-76 (совместно с Ю.К. Чистовым, А.В. Громовым).
99. Археолого-антропологическая характеристика могильников Восточного Приаралья (середина I тыс. до н.э. - VIII в. н.э.) // ТД к 110-летию В.В. Бунака «Теория антропологии и ее методы: истоки

- и развитие». V Бунаковские чтения 12-17 ноября 2001г. М., 2001. С. 77-78 (совместно с Л.М. Левиной, Т.П. Кияткиной).
100. Антропологическая характеристика некрополя Гонурдепе //Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105-132 (совместно с С.В. Васильевым, О. Бабаковым, Г.В. Рыкушиной, Н.А. Дубовой, А.П. Пестряковым).
 101. Human skeletal remains from the necropolis of Gonur-Depe //In V. Sarianidy Necropolis of Gonur and iranian paganism? Moscow. 2001. P. 219-240 (with S.W. Vasilyev, Babakov O.V., G.V. Rykushina, N.A. Dubova, A.P. Pestryakov).
 102. Монголоидность у населения Средней Азии и её эпохальные изменения (в соавторстве с Г.К. Ходжайовой) //Среднеазиатский этнографический сборник. Раздел II «Этнические процессы в древности и в новое время». М.: Наука, 2001. С. 35-46 (в соавторстве с Г.К. Ходжайовой).
 103. Major Issues in the Emergence of Turanian (Антропологическая характеристика населения Турана) на английском языке //International seminar “The Iranian World and Turan First Session: The Genealogy of the Iranian and Turanians.13-14 февраля 2001г. Center of Documents and Diplomatic History. Tehran.
 104. К вопросу формирования антропологических особенностей узбеков // ВА. Альманах. №9, М.: Старый сад, 2002. С. 31-41.
 105. Археолого-антропологическая характеристика населения джетыясарской культуры Восточного Приаралья//На путях биологической истории человечества (сборник статей). Т. II. М.: Наука, 2002. С. 56-85 (совместно с Т.П. Кияткиной).
 106. К антропологии народов Крыма //Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки. Серия «Народы и культуры. ИЭА РАН, Институт востоковедения им. Крымского. М.: Наука, 2003, С. 420-423 (совместно с С.В. Васильевым).
 107. Узбеки. Антропологический очерк //Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти акад. В.П. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 342-345.
 108. Формирование антропологических особенностей населения Зарафшанской долины //ТД V Конгресса этнологов и антропологов 9-12 июня 2003г. Омск. М.: Наука, 2003. С. 259.
 109. Палеолитическая стоянка Сельунгур (Антропологическое исследование) //ВА. Научный альманах. Вып. 11. М., 2004. С. 21-27 (совместно с А.А. Зубовым)
 110. Население Согда по данным краниологии //Расы и народы.

- «Современные этнические и расовые проблемы» (сборник). Ежегодник. Вып. 30. М., 2004. С. 189-215.
111. Антропология и этногенетические связи населения анауско-намазгинской культуры Туркменистана // Туркменистан – родина анауской культуры и АК Бугдая (К 100-летию археологической экспедиции американского ученого Рафаэля Помпелли в Туркменистане). Материалы Международной научной конференции. 22-23 октября 2004. Ашгабат, 2004. С. 98-102.
112. Результаты изучения новых антропологических материалов из сакских погребений Восточного Памира. // Археологические работы в Таджикистане (сборник). Вып. 29. Душанбе: Ирфон, 2004. С.258-263.
113. Новые антропологические материалы эпох неолита и бронзы Среднего и Верхнего Зарафшана // ВА, научный альманах. № 11. 2004. С. 87-101
114. Новые краниологические материалы из раннесредневекового городского некрополя Пап в Ферганской долине // Экология и демография человека в прошлом и настоящем (сборник). Третьи Алексеевские чтения, посвященные 75-летию со дня рождения В.П. Алексеева. М.: Наука, 2004. С. 116-118.
115. Ранний железный век (сакский период) Западного и Восточного Памира. Антропологический состав населения // История Горно-Бадахшанской АО (с древнейших времен до новейшего периода). Т. I. Душанбе: Ирфон, 2005. С. 144-149.
116. Эпоха бронзы. Антропологический состав населения из могильника Южбок // История Горно-Бадахшанской АО (с древнейших времен до новейшего периода). Т. I. Душанбе: Ирфон, 2005. С.120-126.
117. Средневековые краниологические материалы из Астраханской области // ВА. Научный альманах. Вып. 12. М., 2005. С. 76-97.
118. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Хумаринского городища (Карачаево-Черкесия) // Хазарский проект. Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим-Москва, 2005. С. 545-561.
119. К палеодемографии средневекового Миздахкана (в соавторстве с Громовым) // ТД VI Конгресса этнографов и антропологов. М., 2005. С.78.
120. География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // OPUS Междисциплинарные исследования

- в археологии «Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии». М.: Институт Археологии РАН, 2006. С. 12-21.
121. К антропологии населения Средней Азии в эпоху античности // «Некоторые проблемы современной антропологии (сборник)». Спб: МАЭ РАН, 2006. С. 80-81.
122. Антропология Средней Азии в палеолите // ВкА. Научный альманах. Вып. 13. М., 2006. С. 31-35 (совместно с С.В. Васильевым).
123. Палеодемография населения афригидской и кердерской культур дельты Амударьи // История материальной культуры Узбекистана (сборник статей). Вып. 35. Ташкент: Фан, 2006. С. 199-204 (совместно с А.В. Громовым).
124. Антропологический состав населения позднесредневековой Бухары (предварительные результаты). Материалы Международной научной конференции «Историко-антропологические исследования метисных и контактных групп населения на территории Евразии», посвященной 115-летию со дня рождения В.В. Бунака (VI Бунаковские чтения) // ВА. Научный альманах. №14. М., 2006. С. 131-135.
125. География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006. С. 12-21.
126. Антропология джетысарской культуры // Сб. материалов международной научной конференции «Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии». 25-27 мая 2006г. Ч. I. Актобе: Принта, 2006. С. 45-47.
127. Раннесредневековое городское население Пап в Ферганской долине // История материальной культуры Узбекистана (сборник). Вып. 35. Ташкент: Фан, 2006. С. 121-143 (совместно с Б. Матбабаевым, С. Мустафакуловым).
128. Историко-культурные связи населения Ферганской долины (по данным антропологии и археологии) // Человек эпохи камня и палеометалла: его физические особенности, культура и среда обитания. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию М.М. Герасимова. ВА Научный альманах. Часть I. М., 2007. С. 264-271 (совместно с Б. Матбабаевым, С. Мустафакуловым).
129. Предварительные результаты изучения населения Ферганы в раннем средневековье (по материалам могильника Мунчактепа) // История материальной культуры Узбекистана (сборник). Вып. 35. Ташкент, 2007. С. 205-215 (совместно с Б. Матбабаевым, С. Мустафакуловым).

130. Палеодемография средневекового населения Южного Приаралья // Человек эпохи камня и палеометалла: его физические особенности, культура и среда обитания», посвященной 100-летию М.М. Герасимова. Материалы Международной научной конференции. ВА Научный альманах. Часть II. М., 2007. С. 426-432 (совместно с А.В. Громовым).
131. К этнической истории населения Ферганской долины // Роль Маргилана в истории мировой цивилизации. Сборник трудов, посвященный 2000-летию юбилею Маргилана «Роль Маргилана в истории мировой цивилизации». Ташкент-Маргилан: Фан, 2007. С. 76-79
132. История формирования антропологических особенностей населения Согда // Роль Самарканда в истории мировой цивилизации. Материалы международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию г. Самарканда. Ташкент-Самарканд. Т.: Фан, 2007. С. 417-420 (в соавторстве с С.И. Мустафакуловым).
133. Раннесредневековое население Ферганской долины (по данным краниологии) // Человек в культурной и природной среде». Сборник материалов конференции, посвященной 75-летию со дня рождения акад. В.П. Алексеева (третьи чтения), Москва 15-17 ноября 2004г. М.: Наука, 2008. С. 180-188.
134. Антропологическая характеристика территориальных групп Восточного Памира в сакское время // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008. № 3(35). С 143-156.
135. Cranial characteristics of the Saka populations of the Eastern Pamirs. Khodzhayov T.K. // Archeology and Anthropology of Eurasian, 2008, №3. P. 143-156.
136. Формирование антропологических особенностей населения Согда // «Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях (сборник статей). СПб, 2009. С. 228-234 (совместно с С.И. Мустафакуловым).
137. К палеоантропологии Юго-западного Туркменистана (предварительные результаты) // Человек: его биологическая и социальная история. Антропологические чтения, посвященные 80-летию выдающегося антрополога, этнолога и археолога В.П. Алексеева. ТД. 09-12 ноября 2009 г. М., 2009. С.
138. К вопросу о распространении обычая искусственной деформации головы у древнего населения // Антропология. Вестник МГУ. Серия XXIII. № 1. М.: МГУ, 2009. С. 78-84.
139. Дальверзинский наус: к антропологии населения кушанской

- Бактрии Часть I // ВА. Научный альманах. Вып.17. М., 2009, С 148-154 (совместно с Г.К. Ходжайовой).
140. К палеодемографии средневекового Хорезма // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях (сборник статей). СПб.: Наука, 2009. С. 205-227 (совместно с А.В. Громовым, М.М. Мамбетуллаевым).
141. Дальверзинский наус: к антропологии населения кушанской Бактрии. Часть II // ВА. Научный альманах. Вып.18. М., 2010. С 88-108 (совместно с Г.К. Ходжайовой).
142. Антропологические исследования палеолитических находок из Средней Азии // Вестник Каракалпакского Госуниверситета им. Бердаха. Вып. 1-2. Нукус, 2010. С. 41-46 (совместно с С.В. Васильевым).
143. Актуальные проблемы антропологии и этнической истории Средней Азии // Проблемы комплексного изучения древних и современных популяций человека. ТД Международной научно-практической конференции 23-25 июня 2010г. Минск, 2010.
144. К антропологии населения Северского Донца // Проблемы комплексного изучения древних и современных популяций человека. ТД Международной научно-практической конференции 23-25 июня 2010г. Минск: «Наука и техника», 2010. (совместно с М.Л. Швецовым, С.Ю. Фризен. Г.К. Ходжайовой).
145. Палеодемография населения протогородов эпохи бронзы Северной Бактрии (по материалам могильников Сапаллитепа и Джаркутан) // Сборник научных работ, посвященный 100-летию со дня рождения С.П. Толстова «Отзвуки Великого Хорезма. М.: ИАЭ РАН, 2010. С. 32-58 (совместно с А.В. Громовым).
146. Исследование храмового комплекса Большая Айбуйиркала //Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. Материалы и исследования по археологии России. №13. М.: Таус, 2010, С.423-431 (совместно с М.М. Мамбетуллаевым).
147. Исследования некрополя Кушхана-тау // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. Материалы и исследования по археологии России. №13. М.: Таус, 2010, С. 441-460 (совместно с Ж.Турмановым, О. Юсуповым, М.М Мамбетуллаевым).
148. К вопросу о миграциях среднеазиатских кочевников в эпоху античности // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. Раздел «Палеоантропология». №13. М.: Таус, 2010. С. 466-474.

149. К палеоантропологии Юго-Западного Туркменистана эпохи энеолита (предварительные результаты) // Труды международной конференции, посвященной 80-летию акад. В.П. Алексеева. IV чтения, Москва-Одинцово, 9-12 ноября 2009г. «Человек: его биологическая эволюция и социальная история. Т.1. Москва-Одинцово: Изд. АНОО ВПО «Одинцовский Гуманитарный институт, 2010. С. 236-239.
150. В.П. Алексеев и антропология Средней Азии // Труды Международной конференции, посвященной 80-летию акад. В.П. Алексеева. IV чтения, 9-12 ноября 2009 г. «Человек: его биологическая и социальная история. Т. 1. Москва-Одинцово: Изд. АНОО ВПО «Одинцовский Гуманитарный институт, 2010. С. 31-37.
151. Этническая и политическая история узбеков. Глава «Историческая антропология» //Узбеки. Серия «Народы и культуры» (Коллектив авторов). М., Наука, 2011, С. 14-24 (совместно с Г.К. Ходжайовой).
152. Антропология средневекового могильника Маяки (Северский Донец) XIII-XIV вв. (совместно с С.Фризен, Г.К. Ходжайовой) // Сб. «Актуальные проблемы антропологии». Вып. 6. Минск: «Беларуская наука», 2011. С. 430-446.
153. Археолого-антропологические исследования средневекового могильника Маяки // Сб. «Актуальные проблемы антропологии». №6. Минск: «Беларуская наука», 2011. С. 274-284.
154. Актуальные проблемы антропологии и этнической истории Средней Азии // Актуальные проблемы антропологии. Вып. 6. Минск: «Беларуская наука», 2011. С. 419-429.
155. К палеодемографии населения Старого Термеза в эпохи античности и средневековья // Археология Узбекистана, №1 (2). Самарканд.: Институт археологии АН Республики Узбекистан. 2011. С.120-131 (совместно с С.И. Мустафакуловым, А.В. Громовым).
156. К истории формирования антропологического состава городского населения Бакатрии-Тохаристана (Старый Термез) //Закономерности формирования антропологического разнообразия человечества». Материалы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения В.В. Бунака (VII Бунаковские чтения). 3-6 октября 2011г. М. 2011. С. 8
157. Жизнь и творчество антрополога Т.А. Трофимовой. ЭО, «Online». №5, М., 2012. С. 193-205. (совместно с Г.А. Аксяновой, Л. Т. Яблонским).

158. Антропологические исследования палеолитических находок из Средней Азии: факты и интерпретация // История и археология Приаралья. Нукус: Фан, 2012. С 23-30 (совместно с С.В. Васильевым).
159. Население среднего течения бассейна Средней Сырдарьи и Таласа на примере могильника Борижары // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2012». Актобе, 2012, С. 453-457 (совместно с Е.П. Китовым).
160. Изучение краниологического материала из Сангиртепа // История материальной культуры Узбекистана (сборник). Вып.37. Самарканд: Фан, 2012, С. 67-73. (совместно с С.И. Мустафакуловым, М. Хасановым).
161. Краниологические материалы VII-VIII вв. из Миздахкана (новые данные) // История и археология Приаралья. Нукус: Фан, 2012. С. 54-64 (совместно с Б. Косекеевым, Ф. Утепбергеновым).
162. Краниологические материалы из мавзолея Кырк-Шопан // История и археология Приаралья. Нукус: Фан, 2012. С.78-92 (совместно с М. Туребековым).
163. Население Подонцовья Золотой Орды (по материалам из могильников у села Маяки // Сб.: «Степи Европы в эпоху средневековья». Золотоордынское время // Сборник научных трудов. Серия «Труды по археологии». Т.11. Донецк: Донецкий Национальный университет, 2012. С. 125-192.
164. Палеоантропология Средней Азии эпохи энеолита и бронзы // Человек в окружающей среде: Этапы взаимодействия. Труды V Международной конференции «Алексеевские чтения» памяти академиков Т.И. Алексеевой и В.П. Алексеева. 6-8 ноября 2013. М.: 2013. С.104
165. Антропологические исследования палеолитических находок из Средней Азии: факты и интерпретации // История и археология Турана. Самарканд : Фан, 2013, №1, С. 27-34 (совместно с С.В. Васильевым).
166. К антропологии населения джетыясарской культуры // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Сборник научных трудов. Челябинск: Рифей изд. Центр ЮУрГУ, 2013. С. 469-484.
167. Формирование антропологического состава городского населения Среднеазиатского Междуречья // ВА. Научный альманах. Вып. 1 (23). М., 2013, С. 85-98 (совместно с Г.К. Ходжайвой).
168. Население Среднеазиатского междуречья // Труды X

- Международного Конгресса этнологов и антропологов России. М., 2013. С. 51.
169. Краниологический материал из мавзолея Кырк-Шопан // История и археология Турана. №1. Самарканд: Фан, 2013. С. 98-112 (совместно с М. Туребековым).
170. Краниологический материал VII-VIII вв. из Миздахкана // История и археология Турана. №1. Самарканд: Фан, 2013, С. 58-68 (совместно с Б. Косекеевым, Ф.Ж. Утепбергеновым).
171. Новые антропологические материалы из храмового комплекса Большая Айбуйиркала и поселения Кушхана-Тау // Вестник Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан. № 3(236). Нукус, «Илим», 2014, С.74-81 (в совместно с М.М. Мамбетуллаевым, К.А. Юсуповым).
172. Палеоантропология древних земледельцев Средней Азии эпохи неолита и палеометалла // ВА, №1 (27), М., 2014, С.128-146 (совместно с Г.К. Ходжайовой).
173. К археологии и антропологии кердерской культуры Южного Приаралья // Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа». ТД Международной научной конференции. М., 2014 (25-29 ноября).
174. Археолого-антропологические исследования материалов из средневековых могильников Донецкой и Луганской областей Украины // Современная антропология: новые данные, перспективы развития, методологические принципы. Материалы Международной научно-практической конференции. Минск, 2014. С. 13 (совместно с М.Л. Швецовым).
175. К антропологии населения Средней Азии эпохи энеолита и бронзы // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на смежных территориях». Сборник, посвященный памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд. Алтайского Госуниверситета, 2014. С 525-529.
176. К проблеме формирования антропологического состава киргизов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №3 (30). Тюмень. 2015. С. 82-91.
177. Некоторые аспекты формирования антропологических особенностей киргизов (по данным краниометрии) // Вестник Международного института центральноазиатских исследований (Bulletin of II CAAS), № 21. Ташкент, 2015, с. 67-79 (совместно с Г.К. Ходжайовой).
178. Археолого-антропологические исследования материалов из средневековых могильников Донецкой и Луганской областей

- Украины //Актуальные вопросы антропологии. Вып. 10. Институт истории НАН Беларуси. Минск «Беларуская наука», 2015, с.77- 92 (в соавторстве с М.Л. Швецовым). Электронный ресурс.
179. К этнической антропологии Средней Азии //Актуальные вопросы антропологии. Вып 10. Институт истории НАН Беларуси. Минск: Беларуская наука, 2015. С. 274-284
180. К антропологии населения Мианкаля // Сборник материалов XII Конгресса этнографов и антропологов России. Симп 3. Секция 12 «Антропология древнего и современного населения» Ижевск, 3-6 июля 2017 г. ИЭА РАН. УИИЯЛ УРО РАН. Москва-Ижевск, 2017. С. 141.
181. К этнической антропологии Центральной (Средней) Азии // История и археология Турана, №4. Самарканд: Фан, 2019. С. 250-258. (совместно с Г.К. Ходжайовой Г.К) №4. С. 19-31
182. Этнографическая область Мианкаль в составе Большого Согда (по данным антропологии) // Вестник археологии, антропологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Вып. 3 (42). Тюмень, 2018. С. 79-92
183. К антропологии раннесредневекового населения Карачаево-Черкесии // Материалы Межд. научн. конф. «Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа» М. (к сожалению, нам не удалось найти выходные данные этой работы, если у вас они есть, просьба прислать на адрес редакции)
184. К археологии и антропологии населения кердерской культуры Южного Приаралья» // Материалы Межд. науч. конф. «Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа. М.
185. К антропологии Приаралья (палеодемографический аспект) // История и археология Приаралья Турана. Вып. 1. Нукус: Билим, 2019. С. 165-178 (совместно с Г.К. Ходжайовой).
186. Кочевники античного Согда //ВА. № 1 (49). М.: ИЭА РАН, 2020. С. 86-97.
187. Население Джетыясарской культуры в евразийском пространстве // ВА № 1 (53). М.: ИЭА РАН, 2021. С. 202-218 (в соавторстве с Г.К. Ходжайовой).
188. Палеоантропологические материалы из могильников Донецкой и Луганской областей. Часть I. //ВА. № 4. М.: 2021. С. 357-381 (совместно с С.Ю. Фризен, Г.К. Ходжайовой).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал «Российский журнал физической антропологии» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам физической антропологии, палеоантропологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе антропологических экспедиций.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.

2. Рукопись подается в электронном формате (Microsoft Word).

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из:

а) основного текста,

б) списка литературы (см. п. 10),

в) списка подрисуночных подписей,

г) резюме и ключевых слов (см. п. 11),

д) списка сокращений,

е) таблиц (см. п. 8),

ж) иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7),

з) сведений об авторе (авторах; см п.12).

Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. Допускается увеличение количества иллюстраций, компенсированное уменьшением объема текста. В объем рукописи включается все составные части статьи, перечисленные в п. 3 (а-е). Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).

5. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте следует сопровождать необходимыми пояснениями.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике. Нескомпонованные части рисунка будут

считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 13 x 19 см.

В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны иметь тематический заголовок и номер в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений.

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии – диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора книги, а после места издания – издательство. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита.

Например:

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. 1960. С. 128.

Алексеев В.П. Остеометрия. Москва, 1960, С. 250.

Васильев С.В. Тригонометрия мозговой коробки ископаемых гоминид. В кн. Новые методы - новые подходы в современной антропологии, М., 1997, С. 68-81.

Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. М. 1999. С. 152.

Галеев Р.М., Васильев С.В. Методические аспекты угловой морфометрии черепов на примере кхмеров Камбоджи. // Известия Иркутского государственного университета, Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология», т.16, 2016, С. 139-156.

Хрисанфова Е.Н. Проблема неравномерности в эволюции Hominoidea. // Вопросы антропологии. 1985. Вып. 75. С. 67-84.

Bilsborough A. Patterns of evolution in Middle Pleistocene homonids. // Journal of Human Evolution. 1976. Vol.5. №5. Pp. 423-439.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Седов, 1979. С. 50). Ссылки на источники — оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции — приводятся в скобках в тексте (Hrd. IV, 119) и в список литературы не включаются.

11. К статье прилагается список ключевых слов (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Текст резюме должен быть структурирован следующим образом: постановка проблемы, цель и задача статьи, применяемые методы, результаты, выводы. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково)

б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (Abstract) и ключевых слов (Key words).

12. К статье прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса и полного названия учреждения — места работы, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Электронный адрес редакции: redaktsia.rjfa@yandex.ru